ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ

ОЛЬГА ОРГЪ

РУССКОЕ
УНИВЕРСАЛЬНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИНЪ

ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ

ОЛЬГА ОРГЪ

Романъ

Русское Универсальное Издательство
Берлинъ
1922

Рисунокъ обложки работы А. Арнштама

Druck Kummer & Co., Berlin C., Neue Promenade 6.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Cette fois, le roi décréta la peine de mort contre tout pére de famille qui oublierait, à l'avenir, de confier le crâne de ses enfants.

Villiers de L'Isle-Adam
(Le Navigateur sauvage).

Les premiers froids, comme les premiers malheurs de la vie, saisissent le plus vivement: c'est qu'ils flétrissent les feuille et les espérances.

Gustave Drouineau „L'ironie".

I.

Бѣлые мягкіе хлопья снѣга тайно, неслышно и быстро устилали землю. Легкіе мотыльки кружились въ блѣдномъ свѣтѣ зимняго дня. Грязный, всѣмъ наскучившій городъ, какъ въ сказкѣ, смѣнился новымъ, такимъ тихимъ, грустнымъ, зачарованнымъ. Люди шли, улыбаясь самимъ себѣ и зажмурившись. Бубенцы звякали тоньше. У дѣвушекъ стыдливо алѣли щеки изъ-подъ напудренныхъ инеемъ прядей волосъ, а у мужчинъ добродушно обвисли усы.

Въ этотъ день, когда къ спящей царевнѣ приходитъ влюбленный принцъ, когда въ поляхъ расцвѣтаютъ голубые ночевѣи, чьи очи — очи любимой, гдѣ сказывается ея сердце; когда души утопшихъ молятся и плачутъ о грѣхѣ своемъ, отчего и синѣетъ въ эту пору ледъ и слышенъ по рѣкѣ тихій шумъ, — въ этотъ день два человѣка, два незнакомца появились въ городѣ.

Они шли, видимо, безцѣльно, такъ просто, куда глаза глядятъ, не справляясь съ названіями улицъ, то появляясь, то скрываясь внезапно; шли, говорили, смѣялись или молчали, загрезившись, какъ люди оторванные отъ дѣла, отъ обязанностей, впервые почувствовавшіе себя свободными.

Первая увидала ихъ Лена и даже оглянулась имъ вслѣдъ, потому что они говорили въ то время очень громко, кажется, по-французски, и вообще совсѣмъ не стѣснялись. Она можетъ побожиться, что одинъ изъ нихъ сказалъ ей: «какіе дивные глаз-

ки». Ужъ это она ясно разслышала и ошибаться не можетъ.

Да, первая замѣтила ихъ Лена. Она сразу рѣшила, что это иностранцы. Она все-таки знаетъ толкъ въ мужчинахъ!

Потомъ ихъ видали другіе въ другихъ мѣстахъ. Маня Пожарова, которая всегда все узнаетъ послѣдняя, всегда разсѣянна и влюблена, говорила впослѣдствіи, что видѣла «этихъ же самыхъ» въ кондитерской у Альберта. Они сидѣли за сосѣднимъ столикомъ и пили шоколадъ, но тогда она ихъ не разобрала, потому что съ нею былъ ея милый Жоржикъ, ея безцѣнный Жоржикъ, а когда онъ съ нею, она никого и ничего не видитъ.

Она вспомнила еще спустя нѣкоторое время, что Жоржикъ говорилъ ей что-то о нихъ. Если ей не измѣняетъ память, онъ разсказывалъ, что они ѣхали съ нимъ вмѣстѣ изъ Петрограда и что кто-то изъ нихъ — писатель или художникъ, а можетъ быть, даже актеръ. Ну, да вѣдь отъ Мани никогда не добьешься толку.

А Оля одна ничего объ этомъ не знала. Она сидѣла у себя въ комнатѣ и читала стихи. Она всегда читала стихи, когда ее охватывала тоска, когда вдругъ ей все становилось противнымъ и подруги, и мечты ея, и увлеченія. Ея круглые выпуклые сѣрые глаза тогда свѣтлѣли, становились безразличными и холодными, какъ у кошки, все лицо ея дѣлалось злымъ, такъ что ей самой непріятно было смотрѣть на себя въ зеркало, хотя въ другіе дни любила она тонкія блѣдныя черты свои, алыя губы, приподнятыя острыми концами кверху, свою лукавую улыбку, невѣрный блескъ всегда мѣняющихся глазъ.

Она запиралась на ключъ у себя въ комнатѣ, садилась въ большое бабушкино кресло, которое потихоньку притаскивала къ себѣ въ эти дни, подбирала ноги и, съежившись въ комочекъ, читала.

Потомъ вскакивала и быстро ходила изъ угла въ уголъ, похрустывая сложенными тонкими пальцами, и повторяла до одури, до полнаго изнеможенія глупую фразу, исковерканную строку лермонтовскаго стихотворенія:

— И ску, и гру, и некому ру...

Она металась изъ стороны въ сторону, все быстрѣе и быстрѣе, и говорила все одно и то же, одно и то же:

— И ску, и гру, и некому ру...

Какъ-то особенно тихи бываютъ предрождественскія сумерки. Оля прислушивалась къ рѣдкому поспѣшному дренькапью извозчичьихъ бубенчиковъ, къ поскрипыванію снѣга подъ ногами идущихъ мимо, къ глухимъ голосамъ за стѣною. Минутами ей казалось, что это не она сама заперлась у себя въ комнатѣ, а ее посадили навсегда въ одиночное заключеніе.

Ея душевное одиночество тогда переходило въ одиночество физическое, въ ужасъ передъ видимой пустотой вокругъ, передъ мыслью, что она одна, совершенно одна и больше никогда никого не увидитъ.

Тогда она бѣжала къ двери, лихорадочно нащупывала ключъ и успокаивалась только, когда дверь отворялась и ей виденъ былъ длинный темный коридоръ, въ концѣ котораго мерцалъ свѣтъ изъ кухни и слышался смѣхъ прислуги.

Успокоенная, притихшая, она снова возвращалась къ бабушкиному креслу, садилась въ него, но уже не подбирала подъ себя ноги, а вытягивала ихъ носокъ къ носку и закидывала за голову руки.

Такъ она сидѣла не шевелясь и смотрѣла въ окно на небо, гдѣ вспыхивали звѣзды. Ея сердце таяло ,ледяное равнодушіе покидало ее; мало-по малу знакомые близкіе образы овладѣвали ею. И ея тонкія, загнутыя концами кверху, какъ перевернутый мѣсяцъ, губы начинали улыбаться.

II.

Осторожно скрипнула дверь, и на порогѣ показалась Лена. Она была въ длинномъ плюшевомъ пальто и шляпкѣ: только ботики оставила въ передней. Въ волосахъ и на вуалеткѣ еще блестѣли нерастаявшія звѣздочки снѣга.

— Ты здѣсь, Олечка?

Ольга не шевелилась и ничего не отвѣтила. Смотрѣла на подругу и улыбалась.

Лена сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ; она уже не могла сдерживать своего оживленія; ея большіе черные глаза блестѣли въ сумеркахъ.

— Ты спишь, Олечка? Ну, такъ проснись и слушай, я тебѣ что-то скажу. ты не знаешь, что я тебѣ скажу. Нѣтъ, нѣтъ, ты молчи, ты никогда не догадаешься... А папа твой здѣсь? Я прошла черезъ кухню, и мнѣ сказала Агафья, что его нѣтъ... Но все-таки я боюсь, ты знаешь, какъ онъ меня не любитъ.

Оля засмѣялась.

— Какая ты глупая, Ленка! что ты тутъ разсказываешь?

Лена подсѣла къ подругѣ, на ручку кресла.

Отъ нея еще вѣяло морозомъ. Въ своемъ оживленіи она хотѣла поцѣловать Олю, но вспомнила, что та этого не любитъ, и сдержалась.

— Ну же, разсказывай, — попросила Ольга, но сейчасъ же быстро спрыгнула съ кресла.

— Подожди минуточку.

Въ темнотѣ не было видно, что она дѣлаетъ.

— Вотъ на, ѣшь и разсказывай.

Въ рукахъ Ольга держала тарелку съ рахатъ лукумомъ. Это было ея любимое лакомство, ея неизмѣнный другъ въ одинокія минуты.

Въ комнатѣ стало еще темнѣе. Въ окнѣ зарябилъ желтый огонь уличныхъ фонарей.

Лена разсказала о томъ, какъ она встрѣтила двухъ незнакомцевъ. Одинъ большой въ pince-nez, другой, бритый, въ носатой мѣховой шапкѣ.

— Я готова держать пари, что они не кто-нибудь, — говорила возбужденная Лена, — у нихъ лица совсѣмъ необыкновенныя и все, все не такое...

Ольга недовѣрчиво вздернула плечами:

— Ну, ужъ ты всегда увлекаешься...

— Да нѣтъ же, нѣтъ!.. ты увидишь. Ты должна пойти со мною, я тебѣ ихъ покажу.

— Ты хочешь искать ихъ, кажется, по улицамъ?

— А ты слушай! Мы пойдемъ съ тобой на вокзалъ къ шестичасовому поѣзду. Я уже все, все узнала. У нихъ сегодня пересадка и сегодня же они ѣдутъ дальше...

— Тѣмъ болѣе, — возразила Ольга, которой было лѣнь двигаться и хотѣлось подразнить спѣшившую подругу. — Зачѣмъ же намъ итти смотрѣть на нихъ, если они уѣзжаютъ... Какой смыслъ?

Лена возмутилась:

— Нѣтъ, ты невозможная! Когда у тебя такой день, ты ничего не хочешь понять..

— Да, напротивъ, я все понимаю и нахожу...

— Можешь находить, что угодно, въ такомъ случаѣ я ѣду одна!

Дѣвушка вскочила съ ручки кресла, поспѣшно облизывая слипшіеся отъ рахатъ-лукума пальцы.

Ольга не думала ее удерживать. Она знала, что Лена никогда не можетъ въ серьезъ на нее разсердиться. Покипятится и перестанетъ. Ольга любила эту дѣвушку, но все-таки, какъ всегда, сознавала свое превосходство надъ нею. Она знала, что Ленѣ невыгодно ссориться съ нею — Ольгой Оргъ, дочерью члена окружного суда, у которой всегда есть много вкусныхъ вещей и ненужныхъ бездѣлушекъ.

Вотъ и сейчасъ Лена совсѣмъ забыла про свою обиду. Она подошла къ туалетному столу и машинально стала прыскаться Ольгинымъ одеколономъ.

Она дѣлала это всегда, и Ольга не имѣетъ ничего противъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ссориться? Ольга давно уже убѣдилась, что дружба не бываетъ вполнѣ безкорыстной.

— Ну, полно, Ленка, нечего дуться, — приподымаясь сказала она. — Такъ и быть, пойдемъ посмотримъ твою диковинку.

III.

Ольга зажгла двѣ свѣчи у туалетнаго стола, сѣла на пуфъ передъ зеркаломъ.

Она слегка поморщилась, взглянувъ на себя. Лицо ея показалось ей блѣднѣе обыкновеннаго. Тогда она встала, быстро скинула кофточку и наскоро умылась.

Отъ холодной воды щеки ея вспыхнули; на лѣвомъ вискѣ забила синяя жилка.

Ей вдругъ стало очень весело. Глаза снова потемнѣли и заиграли усмѣшкой. Пальцами она расправила узенькія — дужками — брови, провела по тонкому носу пуховкой съ пушистой пудрой и вспрыснулась духами «Asurea».

Потомъ достала, впопыхахъ раскидавъ все вокругъ, другую кофточку — темно-синюю, шелковую — своего любимаго цвѣта. Подколола ее булавками, потому что нехватало нѣсколько кнопокъ, и, снова подбѣжавъ къ зеркалу и уже не садясь, оглянула себя со всѣхъ сторонъ.

Въ золотомъ отъ свѣчей маревѣ зеркала мелькнула ея тоненькая фигурка, стройная и гибкая, не знавшая корсета; взмахнули дѣтскія — прутиками — руки; вспыхнули темно-русые волосы.

Все волнующаяся, Лена подала ей шляпку.

Ольга взяла ее съ обычной недовольной гримасой. Это была простенькая мѣховая шапочка, безъ перьевъ и лентъ, нелѣпая, пирожкомъ шляпка, изъ-

за которой столько разъ Ольга проклинала гимназію и придиру-начальницу. Кому могла итти эта шляпка? Дѣвушка не хотѣла согласиться, что въ 17 лѣтъ дѣвичье лицо краситъ любой нарядъ.

Въ передней онѣ встрѣтились съ Аркадіемъ, братомъ Ольги. Онъ казался не въ духѣ. Его желтое отъ безсонныхъ ночей лицо болѣзненно морщилось. Сабля и шпоры немилосердно звякали.

— Опять бѣгать по улицамъ? — брюзжалъ онъ, стягивая узкую въ таліи и длинную до пятъ кавалерійскую шинель.

Ольга улыбнулась. Они были друзьями, но она знала, что братъ любитъ дѣлать ей замѣчанія, когда послѣ попойки у него болитъ голова или онъ проигрался.

— Смотри же, къ обѣду возвращайся!

На улицѣ было безвѣтренно и тепло. Тротуары запорошило снѣгомъ, падающимъ крупными влажными хлопьями. Впереди поэтому казалось, будто суетится рой бѣлыхъ бабочекъ, а дальше все сливалось въ сѣрую муть.

Всѣ прохожіе, точно сговорясь, надѣли бѣлые пуховые воротники и шапки.

Фонари свѣтились невѣрными желтыми, расплывающимися пятнами. Люди, какъ призраки, наплывали другъ на друга и сейчасъ же исчезали. На душѣ становилось особенно радостно, и что-то тихо смѣялось въ глубинѣ сердца, а глаза жмурились отъ липнувшаго снѣга.

Крѣпко зажавъ пальцы въ большой муфтѣ, склонивъ немного набокъ голову и бодро постукивая сѣрыми на кожаныхъ каблучкхъ ботиками, Ольга шла все шибче. Лена, меньше ея ростомъ, полная, съ чрезмѣрно развитой грудью, едва поспѣвала за нею.

Подходя къ мосту, онѣ заслышали заглушенную падающимъ снѣгомъ музыку. Подъ мостомъ на рѣ-

кѣ, въ очищенномъ и обсаженномъ елками кругу военный оркестръ игралъ «На сопкахъ Манджуріи».

Черные, забавные сверху люди причудливыми зигзагами рѣзали ледъ, сверкающій холоднымъ матовымъ блескомъ подъ двумя шарами газокалильныхъ фонарей.

— Хорошо, — почти шопотомъ протянула Ольга, на мгновеніе пріостанавливаясь и прислушиваясь къ музыкѣ.

— Нѣтъ, я люблю больше «Лѣсную сказку», — отвѣтила Лена.

Наморщивъ тонкій, со смѣло вырѣзанными ноздрями носъ, Ольга пошла впередъ, недовольно бросивъ:

— Ахъ, не то!

Она любила музыку за тѣ воспоминанія, которыя та въ ней пробуждала. Мотивъ какой-нибудь аріи или запахъ духовъ всегда вызывали въ ней забытые образы особенно ярко, особенно остро. Несмотря на свои 17 лѣтъ, Ольга любила воспоминанія. Все пережитое становилось для нея интереснѣе, все переживаемое казалось скучнымъ, обыденнымъ и донельзя знакомымъ. О будущемъ она думала со страхомъ и боялась мечтать о немъ. Ей казалось, что, представляя его такимъ или другимъ, она его сглазитъ. Поэтому она не строила, какъ другія, плановъ и только изрѣдка, въ самыя свои тоскливыя минуты, молила Бога, чтобы Онъ ей послалъ все, только не унылое однообразіе «сегодня».

IV.

Ольга сразу ожила, когда вошла въ залу. Она любила безтолковую толчею; кромѣ того, ей всегда казалось, когда она была тутъ, что ее что-то ждетъ новое и интересное впереди: что вотъ стоитъ купить билетъ, и начнется совсѣмъ иное, заманчивое. Ей даже было безразлично, куда ѣхать, лишь бы ѣхать.

— Что вздоръ?

— Ахъ, ничего, Ленка. Право, ты дикая со своими вопросами.

Ее уже раздражала подруга.

— Ты просто сердишься, что тотъ не подошелъ къ тебѣ, — уколола ее Лена, — ну, да ему мало интереса знакомиться съ нами.

Ольга вспылила:

— Съ тобой, можетъ быть!...

— А почему же не съ тобой?...

— Потому что, потому что...

Ольга подыскивала слова, все больше волнуясь и удивляясь своему раздраженію.

— Потому что онъ любитъ меня!

— Что?

Лена остановилась, съ любопытствомъ глядя на подругу. Ольга сама испугалась своихъ словъ, но они не показались ей дикими. Произнеся ихъ, она повѣрила имъ, какъ будто кто-то другой прошепталъ ей это на ухо.

— Да, да, да, любитъ, любитъ... Я знаю, и ты не возражай! Слышишь? Не смѣй спорить...

Лена молчала, сбитая съ толку, ничего не понимающая, раскрывая свои большіе — плошками — черные глаза.

— И не иди со мною, оставь меня одну!... Одну!...

Она повернулась спиною къ подругѣ и побѣжала, скользя по мокрому снѣгу.

Мысли ея путались, ей было все равно куда итти, лишь бы остаться одной. Ей казалось, что кто-то посторонній, шепнувшій ей ея самонадѣянныя слова, теперь не оставляетъ ея, владѣетъ ею. Ей страшно было, но она не могла бороться.

Пусть, пусть... Почему бы и не такъ? Отчего бы ей не повѣрить въ необычайное?

Она снова была на мосту, подъ которымъ на рѣкѣ блестѣлъ ледяной кругъ катка и играла музыка.

гнулъ на площадку, на которой все еще стоялъ его другъ.

Поднявъ глаза, Ольга встрѣтилась снова съ немигающими, пытливыми и какъ будто даже тревожными глазами того, другого.

Вагонъ медленно началъ уплывать. Дѣвушки пошли рядомъ, и, когда поѣздъ прибавилъ ходу и уже нельзя было поспѣвать за нимъ, незнакомецъ, говорившій съ дѣвушками, вдругъ перегнулся назадъ, въ сторону провожающихъ, и крикнулъ:

— А, вѣдь, сегодня двадцать второе декабря...

И спустя мгновеніе еще слабѣе до нихъ донеслось:

— Прощайте!

VI

Ничего не могло такъ поразить Ольгу, какъ пустыя слова незнакомца, что сегодня двадцать второе. Вѣдь это она знала прекрасно еще съ утра и ждала этотъ день задолго, потому что двадцать второго распускаютъ гимназистокъ на рождественскіе праздники. Отъ этого дня она не ждала ничего, кромѣ радости сознанія, что на двѣ недѣли она свободна отъ глупыхъ уроковъ; потомъ на нее напала хандра, и она заперлась у себя въ комнатѣ; потомъ она увидѣла его и вдругъ вспомнила роковое значеніе двадцати двухъ и, когда вспомнила это, совсѣмъ забыла число сегодняшняго дня. Что же есть въ этомъ необычайнаго? Ничего, конечно, ничего... Что изъ того что она увидѣла его двадцать второго? И вообще, что такое онъ? Но, несмотря на эти ясныя, логическія мысли, Ольга чувствовала, что волненіе, охватившее ее при видѣ темныхъ глазъ незнакомца, точно читающихъ въ душѣ ея, не ослабѣваетъ, а растетъ.

— Какой вздоръ, — произнесла она, идя рядомъ съ Леной снова по снѣжнымъ мутнымъ улицамъ.

Ольга чуть улыбнулась, слушая его. Ей показались смѣшными его слова, нарочно выдуманными сейчасъ, какъ тема для разговора съ глупыми дѣвчонками.

Незнакомецъ замѣтилъ ея улыбку и съ живостью подхватилъ:

— Нѣтъ, вы не думайте, что я шучу, а мой другъ, хотя и большой фантазеръ, но иногда, знаете, я ему вѣрю... Право, иногда нужно вѣрить необычайному...

Онъ вдругъ сдѣлался серьезенъ, и его глаза подъ золотымъ пенснэ стали грустными, почти испуганными. Онъ былъ похожъ теперь на Неро — Ольгинаго сенъ-бернара, когда тотъ смотрѣлъ на нее, положивъ ей на колѣни свою большую мохнатую морду.

Черезъ мгновеніе незнакомецъ продолжалъ:

— Нѣкоторые люди умѣютъ видѣть, ихъ глазамъ многое доступно... да... а вотъ я чувствую... у меня есть свои примѣты, свои числа... я суевѣренъ и не стыжусь этого... Скажите, у васъ есть какое-нибудь число? Число со значеніемъ, вѣщее число?

Онъ подошелъ совсѣмъ близко къ Ольгѣ, какъ всѣ близорукіе люди, не замѣчая своей неловкости. Ольга отодвинулась, но вопросъ его былъ заданъ такимъ простымъ тономъ, что она не колеблясь отвѣтила:

— Да, есть... все важное для меня — и хорошее, и дурное — случается двадцать второго.

Незнакомецъ задумчиво поднялъ голову, потомъ пристально и удивленно посмотрѣлъ на дѣвушку, точно желая узнать, не шутитъ ли она, и, должно быть, тотчасъ же прочтя въ ея глазахъ, что она была искренна, тихо произнесъ:

— Ну, вотъ, видите...

Его перебилъ пронзительный свистъ паровоза. Поѣздъ дрогнулъ, готовый отойти. Тогда незнакомецъ приподнялъ опять свою шапку и вспры-

V

Полный незнакомецъ въ pince-nez соскочилъ съ подножки на перронъ и, улыбаясь не то смущенно, не то вызывающе, подошелъ къ дѣвушкамъ.

— Надѣюсь, что вы не очень обидитесь на меня что я заговариваю съ вами, — началъ онъ, приподымая надъ головою котиковую свою шапку; — но увѣряю же васъ, что тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Я и мой другъ ѣдемъ изъ Петрограда въ имѣніе на святки, у насъ никого нѣтъ знакомаго въ этомъ городѣ и никто не могъ бы насъ познакомить съ вами, а намъ такъ хотѣлось бы этого. Я — писатель, мой другъ — художникъ, и очень талантливый художникъ, увѣряю васъ...

Незнакомецъ говорилъ, обращаясь къ Ленѣ, должно быть, замѣтя, что съ нею легче столковаться, но изрѣдка онъ смотрѣлъ и на Ольгу, которая шла впереди, опустивъ голову и плотно сомкнувъ свои губы.

Послѣднія слова онъ обратилъ уже только къ ней.

— Итакъ, вы видите, что мы далеко не искатели приключеній, а просто люди, смотрящіе здраво на вещи. Мой другъ, болѣе того, восхищенъ вашимъ профилемъ, сударыня, который напоминаетъ ему венеціанскую камею... Я мало смыслю въ этомъ, но онъ увѣряетъ, что такія очертанія губъ, какъ у васъ, можно встрѣтить только на старинныхъ гравюрахъ, а волосы ваши горятъ, какъ червонное золото. Онъ говоритъ, что великій Леонардо былъ бы счастливъ писать вашъ портретъ, который назвали бы восхищенные потомки «Соблазненная Мадонна». Онъ успѣлъ мнѣ сказать еще, что не хотѣлъ бы полюбить васъ и боялся бы вашей любви, потому будто бы, что ваша любовь подобна жалу пчелы: отравивъ любимаго, она останется съ нимъ навѣки и, оторвавшись отъ васъ, умертвитъ васъ...

болѣе красивыя, но они не заставляли такъ волноваться ея сердце. Она увлекалась ими, увлекала ихъ сама, но тамъ это было какъ-то легко, весело и скользяще. А тутъ она даже почувствовала нервный холодъ и крѣпче стиснула въ муфтѣ пальцы.

Ей и въ голову не пришло кокетливо охорашивать себя, какъ она это дѣлала всегда, потому что чувствовала себя подъ любопытными глазами мужчинъ хорошенькой и хотѣла казаться еще лучше.

Въ это мгновеніе она потеряла себя, забыла о себѣ, только слышала, какъ сильно билось сердце.

Дѣвушки сейчасъ же пошли дальше, вдоль вагоновъ, обѣ взволнованныя по-своему, Лена — шумная, Ольга — притихшая и не слышавшая, что говорила ей подруга.

— Ну, развѣ неправду я сказала? Развѣ онъ не очень красивъ? — допытывалась Лена.

Но Ольга не знала даже, красивъ онъ или нѣтъ.

Она ничего не знала.

Когда онѣ возвращались обратно, оба незнакомца стояли уже рядомъ.

Тотъ другой, высокій и полный, съ золотымъ пенснэ совсѣмъ обыкновенный, добродушный медвѣдь, что-то смѣясь говорилъ и показывалъ на дѣвушекъ.

— Вотъ увидишь, они подойдутъ къ намъ, — шептала Лена. — Я ужъ знаю.

Ольга испугалась.

— Нѣтъ, нѣтъ, только ради Бога не отвѣчай имъ, если они начнутъ заговаривать. Слышишь, а то я сейчасъ уйду.

— Да что съ тобой? — удивилась та ,— чего ты боишься?

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

Ольга точно бѣжала отъ самой себя. Но она не могла бы уйти сейчасъ отсюда. Она просто не знала, что дѣлать.

Часто, имѣя кое-какія деньги, она ощущала непреоборимое желаніе подойти къ маленькому окошечку кассира и взять билетъ, но всякій разъ она вспоминала мать, которую любила, какъ младшую сестру, видѣла уже ея обезпокоенное нервное лицо и то, какъ она хватается за сердце, когда у нея начинаются перебои, и останавливалась, только грустно вздыхая.

— Гдѣ же они? — спросила она Лену, оглядываясь по сторонамъ и не примѣчая никого, кто бы могъ походить на описаннаго ей незнакомца.

— Пройдемся до конца зала, — отвѣчала Лена, поправляя шляпку и машинально оглядывая себя въ зеркало.

Онѣ пробѣжали залъ изъ конца въ конецъ, но тѣхъ, кого онѣ искали, не было.

Тогда онѣ купили перонные билеты и вышли на платформу.

Шестичасовой поѣздъ уже стоялъ у дебаркадера. Носильщики носили вещи. У третьяго класса толпились мужики съ сѣрыми тюками на спинѣ.

Изъ-подъ навѣса вѣтеръ иногда сдувалъ бѣлую пыль снѣга и завѣвалъ ее въ призрачныя воронки.

— Да гдѣ же они, гдѣ же? — уже начиная волноваться и не зная причины этому, спрашивала Ольга.

И вдругъ она остановилась, привороженная. На нее смотрѣли сверху, съ площадки вагона, чьи-то внимательные темные глаза.

— Это онъ, — тотчасъ же услышала она за собою Ленинъ шопотъ.

Но объясненія были не нужны. Ольга сама это ясно почувствовала.

Конечно, на одно лишь мгновеніе глаза ихъ встрѣтились ,но потомъ, вспоминая это мгновеніе, Ольга думала, что она пережила много-много дней.

Она не могла бы даже сказать, что особенно поразило ее въ этомъ незнакомцѣ. Она видѣла лица

И вдругъ у нея въ глазахъ навернулись слезы. Она почувствовала, что слабѣетъ, и, обезсиленная, наклонилась надъ перилами моста. Она не знала и теперь, что съ нею, но ей стало невыразимо хорошо; сердце ея сжималось отъ теплоты и счастья. Она не находила словъ своему чувству, оно не было похоже ни на какое другое чувство, испытанное ею раньше, и опять какъ тогда, когда она впервые увидѣла глаза незнакомца, она потеряла себя, свое лицо, забыла любовь къ себѣ, любованіе собою. Было только одно большое радостное, свѣтлое счастье.

Она нѣсколько разъ пережила сызнова свою встрѣчу съ незнакомцемъ. Ей ничуть не было досадно, что онъ такъ и не сказалъ ей ни слова. Ей ничего не нужно было, ничего...

VII

Какъ ей были противны теперь всѣ поцѣлуи, полученные и отданные ею. Какъ она могла радоваться имъ раньше? Краденый поцѣлуй Владека Ширвинскаго въ ихъ темномъ коридорѣ. Онъ встрѣтился съ нею тамъ, выходя изъ комнаты ея брата, схватилъ ее за руки и поцѣловалъ въ губы. Онъ никогда раньше не говорилъ съ нею, а тутъ вдругъ у нея закружилась голова отъ его поцѣлуя, и она тоже поцѣловала его, а потомъ они кинулись въ разныя стороны, потому что скрипнула дверь и раздался голосъ Аркадія.

Она заперлась тогда и спрашивала себя, не любовь ли это, потому что глаза ея потемнѣли и она не могла смотрѣть на себя въ зеркало. Все ея тѣло горѣло, и ей хотѣлось пить. Но потомъ, встрѣчаясь съ Ширвинскимъ снова, она всегда съ дрожью думала о его поцѣлуяхъ, которыми онъ ее дарилъ всякій разъ и которыхъ она боялась, но которымъ

не могла противиться, непрестанно спрашивая себя, не любовь ли это.

Но тамъ не было счастья. Нѣтъ, тамъ его не было.

Въ прошломъ году ее цѣловалъ Мравинъ—Сѣвскій — драматическій актеръ, «адски интересный», первый любовникъ, какъ его называли всѣ семи-и восьмиклассницы, сходящія по немъ съ ума. Каждая старалась заслужить его расположеніе, и это расположеніе заслужила она, Ольга Оргъ.

Какъ она гордилась имъ передъ подругами. Сколько она нажила враговъ изъ-за него. Ее начали считать интриганткой, съ ней многія перестали говорить въ классѣ, но она была довольна, потому что самолюбію ея было пріятно, что ей завидуютъ.

Ей было позволено ходить къ нему въ уборную, пока другія стояли у его дверей.

Онъ усаживалъ ее и кормилъ виноградомъ.

Она дурачилась, капризничала, требовала, чтобы онъ становился на колѣни и такъ униженно просилъ о поцѣлуѣ.

И, цѣлуя его, она удивлялась тому, что у него такія жесткія, синія щеки.

Онъ спрашивалъ ее: «любишь ли меня», она, смѣясь, отвѣчала: «люблю», но ничего не чувствовала, кромѣ радости, что вотъ сейчасъ выйдетъ отъ него и встрѣтитъ завистливые взгляды подругъ.

А когда онъ цѣловалъ ее, она смотрѣла съ любопытствомъ въ его глаза, загоравшіеся похотливымъ огнемъ, но лицо ея оставалось холоднымъ, и, наскучившись этимъ, она говорила ему: «ну, довольно».

Онъ, кажется, не на шутку влюбился въ нее, называлъ «сфинксомъ», все пытался разгадать ее и такъ и не разгадалъ.

Однажды онъ позвалъ ее къ себѣ въ номеръ гостиницы. Ей было страшно, но подруги ея сказали ей, что она, конечно, не пойдетъ, и она пошла.

Онъ былъ взволнованъ, онъ, повидимому, на что-то рѣшился. Онъ сразу же заговорилъ съ нею о своей любви. Цѣловалъ ея колѣни. А она смотрѣла на него съ любопытствомъ, безъ тѣни страха. Тогда онъ поднялъ ее и отнесъ на тахту.

Она не противилась. Она неподвижно лежала и смотрѣла на него. Онъ припалъ къ ней губами. Долго не отрывался, жадно цѣлуя.

И почти задушивъ ее въ своихъ объятіяхъ, пьянѣя, но все еще боясь за свою свободу и не рѣшаясь, онъ спросилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Скажи, ты вѣдь не дѣвушка?

О, какъ она смѣялась, какъ она смѣялась этому звѣрю прямо въ лицо, совсѣмъ холодная и спокойная. Она захлебывалась отъ хохота.

Недоумѣвающій, онъ выпустилъ ее и сидѣлъ смѣшной, съ взъерошенными волосами, съ галстукомъ набоку, со стеклянными, глупыми глазами.

Она спокойно застегнула кофточку, одѣлась и ушла.

Когда она разсказала объ этомъ подругамъ, онѣ не могли понять ее и, кажется, не повѣрили.

— Вѣдь онъ же любилъ тебя! — говорили онѣ, а Маня Пожарова такъ та прямо сказала:

— Ты или врешь, или просто безстрастная дура!

Эта Маня Пожарова всегда хвасталась, что она очень страстная и что поцѣлvи Жоржика ее сводятъ съ ума.

Нѣтъ, поцѣлуи «красавца-актера» были только смѣшны Ольгѣ и даже не вызвали въ ней того страха и стыда, которые охватывали ее теперь всякій разъ, когда ее цѣловалъ Владекъ.

VIII

Погруженная въ воспоминанія, Ольга забыла время. Бѣлые хлопья снѣга осыпали ея спину и шляпку, но она ничего не видѣла, кромѣ длинныхъ золотыхъ лучей, которые тянулись къ ней сквозь сощуренныя вѣки.

Но, опомнившись, она заспѣшила домой, потому что обѣденное время уже давно миновало.

Она шла по улицамъ и не переставая улыбалась. Она не мечтала о будущемъ, но у нея было что-то свое, что должно свершиться.

Жизнь снова вернулась къ ней со своими радостями и шумомъ, но она смотрѣла на нее иначе.

Дома ее встрѣтила горничная шопотомъ: «Господа уже покушали, а барышнѣ оставленъ приборъ, но баринъ очень сердится».

Ольга хотѣла подѣлиться съ матерью своей радостью (она только не знала какъ); теперь же въ ней заговорило болѣзненное самолюбіе. Она подняла голову и сухо повела посвѣтлѣвшими глазами.

Раньше она сама пеняла на себя за то, что забыла про обѣдъ, а теперь, въ ожиданіи нагоняя, уже казалась себѣ правой и оскорбилась.

Когда ей подавала горничная второе блюдо, въ столовую вошелъ отецъ.

«Начинается», — подумала Ольга и, опустивъ глаза въ тарелку, съ упорствомъ стала разрѣзать плохо подогрѣтый кусокъ ростбифа.

Виталій Августовичъ, не глядя на дочь, мягко ступая подбитыми зайцемъ матерчатыми туфлями, прошелъ изъ дверей своего кабинета въ противоположный конецъ столовой, гдѣ стоялъ буфетъ. Доставъ изъ буфета рюмку, онъ налилъ изъ графина воды, накапалъ туда изъ принесеннаго съ собой пузырька нѣсколько бурыхъ капель лѣкарства и только тогда, все еще держа въ рукѣ рюмку и не выпивая ея, оборотился къ Ольгѣ.

— Ты, кажется, хочешь совсѣмъ уморить насъ, — сказалъ онъ сухимъ, но еще сдержаннымъ голосомъ. — Мало того, что ты не считаешь долгомъ сообщать намъ, гдѣ ты пропадаешь цѣлыми днями, ты еще позволяешь себѣ не уважать домъ, въ которомъ живешь... Ты превращаешь его къ кабакъ, гдѣ можно ѣсть когда угодно. Но, милая моя, это ужъ слишкомъ!

Онъ умолкъ на мгновеніе, глядя на дочь, которая упорно и невозмутимо продолжала ѣсть.

— Къ несчастію, теперь поздно заниматься твоимъ воспитаніемъ, — продолжалъ старикъ, все болѣе волнуясь, —мои дѣла не позволяли мнѣ думать объ этомъ раньше, а твоя мать...

— Оставь, пожалуйста, въ покоѣ маму, — тихо, но внятно проговорила Ольга.

— Что?

Не подымая головы, дѣвушка повторила:

— Оставь въ покоѣ маму!

Синія жилы налились на плоскихъ лысыхъ вискахъ Виталія Августовича. Распелескивая лѣкарство, онъ поставилъ рюмку на столъ и подбѣжалъ къ неподвижно сидящей дочери. Все его маленькое, худое тѣло тряслось; пенснэ упало и повисло на шнуркѣ вдоль старенькаго сѣраго пиджака.

— И ты, и ты смѣешь мнѣ говорить это? — кричалъ онъ, не помня себя и подпрыгивая. — Гнусная дѣвчонка, отбившаяся отъ дома, смѣетъ мнѣ, отцу запрещать говорить.... Она, черствая эгоистка, никогда не думавшая ни о больной своей матери, ни обо мнѣ?... Она смѣетъ защищать свою мать, которую уважаютъ больше ея. Это еще новости! Вотъ вамъ вашъ гимназическій сбродъ, ваши милыя подруги!

Ольга поднялась со стула и, бросивъ на столъ салфетку, пошла къ дверямъ.

Ея молчаніе, ея хладнокровіе еще болѣе горя-

чили отца. Виталій Августовичъ кинулся за нею и схватилъ ее за руку.

Поблѣднѣвшая Ольга вырвала руку.

— Не смѣйте меня трогать.

— Что? что?... Стой, когда съ тобой говорятъ! Да стой же!

Но Ольга не повиновалась. Она чувствовала, что еще одно слово, и она, не помня себя, кинется на отца. Несмотря на обиду, она жалѣла отца, котораго любила меньше матери, но столь же снисходительно. Она давно привыкла относиться къ нимъ обоимъ такъ, какъ будто они были младше нея и нуждались въ снисхожденіи.

Виталій Августовичъ снова догналъ дочь и схватилъ ее за локоть. Отъ волненія онъ не разсчиталъ своей силы и разорвалъ рукавъ Ольгиной кофточки.

Ольга вздрогнула, вся кровь прилила къ ея головѣ, и она, изогнувшись, толкнула отца.

Старикъ нелѣпо вскинулъ руки и упалъ. Голова его ударилась объ полъ. Ольгѣ показалось, что онъ потерялъ сознаніе.

Сразу охладѣвшая, пришедшая въ себя, дѣвушка стояла надъ нимъ, не зная, что дѣлать.

На шумъ пришелъ Аркадій. Онъ спалъ послѣ обѣда, и правая щека его еще горѣла, измятая жесткой подушкой дивана.

— Опять скандалъ, — протянулъ онъ, зѣвая и не замѣчая лежащаго отца. — Маму разбудите! Чортъ тебя носитъ. Я же говорилъ не опоздать.

Ольга молча показала ему на отца.

— Воды дай скорѣе!

И склонилась надъ старикомъ, силясь приподнять его голову.

Виталій Августовичъ открылъ одинъ глазъ, глянулъ на дочь и тихо но раздѣльно проговорилъ:

— Убирайся вонъ! Слышишь, сейчасъ же убирайся вонъ изъ моего дома.

IX

Городъ спалъ, и надъ нимъ, за дальними домами, лихорадочно взмывало туманное зарево.

Еще изъ театра не разъѣзжались, такъ какъ пьеса не кончилась. Темный рядъ извозчиковъ, охраняемый городовымъ, былъ неподвиженъ. Только изрѣдка то въ одномъ концѣ его, то въ другомъ фыркала или кашляла застоявшаяся лошадь.

Изъ артистическаго подъѣзда вышли Ольга, Владиславъ Ширвинскій, Раиса Андрушкевичъ, гимназическая подурга Ольги, студенты баронъ Оттонъ фонъ-Дирксъ съ Антошей Богушемъ и гимназистъ восьмого класса Вася Труновъ. Всѣ они смѣялись и были веселы.

Ольга смѣялась больше всѣхъ. Она уже забыла о давешней сценѣ съ отцомъ. Какъ никогда раньше, она чувствовала себя взвинченной, способной на шалость, готовой прыгать отъ дѣтской радости. Явное ухаживаніе мужчинъ еще болѣе ее веселило. Она дразнила ихъ весь вечеръ своею таинственностью. Ей нравилось, что у нея есть тайна, въ которую хотятъ проникнуть.

Обыкновенно молчаливая и таинственная Раиса, любившая казаться немного тронутой и этимъ извѣстная въ гимназіи, сегодня держалась въ сторонѣ и не мѣшала. Она была простужена и боялась за свой голосъ, и точно недурный, который она берегла, думая поступить на будущій годъ въ консерваторію.

Ее поддерживалъ за локоть баронъ — высокій худой и блѣдный, начисто выбритый, съ грустно поникшей головой. Она шептала придушеннымъ голосомъ, закрываясь муфтой.

— Ахъ, тише, тише!

Вася Труновъ, маленькій и вертлявый, съ ужимками заправскаго танцора, какимъ онъ и былъ, подбѣжалъ къ Ольгѣ съ пылающими щеками, съ бью-

щимся сердцемъ; отъ него пахло виномъ и глаза его невѣрно блестѣли. Онъ вырвалъ руку Ольги изъ руки сопровождавшаго ее Владека и закружилъ дѣвушку въ бѣшеномъ вальсѣ.

— Оставьте, сумасшедшій, — смѣялась она, — здѣсь не вечеринка.

И, выскользнувъ изъ объятій гимназиста, чувствуя еще, какъ кружится голова и бьется въ вискѣ кровь, она сказала, обводя всѣхъ увлажнившимся взглядомъ:

— Господа, вы должны радоваться со мною... Нѣтъ, правда! Я такъ счастлива, такъ счастлива!

Дѣвушка зажмурилась и протянула впередъ руки.

— Сегодня мой самый счастливый день. Сегодня двадцать второе. Ты знаешь, Рая, что это для меня!... И я нашла его, я нашла его сегодня!

Ольга снова открыла глаза, улыбающаяся и довѣрчивая. Она любила всѣхъ въ это мгновеніе ,всѣ были ея друзьями и должны понять ее.

— Имя, дайте намъ имя этого счастливца! — дурашливо закричалъ Богушъ.

Ольга подняла кверху углы своихъ губъ. Она улыбалась.

— Имя?... У него нѣтъ имени, у него нѣтъ родины — онъ прекрасный Эросъ!

Дѣвушка засмѣялась. Ее самое забавляла ея торжественность.

— Ну, что же, будемъ прощаться?

Раиса Андрушкевичъ съ барономъ Дирксъ сѣли въ однѣ сани, Труновъ съ Богушемъ — въ другія.

Вася былъ совсѣмъ пьянъ. Онъ еле двигался, сразу ослабѣвъ. Все его безусое ребяческое лицо поблѣднѣло, глаза устали, обычная живость оставила его. Только полныя губы, еще неясно очерченныя, почти непорочныя по своей свѣжести, алѣли взволнованною кровью.

Онъ смотрѣлъ влюбленными глазами на Ольгу и тихо улыбался. Ему хотѣлось сказать ей что-нибудь особенно нѣжное. Онъ хотѣлъ, чтобы она догадалась о его обожаніи къ ней, о его восторженной влюбленности, онъ умиленъ былъ самимъ собою. Тихо позвалъ ее:

— Оля!

Дѣвушка обернулась на его зовъ. Она все время не переставая улыбалась. Выпитое до этого за кулисами у Дарскаго вино немного кружило ей голову, но было такъ легко, такъ радостно

— Что, Вася?

— Подойдите ко мнѣ, я не могу...

Гимназистъ виновато улыбнулся.

Она подошла къ нему вплотную. Онъ сидѣлъ въ саняхъ, ухватившись руками за полость, и восхищенно смотрѣлъ на нее, на ея сбившіеся, запорошенные инеемъ волосы.

Фонарь бросалъ ему въ лицо блѣдные лучи свѣта, проводя глубокія тѣни подъ глазами.

— Какой вы хорошенькій, Вася, — сказала Ольга.

Она впервые пристально вглядывалась въ него. Ее и поразилъ, и испугалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовалъ его немигающій влюбленный взглядъ.

— Вы смѣетесь, — укоризненно промолвилъ онъ, — какъ всегда, Оля... А я помню наше пари... Вы обѣщали поцѣловать меня, если я цѣлый мѣсяцъ не заговорю съ вами... Мѣсяцъ прошелъ.

Онъ говорилъ тихо, но такъ, что Богушъ сидѣвшій рядомъ, могъ его услышать.

— Я молчалъ, Оля... — повторилъ гимназистъ, не отводя отъ нея глазъ.

Ольга засмѣялась. Она уже готова была отдать обѣщанный поцѣлуй, но, нагнувшись къ Васѣ, увидала его глаза, вдругъ ставшіе огромными трагическими, страдальчески-напряженными, и въ испугѣ отшатнулась.

— Нѣтъ, нѣтъ, Вася, не надо... прощайте.

Она отбѣжала отъ саней къ тротуару, туда гдѣ ждалъ ее спокойный и самоувѣренный Ширвинскій, и, принявъ его руку и не оглядываясь, быстро пошла по тротуару въ темнѣющую улицу.

X.

Они шли быстро. Звонъ бубенцовъ отъѣзжающихъ затихалъ. Шуршащая снѣжная тишина объяла ихъ. Черные ряды домовъ размыкались передъ ними.

Ольга съ наслажденіемъ вдыхала холодную мглу; холодъ разгонялъ непріятное ощущеніе, оставленное Васинымъ взглядомъ. Дѣвственный и грѣшный въ одно и то же время, онъ пугалъ своей необычностью, своей правдивостью. Онъ отдавался и требовалъ. Нѣтъ, его нельзя было вынести. Становилось больно и обидно за него, за себя.

Ширвинскій шелъ рядомъ — высокій, спокойный, самоувѣренный.

Его рѣзкій, немного хищный въ нижней своей части профиль съ упрямо вверхъ торчащими усиками даже теперь ясно видѣла передъ собой Ольга, когда подымала глаза.

Онъ шелъ молча, зная, что она смотритъ на него, и ничуть не волновался. Спокойно курилъ папиросу и о чемъ-то безмятежно думалъ.

— Владекъ, — окликнула Ольга.

— Что, моя дѣвочка? — отвѣчалъ тотъ невозмутимо.

— Я не хочу спать. Пройдемся по бульвару.

— Охотно, милая...

— Я обижусь, Владекъ!

Ширвинскій слегка улыбнулся. Онъ сразу понялъ самолюбивую дѣвушку и зналъ, на какихъ играть струнахъ.

— Въ чемъ дѣло, многоуважаемая?

Ольга топнула ногой и сейчасъ же разсмѣялась.

— Нѣтъ, вы невозможны. Извольте говорить со мною по-человѣчески.

— Охотно... Но не прикажете ли вы молить васъ о поцѣлуѣ, какъ милый Вася?

Дѣвушка вскинула голову.

— А хотя бы и такъ!

Ширвинскій опять усмѣхнулся, искоса поглядывая на нее.

— Мнѣ этого не нужно, — спокойно отвѣчалъ онъ. — Вы это сами сдѣлаете, безъ моей просьбы...

— !!!....

Онъ повернулся къ ней, усмѣхающійся и самоувѣренный, все такъ же пряча свои руки въ карманы широкаго мѣхового пальто.

Ольга молчала, не зная, обидѣться ей или разсмѣяться.

Они остановились на самомъ краю обрыва, надъ рѣкой, теперь скованной льдомъ. Кругомъ въ бѣлыхъ саванахъ стояли застывшія деревья бульвара. Высоко въ небѣ жарко тлѣли звѣзды. А подъ ногами хрустѣлъ снѣгъ.

Торжественность зимней ночи передавалась людямъ.

Въ нерѣшительности оглянувшись, Ольга уже не могла оторвать взгляда своего отъ окружающаго. Она забыла о Ширвинскомъ. Она не помнила его дерзости.

Съ того берега раздался желѣзный стукъ уходящаго поѣзда. По сталью и серебромъ блистающей рѣкѣ, по прихотливымъ ея извивамъ прошелъ встревоженный гулъ и вмѣстѣ съ нимъ, съ этимъ ропотомъ замерзшаго воздуха, долетѣло до Ольги воспоминаніе.

Она увидала пытающіе, внимательные глаза незнакомца. Не страстные, не равнодушные, не грѣшные и не наивные, а проникающіе въ душу, быть можетъ, и безъ воли, только потому, что, глядючи на нихъ, забываешь себя.

— Да что же это, наконецъ? — прошептала тихо Ольга, и радуясь, и не понимая.

Она подошла къ самому краю обрыва, совсѣмъ надъ кручей, вытянулась на тонкихъ длинныхъ ногахъ, невольно откинувшись плечами назадъ, и заглядѣлась на свѣтлую полосу накатанной и блестящей подъ луной тропинки. Она уже хотѣла броситься туда, внизъ, неудержимо влекомая силой притяженія, жаждой унестись, уплыть, растаять въ серебряномъ блескѣ ночи. И вдругъ почувствовала себя поднятой съ земли, сжатой въ чьихъ-то рукахъ.

Какой легкой была эта ноша. Ширвинскій почти не чувствовалъ ея тяжести, неся ее по бульвару мимо бѣлыхъ деревьевъ. Онъ приникъ къ ея губамъ, всасывая, вбирая ихъ въ себя. Онъ былъ опьяненъ восторгомъ этой тоненькой золотоволосой дѣвушки, торжественностью этой безмолвствующей застывшей ночи. Она отвѣчала ему такими же долгими, бѣшеными поцѣлуями, и онъ не зналъ, что только случайно воруетъ ихъ у другого.

На морозѣ ея тонкія губы трескались, и вмѣстѣ съ ея горячимъ, захлебывающимся дыханіемъ онъ всасывалъ алую ея кровь.

— Мой Эросъ, мой Эросъ, — между поцѣлуями повторяла Ольга — Мой свѣтлый Богъ!

XI.

До сихъ поръ у Оргъ сохранился обычай каждый сочельникъ зажигать елку. Ксенія Игнатьевна, мать Ольги, ни за что не согласилась бы измѣнить разъ заведенный порядокъ. Ей осталась одна эта маленькая радость послѣ того, какъ незамѣтно для нея дѣти ушли изъ-подъ ея крыла.

Не выходя изъ спальни, она задолго до сочельника посылала горничную по магазинамъ съ длин-

ными записками, въ которыхъ стоялъ рядъ названій необходимыхъ для елки вещей.

Окруженная листами золотой, серебряной, красной, зеленой бумаги, свертками картона и баночками съ клеемъ и красками, вооруженная ножницами или кистью, больная женщина въ темномъ свободномъ платьѣ и со скорбными глазами на блѣдномъ нервномъ лицѣ цѣлыми днями мастерила бонбоньерки, причудливыя цѣпи, замысловатыя звѣзды и въ этомъ занятіи находила покой.

Она снова жила мыслями о своихъ маленькихъ дѣтяхъ, она видѣла ихъ счастливыя лица, она слышала ихъ звонкій смѣхъ. Иногда, держа передъ собой какой-нибудь забавный домикъ, склеенный собственными руками, она плакала обильными слезами волненія и счастья. Она смотрѣла на эту игрушку и передъ ней воскресалъ цѣлый міръ восторженныхъ радостей, фантастическихъ мечтаній. Ея больное сердце требовало любви, оно только и билось для любви, хотя бы къ этимъ яркимъ бездѣлкамъ.

Ксенія Игнатьевна уже болѣе пяти лѣтъ страдала острымъ сердечнымъ неврозомъ, который, съ каждымъ годомъ становясь острѣе, дѣлалъ ея жизнь невыносимой для нея и тяжкой для окружающихъ. Мѣсяцами она не жила въ своей семьѣ, уѣзжая лѣчиться за границу, или же въ минуты острой тоски и невѣдомаго безпокойства переѣзжала на другую квартиру, гдѣ одна, не подпуская къ себѣ даже дѣтей своихъ, ходила по пустымъ комнатамъ, терзаемая неуходящей печалью, тѣмъ болѣе страшной, что причины ея она не могла найти и не знала. Въ минуты же отдыха, душевнаго равновѣсія она вспоминала о дѣтяхъ, и тогда это былъ какой-то ураганъ восторженныхъ поцѣлуевъ и баловства.

Лишенная по выходѣ замужъ того довольства, которымъ была окружена въ дѣвичествѣ (она ро-

дилась и выросла въ богатой семьѣ, выйдя за Оргъ противъ желанія родителей), и вспоминая, усталая, о своемъ дѣтствѣ, какъ о счастьѣ, Ксенія Игнатьевна рѣшила во что бы то ни стало, цѣною всяческихъ усилий окружить и своихъ дѣтей такимъ же «счастьемъ».

Мужъ ея хорошо подвигался по службѣ, такъ какъ вліятельные родственники жены не оставляли ихъ издали своими милостями, но все же въ домѣ не было богатства. И вотъ, урѣзывавшая себя до того во всемъ, съ упрекомъ смотрѣвшая на чрезмѣрныя траты мужа, Ксенія Игнатьевна, сдѣлавшись матерью, стала расточительна, какъ можетъ быть расточительна женщина, рѣшившая посвятить себя благу своего кумира.

Съ какимъ-то нервическимъ безпокойствомъ, что вотъ-вотъ она упуститъ время, Ксенія Игнатьевна набрасывалась на все, что могло плѣнять или украсить ея дѣтей.

Она не хотѣла знать мѣры, не хотѣла знать невозможнаго. Она готова была убить, ограбить, лишь бы удовлетворить свое материнское безуміе.

Цѣлыми днями она жила мечтами о томъ, что бы еще купить или сдѣлать своимъ дѣтямъ.

Игрушки, куклы въ пышныхъ нарядахъ, цѣлыя миніатюрныя приданыя, яркія веселыя платья и нѣжныя, благородныя кружева, — все это богатство, ненужное и фантастическое, приносилось въ жертву ея кумирамъ.

Она покупала цвѣты, наполняла комнаты запахомъ духовъ и радовалась, какъ дитя, когда дочь или сынъ угадывали запахи.

Она называла ихъ «мой принцъ», «моя принцесса». Она любовалась ихъ хорошенькими лицами и заставляла ихъ любоваться собою. Ихъ воля была для нея закономъ.

Не любящая трудъ, принужденная обстоятельствами къ работѣ, она охраняла отъ труда своихъ

дѣтей, «которымъ придется много-много работать послѣ, а потому пусть теперь насладятся всею радостью праздности».

Она только учила ихъ молиться. Ее трогало, когда сынъ и дочь, оба въ длинныхъ ночныхъ съ кружевцами рубашечкахъ, сложивъ молитвенно руки и ставъ на колѣни, повторяли вслѣдъ за нею наивными голосами слова молитвъ.

Въ углу висѣлъ большой кіотъ съ образами въ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ, освѣщенныхъ уютнымъ свѣтомъ лампадки; золотыя дѣтскія головки подымались къ этимъ образамъ и казались ангельскими; въ тепломъ воздухѣ бѣлой дѣтской пахло душистой амброй.

О, она готова была плакать въ такія минуты отъ счастья, отъ материнской гордости и жертвенной любви. Пусть они дѣлали долги, пусть мужъ бранился и пилъ еще больше, пусть нужно было писать униженныя письма отцу съ просьбами пособить, — все это было ничто съ ея счастьемъ материнской самоотверженности.

XII.

Конечно, не Аркадія могла тѣшить елка. Онъ давно забылъ тихія радости, онъ какъ-то не замѣчалъ ихъ, проходилъ мимо. Его душа давно уже была внѣ дома. Онъ проклиналъ каждый разъ тѣ часы, которые ему волей-неволей приходилось проводить среди своихъ . Онъ давно привыкъ смотрѣть на отчій домъ, какъ на уголъ, въ которомъ бываешь, когда некуда дѣться. Мать онъ жалѣлъ, но не понималъ ея и подсмѣивался надъ нею, почтительно относясь къ ней только для того, чтобы расположить въ свою пользу: онъ всегда нуждался въ деньгахъ, которыми, урѣзывая себя въ хозяйствѣ, мать его снабжала. Почтеніе къ отцу Аркадій

утратилъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ съ нимъ вмѣстѣ на дружеской ногѣ посѣщать шантаны.

Кромѣ того, онъ считалъ отца виновникомъ своего исключенія изъ гимназіи. Достаточно способный, но лѣнивый, онъ могъ бы съ грѣхомъ пополамъ дотянуть до выпускного экзамена. Но на бѣду заступился за него передъ класснымъ наставникомъ не въ мѣру вспылившій Виталій Августовичъ. Скандалъ замяли, но Аркадія попросили покинуть гимназію со свидѣтельствомъ объ окончаніи четырехъ классовъ.

Юноша пытался послѣ того готовиться къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости, но тутъ явились новые соблазны, и занятія откладывались въ долгій ящикъ. Въ прошломъ году онъ рѣшилъ пойти въ вольноопредѣляющіеся, разсчитывая впослѣдствіи выйти въ офицеры. Гусаромъ въ красныхъ чакчирахъ онъ оставался до сихъ поръ. За нимъ числилось всего пять мѣсяцевъ службы, такъ какъ большею частью онъ находился въ отпуску.

Этого красиваго, съ мягкими кошачьими движеніями, съ холеными въ перстняхъ руками, всегда напудреннаго, надушеннаго и томнаго юношу-гусара, со всѣми ухватками порочной женщины, конечно, не могъ плѣнять наивный тихій рождественскій праздникъ.

Для Ольги же это были странные по своей му чительности дни.

Уже съ того мгновенія, какъ до нея доносилс терпкій смолистый запахъ елки, вносимой дворни ками въ большую гостиную, а ея уха касался сухої шелестъ колкихъ вѣтвей, — ея сердце начиналс ныть въ тоскливомъ предчувствіи, и непріятны холодъ чего-то потеряннаго, ушедшаго безвоз вратно, касался ея души. Ей хотѣлось бѣжат куда-нибудь далеко отъ этихъ ощущеній, но ее по мимо воли неудержимо тянуло къ этому вѣчнс зеленому, мертвому дереву, убранному и разукра

шенному, какъ если бы кто-нибудь вздумалъ убрать скелетъ съ его вѣчной беззубой улыбкой въ подвѣнечный нарядъ и вложить въ его сжатыя костлявыя руки восковую свѣчу.

Она приходила въ гостиную ,садилась въ темный уголъ и оттуда, не мигая, глядѣла на елку.

Она бы не могла сказать, какія мысли являлись къ ней въ эти минуты. Одно тупое чувство страха и тоски владѣло ею.

Можетъ быть, это были заглушенныя воспоминанія о прошломъ, въ которомъ она могла вызывать по желанію лукавое счастье; или ей представлялось ея настоящее, когда она, озираясь, уже не находила въ себѣ силъ завоевать это счастье, такое далекое, но не знала, какъ же обойтись безъ него.

Или это была безсознательная душевная тоска, которая томитъ всякаго при видѣ того, что когдато радовало, а теперь утратило свое обаяніе?

Какъ знать!

Когда зажигалась елка, послѣ кутьи, подаваемой со звѣздою, всѣ шли въ гостиную.

Виталій Августовичъ, посмѣиваясь, смотрѣлъ на дерево, выкуривалъ свою сигару и пѣлъ пѣсенку. Аркадій съ презрительнымъ видомъ обрывалъ мармеладъ и, проглатывая его, думалъ о томъ, какъ бы улизнуть скорѣе. Старая бабушка, мать хозяина, которой въ обыкновенную пору не было видно, выходила со своимъ вязаньемъ и съ любопытствомъ ждала подарка. Она одна, кажется, изъ всѣхъ членовъ семьи, изъ милости живущая у своего сына и нелюбимая имъ за свою старость и ненужность, вѣрила въ какой-то семейный очагъ и общую объединенность. Для нея это былъ семейный праздникъ, такой, какимъ онъ долженъ быть у всѣхъ порядочныхъ людей.

Ксенія Игнатьевна, взвинченная, нарядная, раздавала подарки хозяину, бабушкѣ, сыну и дочери. Прислуга, празднично разодѣтая, тогда же получала свою часть. Гостей въ этотъ вечеръ не принимали.

XIII.

Мужчины сегодня очень скоро исчезли, и остались въ большой гостиной, гдѣ тихо потрескивала догорающими свѣчами высокая, осыпанная ватой и блестками елка, три женщины: бабушка, мать и дочь. Три женщины — три поколѣнія.

Спокойная въ томъ, что все идетъ, какъ нужно, какъ положено, довольная своей несложной мудростью старуха; опьяненная созданнымъ себѣ обманомъ въ той путаницѣ, которой ей не понять и этимъ поддерживающая себя — увядающая, больная женщина и дѣвушка, ничего не получившая отъ прошлаго, не умѣющая принимать жизнь въ ея разъ навсегда начертанной правдѣ, какъ дѣлала это ея бабка, и не могущая цѣпляться за одурманивающую ложь, спасающую ея мать, дѣвушка, видящая всю нищету этой «правды» и «лжи», но слѣпая, чтобы найти новые пути — одна, всегда одна въ своемъ недоумѣніи и въ своей жаждѣ все-таки жить, все-таки побѣдить...

Старуха дремала надъ своимъ вязаньемъ. Ксенія Игнатьевна играла Шопена.

Ольга сидѣла, забившись въ уголъ, смотрѣла на огни елки и слушала. Потомъ, не выдержавъ, молвила болѣзненно:

— Мама, да перестань же!

Ксенія Игнатьевна нервно оборвала игру, остановивъ на дочери свой лихорадочный взглядъ. Она всматривалась въ знакомыя черты дорогого лица и не могла понять, отчего такими чужими казались онѣ ей.

Этотъ спокойный бѣлый лобъ, этотъ тонкій съ глубоко вырѣзанными ноздрями носъ, эти холодные, перемѣнчивые глаза, этотъ ротъ, таинственно и загадочно приподнятый острыми углами кверху, — все это молодое лицо въ нимбѣ темно-русыхъ волосъ развѣ принадлежало ея дочери, маленькой куколкѣ Олѣ?

Что-то враждебное было въ этомъ лицѣ, что-то затаенное, что-то свое, только свое, тайное.

— Что съ тобою, Оля? — спросила мать.

— Ахъ, да ничего, мама. На меня дѣйствуетъ твоя игра. Я не могу, не могу!

Она встала съ кресла и прошлась по комнатѣ, закинувъ за шею руки и прикусивъ губу. Она старалась не думать ни о чемъ, но вмѣстѣ съ обычной рождественской тоской ее охватывала безнадежность. Передъ ней стоялъ ея незнакомецъ, мелькнувшій въ темномъ проходѣ вагона и уплывшій далеко, въ снѣжныя поля. Гдѣ онъ? кто онъ?

Какъ хотѣлось бы ей узнать хотя бы его имя, только имя, которое можно было бы повторять и тѣмъ приблизить его къ себѣ. Она пробовала улыбнуться надъ собою, ее поражало, что она всегда такая холодная, неожиданно для себя начала грезить о любви этого человѣка.

Нѣтъ, ей мало его имени. Ей нужно снова увидать его, слышать его голосъ, дотронуться до его руки, заглянуть въ его душу.

Сперва она слѣпо вѣрила въ какое-то чудо, она даже сказала Ленѣ, что онъ ее любитъ. Но послѣ когда, почувствовавъ себя въ объятіяхъ Ширвинскаго, она, обезумѣвъ, отвѣчала ему на его поцѣлуи, когда она на мгновеніе оживила свою мечту и вдругъ осталась одна и поняла, что его нѣтъ съ нею, что его, можетъ быть, никогда не будетъ, ее охватило тупое отчаяніе.

Она могла кричать, плакать, искать по свѣту и никогда не найти его. Да полно, былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, не пригрезился ли онъ ей?

Нѣтъ, — увы! — это не была греза, которую можетъ смѣнить другая, это была дѣйствительность, никогда не повторяемая.

Еще такъ недавно ей казалось, что онъ съ нею, она жила его образомъ, но теперь съ бѣшеными поцѣлуями Владека она поняла, что его нѣтъ. Его не будетъ.

Повторяя мысленно эти слова: «его нѣтъ и не будетъ», Ольга чувствовала, какъ постепенно деревянѣетъ ея душа. Послѣ острой тоски это холодное спокойствіе казалось благостнымъ. Она стискивала зубы и повторяла еще: «его не будетъ, его никогда не будетъ... и пусть, пусть»...

Что же, будемъ какъ другія! Довольно фантазій. Ты хочешь поцѣлуевъ, — цѣлуйся; хочешь богатства, —продай себя какъ можно дороже. Все это вздоръ. Не тебѣ же плакать! Вѣдь тебѣ пріятны были поцѣлуи Мравина-Сѣвскаго? А Ширвинскій, который пугаетъ тебя и манитъ своею страстью, своимъ упорствомъ? А Вася, этотъ мальчикъ со своими грѣшными глазами? Вѣдь они всѣ тянутся къ тебѣ, вѣдь они всѣ, каждый по своему, манятъ тебя, грезятъ о тебѣ... Зачѣмъ же тебѣ тотъ, невѣдомый?.. Любовь? А кто сказалъ тебѣ, что ихъ чувство не любовь, что ты ихъ не любишь? Когда вотъ отъ поцѣлуевъ актера ты счастлива, отъ объятій Ширвинскаго у тебя кровь приливаетъ къ вискамъ?...

Ольга остановилась передъ матерью.

— Мама, скажи мнѣ, вѣдь, я очень хорошенькая?

— Что за вопросъ!

— Да нѣтъ, скажи мнѣ правду.

Ксенія Игнатьевна протянула къ дочери руки.

— Вѣдь ты знаешь, что ты для меня прекрасна...

— Только для тебя?

— А ты кому бы хотѣла еще нравиться?

Мать привлекла тоненькую талію дѣвушки къ себѣ и съ нѣжностью заглядывала въ ея сѣрые, теперь надменно блестѣвшіе глаза.

Ольга вздернула плечами .

— Я вѣдь знаю, что я многимъ нравлюсь... но это вздоръ. Ты скажи, на что мнѣ разсчитывать?

— Я не понимаю, Ольга, о чемъ ты?

— Ахъ, Боже мой... какая ты наивная, мама. Я не хотѣла бы продешевить себя...

Она спокойно смотрѣла въ лицо матери.

Ксенія Игнатьевна съ испугомъ отшатнулась отъ нея.

— Что за цинизмъ? Опомнись. Откуда эти мысли? Или скажи, что ты пошутила, успокой меня, слышишь! Ну, молчи, не говори лучше, не говори. И это ты, моя принцесса! Ты, которую я такъ обожала! Гдѣ у тебя душа, гдѣ совѣсть? Я отдала тебѣ все, я окружала тебя заботой, лаской, я научила тебя молиться... Ты была такой чистой, такой тихой... Да нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть... Посмотри, посмотри же на меня, дай мнѣ свои глаза... Ну, вотъ такъ — они меня не обманутъ. Скажи, ты вѣдь такая же, какъ была? да...

Ольга опустилась на колѣни передъ матерью.

Ксенія Игнатьевна держала ея голову въ своихъ похолодѣвшихъ рукахъ. Одна щека ея и вѣко нервически подергивались.

— Успокойся, мама. Я не хотѣла огорчить тебя.

— Ну, да, я знала же это... довольно того, что твой братъ...

Ольга перебила ее:

— Мой братъ не хуже и не лучше другихъ. Онъ таковъ, каковъ есть, но онъ, къ счастью, мужчина. И потомъ я вовсе не беру своихъ словъ обратно. Я спросила тебя совсѣмъ серьезно. Видишь ли, я считаю, что ты исковеркала свою жизнь...

— Что?

— Да, да, мамочка... ты не волнуйся, ты слушай... Я знаю, что ты была очень и очень хорошенькой, ты и теперь у меня красивая...

Ольга провела своей тоненькой ладонью по блѣдной щекѣ и волосамъ матери.

— Не перебивай меня. Ты отдала эту красоту, свою молодость моему отцу и вотъ какой теперь стала...

— Ольга! ты же знаешь, какъ я его любила.

— Ну да, знаю. Ты хотѣла быть счастливой и была ею только мгновенье. Я не такая — мнѣ нужно много счастья.

— Этого хочетъ всякая. Полюбишь, выйдешь замужъ...

Ольга засмѣялась, припавъ щекой къ колѣнамъ матери.

— Мамочка, мамочка, какая ты глупая.

Она смѣялась все больше. Ей стало жаль свою мать, потомъ себя. Слезы навернулись на ея глазахъ.

Ксенія Игнатьевна нагнулась надъ нею. Непонимающая, сбитая съ толку, испуганная, она силилась проникнуть въ эту ставшую теперь чужой душу. У нея самой подступали къ горлу нервическія спазмы.

— Скажи, радость моя, ты любишь кого-нибудь?

Ей казалось, что она нащупываетъ что-то въ окружавшихъ ее потемкахъ.

— Ахъ, не знаю, не знаю, ничего не знаю...

Ольга плакала. Окаменѣлость оставила ее.

— Назови мнѣ его, — просила ее мать. — Вѣдь это такъ понятно... назови его...

Ольга вдругъ подняла голову. Она посмотрѣла на мать широко-открытыми строгими глазами, полными слезъ;

— А что ты мнѣ скажешь, мама, если я отвѣчу, что не знаю его имени. Совсѣмъ, совсѣмъ не знаю, кто онъ.

— Значитъ, его нѣтъ?

Ольга молчала. Глаза ея высохли, но въ груди что-то жгло. Мать уронила свою голову на лицо дочери. Она шептала молитву.

Бабушка мирно спала надъ своимъ вязаньемъ. Кое-гдѣ на елкѣ вспыхивали догорающія свѣчи.

XIV

Въ этотъ вечеръ Ольга рано пошла къ себѣ въ комнату. Она раздѣлась, поставила на ночной столикъ свѣчу и начала писать свой дневникъ, который вела урывками на клочкахъ бумаги и въ разныхъ тетрадяхъ. Написала нѣсколько строкъ и задумалась.

Слишкомъ сложно было у ней на душѣ, и она не могла всего передать, что чувствовала.

Наконецъ, она задула огонь и затихла, подобравъ подъ себя ноги и спрятавъ ладони между худыхъ колѣнъ.

Но заснуть ей не удалось. Только, только ея мысли стали принимать живыя формы, какъ дверь въ ея комнату скрипнула, и вошелъ Аркадій.

— Ты не спишь еще? — спросилъ онъ, чиркая спичками и зажигая свѣчу.

— Нѣтъ, а что такое?

Ольга снова сѣла на кровати, готовая слушать. ратъ примостился около нея.

Они часто такъ говорили по ночамъ. Дѣвушка е стѣснялась брата.

На немъ были красные чакчири и бѣлая рушка, крѣпко надушенная. Въ зубахъ дымилась аполовину выкуренная сигара.

— Ну, разсказывай, — торопила сестра. Она ждала, что Аркадій станетъ говорить о себѣ, о своихъ побѣдахъ; онъ всегда дѣлалъ это, когда оставался съ нею наединѣ, совсѣмъ забывая, что она все-таки дѣвушка.

— Ну, слушай, — началъ онъ. — Сегодня мнѣ нужно серьезно посовѣтоваться съ тобою.

— Въ чемъ дѣло?

— Ты, конечно, знаешь о моихъ отношеніяхъ къ Варѣ...

— Еще бы они извѣстны всѣмъ, — засмѣялась Ольга.

Аркадій поморщился.

— Надѣюсь, ты мнѣ не чужая и съ тобой мнѣ можно быть откровеннымъ?

— Ну, хорошо, хорошо, что же дальше?

— А дальше то, что Варя беременна!

— Беременна? — почти вскрикнула Ольга, испутанно глядя на брата.

— Ты не кричи, — остановилъ ее Аркадій. — Вотъ въ томъ-то и шутка. Я самъ не зналъ этого до сегодняшняго вечера. Только сейчасъ она мнѣ призналась.

Аркадій всталъ съ кровати и заходилъ взволнованно по комнатѣ.

— Что же вы думаете дѣлать? — все еще подавленная за свою подругу, которую она очень любила, сказала Ольга.

— Что мы думаемъ дѣлать? Ты ее спроси, что она хочетъ дѣлать, — досадливо сжимая кулаки, пробормоталъ Аркадій. — Это всегда такъ. Вы вотъ это называете насиліемъ, а выходитъ, что мы потомъ за все отвѣчаемъ! Скажите на милость, откуда эти идеи у глупой дѣвушки? Влюбилась, какъ кошка, кроткая, тихая, воды не замутитъ, а потомъ — не угодно ли...

Ольга негодующе махнула рукой.

— Да говори же ты толкомъ! Что это въ самомъ дѣлѣ такое?

— Толку, голубушка, въ этомъ очень мало. Только вотъ случайно или нарочно, но она вдругъ изволила забеременѣть.

— Какъ нарочно?

— Да такъ! Конечно, я не могу утверждать, но клянусь Богомъ, я, какъ всегда, былъ остороженъ... ты понимаешь? А можетъ быть, это отъ другого?

Ольга вскочила съ кровати. Она была и страшна и восхитительна въ своемъ гнѣвѣ. Огонь свѣчи отсвѣчивалъ въ волосахъ ея, заплетенныхъ на ночь косичками, тонкія ноги казались выточенными изъ слоновой кости.

— Замолчи! Слышишь, замолчи, подлый! Не смѣй такъ говорить оВарѣ.

Аркадій смутился. Его поразила красота сестры. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, почти забывая, кто передъ нимъ.

— Да полно, я пошутилъ.

Ольга сразу отошла, услышавъ робкій отвѣтъ. Ей стало холодно, и она поспѣшно спряталась подъ одѣяло.

Аркадій тоже пришелъ въ себя. Отбросивъ далеко окурокъ сигары, онъ сѣлъ на кровать подлѣ сестры и заговорилъ значительно тише:

— Конечно, я пошутилъ. Варя хорошая, чистая дѣвушка. Это первая, какую я вижу, а у меня ихъ было много. Въ ней тьма сердца, изъ нея вышла бы великолѣпная жена, но пойми, что при существующихъ условіяхъ это то и является для меня и для нея несчастьемъ. Посуди самъ. Я не могу на ней жениться, она мѣщанка и потомъ — я хочу быть офицеромъ. Слѣдовательно, это по-боку. Да и она сама ни разу не заговаривала со мною о бракѣ — надо отдать ей справедливость. А вмѣстѣ съ тѣмъ, когда я, узнавъ, что она беременна, предло-

жилъ ей отдѣлаться отъ этого, — она наотрѣзъ отказалась.

— Какъ, она хочетъ имѣть ребенка? — изумилась Ольга.

При одной мысли объ этомъ ее зазнобило, и она плотнѣе закуталась въ одѣяло. Это желаніе казалось ей донельзя дикимъ. Съ этой минуты она перестала понимать Варю и уже склонна была простить брату его возмущеніе.

— Въ томъ-то весь ужасъ! — ободренный восклицаніемъ сестры продолжалъ Аркадій. — Надо же имѣть такую шалую голову! Ужъ какъ я ее убѣждалъ, ничего не помогало. Заладила одно: «это твой ребеночекъ, я люблю его, я не могу разстаться съ нимъ, онъ нашъ, нашъ — хоть рѣжь, хоть убей». И плачетъ, и ноги цѣлуетъ... Еле, еле отдѣлался. Чортъ знаетъ, что такое!

Онъ помолчалъ, нервно щелкая ногтями.

Ольга тоже молчала. Она ясно видѣла передъ собою Варю. Худенькую, черненькую, маленькую. Такую тихую, съ большими синими глазами. Въ этихъ глазахъ было столько любви, столько преданности. Когда она полюбила Аркадія, она никому не говорила объ этомъ, а только плакала. Сядетъ гдѣ-нибудь въ уголочекъ и роняетъ слезинки.

Ольга знала обо всемъ и часто гладила подругу по головѣ.

— Ты слишкомъ любишь его, — говорила она. — Не надо такъ.

А дѣвушка припадетъ къ ней черной головой и шепчетъ:

— Охъ, какъ я люблю его, прямо даже не знаю...

И вдругъ это дитя беременно. Какъ глупо, какъ невѣроятно глупо.

— Ей придется выйти изъ гимназіи до выпускныхъ экзаменовъ, — подумала вслухъ Ольга.

— Конечно! И вообще гадость, — отвѣчалъ совсѣмъ убитый Аркадій.

XV

Праздничные дни летѣли быстро.

Ольга хотѣла закружиться въ удовольствіяхъ. Забыть все, забыть свою тоску. Она ѣздила съ бала на вечеринку, съ вечеринки въ театръ. Она была веселой и задорной. Всѣ наперерывъ ухаживали за ней.

Однажды утромъ передъ новымъ годомъ пріѣхалъ къ Оргъ Ширвинскій и сталъ звать Ольгу кататься.

Дѣвушка было хотѣла отказаться, но, глянувъ въ окно на яркое солнце, на блещущій снѣгъ, не вытерпѣла и, накинувъ шубку, побѣжала къ санямъ. Ширвинскій едва поспѣвалъ за нею.

Они поѣхали за городъ. Лошадь шла полной рысью, далеко выкидывала стройныя ноги и забрасывала передокъ саней комками снѣга.

Ольга закрывала лицо муфтой и тихо смѣялась. Только глаза ея поблескивали изъ-подъ шапочки, и вспыхивали темнымъ золотомъ волосы.

Владекъ держалъ ее за талію и не отводилъ своего холоднаго, колющаго взгляда отъ ея лица. Кончикъ носа его покраснѣлъ, а усы, закрученные въ стрѣлку, заиндевѣли. На немъ была форменная студенческая фуражка и красивое штатское пальто съ воротникомъ изъ кенгуру. Даже на морозѣ отъ него хорошо пахло крѣпкими англійскими духами и «capstan» табакомъ. Онъ всегда очень внимателенъ былъ къ своей внѣшности и, какъ истый полякъ, подчеркивалъ то, что онъ называлъ «хорошими манерами». Онъ кончалъ университетъ и думалъ устроиться въ Петроградѣ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, для этого у него были всѣ данныя и возможности. Его считали неглупымъ, очень себѣ на умѣ и никогда близко съ нимъ не сходились. Здѣсь, въ городѣ, онъ поддерживалъ товарищескія отношенія только съ Аркадіемъ и ба-

рономъ Дирксъ. Одинъ былъ сыномъ члена суда, другой — сыномъ прокурора. Потерявъ давно уже отца и мать, Ширвинскій жилъ въ вакаціонное время у дяди своего, средней руки помѣщика, имѣніе котораго прилегало къ чертѣ города. Владеку приходилось самому подбирать себѣ кругъ знакомыхъ. Онъ это дѣлалъ очень осмотрительно и всегда умѣлъ поставить себя на должную высоту.

Ольга была его капризомъ. Быть можетъ, онъ видѣлъ въ ней то, что другіе проглядывали. Во всякомъ случаѣ ея понятливость, острый умъ, умѣніе распознавать людей, ея насмѣшливость и, пожалуй, эгоизмъ тянули его къ себѣ. Кромѣ того, ея наружность неизмѣнно возбуждала его.

Богъ вѣсть какія новыя радости ждалъ онъ отъ обладанія ею. Но ему доставляло наслажденіе, неизъяснимое удовольствіе говоритъ съ нею такъ, какъ если бы она была кокоткой. Она никогда не казала себя наивной, отвѣчала на его вопросы смѣло и прямо, и это доводило его до сумасшествія.

Онъ мысленно переодѣвалъ ее въ яркіе, рискованные наряды, спускалъ ей на уши золотые обручи косъ, осѣнялъ ея задорную голову черной широкой шляпой съ огромнымъ огненно-краснымъ плерезомъ. Онъ хотѣлъ бы видѣть ее гдѣ-нибудь въ полутемномъ углу артистическаго кабачка, среди цвѣтовъ — орхидей, камелій и пошлой, остро-пахнущей настурціи, въ пошломъ ситцевомъ, нестерпимо розовомъ съ зелеными горошками платьицѣ, со скромнымъ вырѣзомъ шеи и совсѣмъ обнаженными руками, тонкими палочками-руками, безстыдно приподымающими края платья надъ такими же тонкими въ черныхъ чулкахъ ногами. Хмельная, безстыдная и все же дѣвственница, она должна была хищно и таинственно изгибать рогатый мѣсяцъ своего алаго рта и по-дѣтски смѣяться выпуклыми кошачьими глазами.

Эти образы наполняли Владека нетерпѣніемъ, жгучимъ до боли желаніемъ сжать, растерзать бѣлое тѣло дѣвушки.

Онъ чувствовалъ себя опьяненнымъ, неразсуждающимъ . Глаза его становились холодными и колющими, какъ иглы мороза. Онъ готовъ былъ на все.

До заставы оба они — и Ольга, и Ширвинскій — ѣхали молча. Онъ — полный сладостныхъ видѣній, она — бездумно загрезившая, глядящая на непрестанное мельканіе чешуйчатой пелены снѣга вдоль по улицамъ и на крышахъ домовъ.

XVI

Когда застава миновала и по обѣ стороны саней расплескалось застывшее въ бѣлыхъ волнахъ море полей, а впереди засинѣлъ лѣсъ, Владекъ началъ говорить.

— Послушайте, Ольга, — сказалъ онъ, не отводя отъ дѣвушки выпытывающаго взгляда и все такъ же крѣпко охвативъ ея талію, — долго такъ будетъ продолжаться?

— Что именно?

— Я говорю о нашихъ отношеніяхъ. Они мнѣ не нравятся. Въ нихъ нѣтъ главнаго — искренности. Согласитесь сами, что мы дѣлаемъ далеко не то, что хотѣли бы. А, однако, это вполнѣ возможно и даже необходимо. Вы и я — мы оба люди однихъ и тѣхъ же вожделѣній. Въ насъ много рѣшимости и аппетиты наши огромны.

— Вы говорите такъ только о себѣ?

— Ничуть. Насколько я могъ васъ изучить, мнѣ можно высказаться и за васъ. Повторяю, мы оба любимъ жизнь, знаемъ цѣну людямъ и больше всего любимъ себя. У васъ, какъ у дѣвушки, есть

еще свои фантазіи, иллюзіи, но онѣ современемъ пройдутъ, могу васъ увѣрить. Будемъ же правдивы. Вы давно уже должны были замѣтить, что я пьянѣю, теряю голову, когда вижу васъ, цѣлую, дотрагиваюсь до края вашего платья. Мои поцѣлуи вамъ не безразличны, въ этомъ я тоже увѣренъ. Вашъ страхъ, ваше смущеніе — явные признаки...

Ольга засмѣялась, опуская муфту на колѣни и оборачиваясь къ спутнику:

— Къ чему все это вы ведете? Вы хотите предложить мнѣ свою ясновельможную страсть и пустой кошелекъ? Слишкомъ много чести, панъ Владиславъ! Заслужите сначала мою любовь, а тогда уже дѣлайте предложеніе...

Она хотѣла еще смѣяться, но смѣхъ ея потухъ, едва она пристально вглядѣлась въ лицо Ширвинскаго. Онъ совсѣмъ не смутился. Онъ сидѣлъ, не опуская передъ нею глазъ, принимая ея слова, какъ вполнѣ естественное. Она хотѣла удивить, смутить его, говоря о его бѣдности возбудить къ себѣ презрѣніе, но онъ оставался холоденъ. Его губы были плотно сжаты подъ заиндивѣвшими усиками, и только ноздри тонкаго носа слегка вздрагивали. Тогда ею постепенно сталъ овладѣвать страхъ, физическій страхъ, смѣшанный съ любопытствомъ и дерзостью человѣка, испытывающаго свою судьбу. Она смотрѣла въ колющіе наглые глаза Ширвинскаго, отъ которыхъ ей хотѣлось бы спрятаться и которые вмѣстѣ съ тѣмъ тянули къ себѣ, и послѣ минутнаго молчанія она добавила:

— Знайте, что теперь вы мнѣ противны...

Онъ далъ ей время продолжать или смягчить свою грубость и, не дождавшись отъ нея больше ни слова, отвѣтилъ:

— Вы напрасно горячитесь, Ольга. Будьте разсудительны. Отъ судьбы уйти нельзя. Я васъ люблю, и вы будете моею. Вы знаете отлично, что съ

вами у меня всегда будутъ деньги и большія деньги, а относительно узъ Гименея — я не думаю, чтобы вы о нихъ мечтали. Бракъ не для васъ. Съ вашимъ характеромъ, съ вашей наружностью вы можете создать себѣ такую блестящую жизнь, о какой не мечтали самыя прославленныя гетеры. Любовь одного — васъ не удовлетворитъ, вамъ нужно поклоненіе тысячъ. Вѣчная жажда любви, любви, которой не существуетъ на землѣ, доступной только богамъ, можетъ притихнуть въ вашемъ сердцѣ только замѣненная безумной роскошью, неограниченной властью надъ сердцами. Вы будете носительницей новаго культа; вы заставите признать за собою и за вашими сестрами, которымъ теперь нѣтъ мѣста въ жизни, право на жизнь внѣ семьи, внѣ цѣпей... Вамъ нужно только начать, и я иду вамъ на помощь.

Она все еще боролась съ его волей, со своимъ страхомъ и попробовала отшутиться:

— Боже мой, какая блестящая будущность! Чего же бы вамъ не пропѣть: «и будешь ты царицей міра».

Она не договорила. Рѣзкимъ движеніемъ онъ притянулъ ее къ себѣ и, держа ея голову въ своихъ рукахъ, слѣдуя глазами за ея испуганнымъ убѣгающимъ взоромъ, почти прохрипѣлъ надъ самымъ ея ухомъ:

— Ты не уйдешь отъ меня. Если бы я захотѣлъ, я могъ бы тутъ, сейчасъ же овладѣть тобою... подлый змѣнышъ.

Онъ нарочно употреблялъ грубыя, обидныя слова и больно сжималъ ей голову. Имъ овладѣло холодное безуміе, сладостная ненависть.

Ольга собрала всѣ свои уходящія силы. Животный страхъ сдѣлалъ ее отчаянной. Она рванулась головой впередъ, больно ударивъ Ширвинскаго въ грудь, и однимъ прыжкомъ выскочила изъ саней.

XVII

Ольга упала прямо въ снѣгъ. Было мгновеніе, когда ее охватило желаніе лежать, закрыть глаза и не двигаться долго, вѣчность, но волна новаго страха опять заставила ее подняться и кинуться въ поле.

Она бѣжала, зарываясь по колѣни въ снѣгъ, спотыкаясь, задыхаясь, изнемогая отъ усталости и волненія.

Наконецъ, она почувствовала себя безсильной сдѣлать хотя бы одинъ лишній шагъ. Она опустилась на кочку и оглянулась.

Сани Ширвинскаго остановились значительно дальше того мѣста, гдѣ упала Ольга. Владекъ вылѣзъ и шелъ по дорогѣ, видимо, боясь свернуть въ поле, гдѣ снѣгъ былъ очень глубокій и гдѣ онъ могъ заморозить ноги, такъ какъ былъ безъ ботиковъ. Дойдя до канавы, черезъ которую перепрыгнула раньше Ольга, онъ остановился и сталъ звать дѣвушку и махать ей руками. Но она сидѣла неподвижно, блуждая растеряннымъ взглядомъ по радостно блещущей снѣговой равнинѣ. Тогда онъ рѣшился и пошелъ къ ней. Глядя на то, какъ забавно онъ шелъ, разводя руки и разставляя ноги, Ольга внезапно успокоилась. Смѣшными показались ей и ея давешній страхъ и ея сумасшедшее бѣгство. Она теперь была увѣрена, что Ширвинскій никогда не рѣшился бы на насиліе. Все, что угодно, только не это. Кромѣ того, она почувствовала свою власть надъ нимъ. Она теперь сознавала силу его желанія, и это неудовлетворенное желаніе его льстило ей и вмѣстѣ съ тѣмъ казалось смѣшнымъ, какъ смѣшонъ кажется женщинѣ всякій мужчина, изъ рукъ котораго ей удается выскользнуть. Она почти презирала теперь Владека.

Она говорила себѣ, глядя на него, медленно приближающагося къ ней, что онъ просто трусъ, жал-

кій трусъ, и что слишкомъ много чести для него ея испугъ.

«Надо было припугнуть его братомъ», — думала она.

Наконецъ, онъ уже былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.

— Что съ вами, Ольга? Что за дикое бѣгство? Неужели мои слова могли напугать васъ?

Въ его голосѣ ей почудились виноватыя нотки. Это еще болѣе дало ей смѣлости. Она усмѣхнулась, презрительно сощурившись.

— Я не желаю объясняться съ вами. И, пожалуйста, не подходите близко, не прикасайтесь ко мнѣ. Надѣюсь, у васъ хватитъ настолько порядочности, что вы потрудитесь съѣздить въ городъ и прислать за мной извозчика.

Его началъ забавлять ея тонъ. Онъ боялся слезъ, истерики, упрековъ. Ея слова избавляли его отъ несвойственной ему роли утѣшителя. Все значительно упрощалось. Онъ дурашливо низко поклонился и отвѣтилъ:

— Мои сани къ вашимъ услугамъ.

— Но я не поѣду съ вами.

Тогда онъ рѣшилъ не спорить съ нею, разыграть роль человѣка, который надѣлалъ глупостей изъ-за безумной влюбленности и теперь убитъ этимъ. Покорно, но съ достоинствомъ побѣжденнаго рыцаря онъ пробормоталъ:

— О, я не смѣлъ думать объ этомъ. Безъ вины я готовъ признать себя виновнымъ. Всему причиной моя сумасшедшая страсть, передъ которой — увы! — я безсиленъ.

И, увидя ея нетерпѣливый жестъ, тотчасъ же перебилъ себя:

— Но здѣсь не мѣсто объясняться. Еще разъ прошу воспользоваться моими санями, а я пойду пѣшкомъ.

Ее не нужно было просить объ этомъ второй разъ. Отъ неподвижнаго сидѣнія на снѣгу у нея замерзли ноги, и она рада была поскорѣе выбраться отсюда.

XVIII

Застоявшійся конь соскучился по теплому стойлу и бѣжалъ быстрѣе, чѣмъ раньше.

Старыя березы съ вѣтвями, искривленными какой-то невѣдомой человѣку судорогой, проносились навстрѣчу по обѣимъ сторонамъ дороги, будто желали въ своемъ невольномъ бѣгѣ уцѣпиться за сани съ сидящей въ нихъ Ольгой.

Ольга какъ-то забыла все и загрезилась. Грезы ея были необычны, унесли ее, убаюкали. Онѣ сотканы были изъ солнечныхъ лучей и морозныхъ иглъ. Какіе-то замки выростали и разсыпались, какъ сахаръ.

Почему въ своемъ сердцѣ она не находила обиды или гнѣва? Почему Ширвинскій, съ его темными желаніями, былъ такъ далекъ отъ нея въ эти минуты, она не могла бы отвѣтить.

Вольный бѣгъ саней по скрипучему снѣгу уносилъ ее все дальше. Она никогда не чувствовала себя такъ блаженно, какъ теперь. Но ея лицо оставалось строгимъ, безъ улыбки, только въ душѣ былъ сладкій миръ. Она была одна въ солнечномъ молчаніи морозныхъ полей, — люди съ ихъ жизнью ушли отъ нея. Ей нравилось быть холодной, быть зимой.

Неясные образы какой-то сказки рождались и меркли, чтобы болѣе не воскреснуть. Ей не дано было схватывать ихъ и передавать въ краскахъ, звукахъ или словахъ.

Когда она подумала объ этомъ, ей стало грустно, что она такая безталанная. Смѣясь, братъ называлъ ее «артистической натурой безъ таланта».

Теперь ей показалось это обиднымъ. И точно, она много чувствовала, но сейчасъ же проходила мимо. Для чего же она живетъ? О, конечно, не для скучной, сѣренькой жизни жены и матери. Ее убиваетъ одна мысль объ этомъ! Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Но тогда что же ? Она не можетъ быть художницей, ни музыкантшей, ни писательницей, ни даже актрисой... Для актрисы у нея слишкомъ мало терпѣнія. Она никогда не стала бы великой, а маленькой — нѣтъ, это тоже не ея роль.

Она усмѣхнулась. Мысли привели ее къ Ширвинскому. Она вспомнила его слова, показавшіяся раньше такими забавными. Любовь... она мечтала о ней, она ждала ее, томилась по ней, но никогда не думала, что любовь можетъ быть искусствомъ, профессіей, призваніемъ жизни. Со всѣмъ этимъ у нея было связано представленіе, какъ о чемъ-то низкомъ, грязномъ. Она знала даже имя этому. Такое грубое имя, часто срывающееся съ языка ея брата.

О, нѣтъ! Эти жалкія женщины, почти животныя, зарабатывающія себѣ на хлѣбъ своимъ тѣломъ — онѣ не были жрицами любви.

А, вѣдь, любовь такъ прекрасна. Въ ней столько тайны, столько чаръ, доступныхъ только искусству. И она не тамъ и не здѣсь: ни въ семьѣ (сейчасъ же ей вспомнилась жизнь ея матери и отца), ни на улицѣ, гдѣ торгуютъ ею падшія. Гдѣ же она?

Не среди ли тѣхъ, о которыхъ говорилъ Ширвинскій? Среди этихъ новыхъ женщинъ, умѣющихъ любить внѣ всякихъ рамокъ? Но, не понимая, она все же чувствовала здѣсь какую-то ложь, только слова. Нужно было что-то допустить, и тогда только сбывались грезы. Снова начиналась сказка, но совсѣмъ другая, новая, жгучая. Это былъ какой-то золотой вихрь, въ блескѣ котораго царила она — Ольга. Потомъ краски стали блѣднѣть. Она увидала темную площадку вагона и на ней смутное

лицо незнакомца. Сердце больно сжалось, Ольга вскинула глаза и оглянулась. Они уже ѣхали по городскимъ улицамъ. На углу къ забору была приклеена красная афиша. На ней огромными буквами написано:

«Въ зданіи мужской гимназіи состоится сегодня, съ разрѣшенія начальства, студенческій костюмированный вечеръ и встрѣча Новаго года. Входъ по билетамъ. Первое отдѣленіе: Живыя картины, пѣніе, декламація, хоръ балалаечниковъ. Второе отдѣленіе: Апоѳеозъ Новаго года. Танцы. Начало въ 8 час. вечера».

Ольга сейчасъ же вспомнила, взглянувъ на афишу, что костюмъ ея еще не готовъ, и стала понукать кучера.

Былъ уже четвертый часъ.

XIX.

Къ первому отдѣленію Ольга все-таки не поспѣла, такъ какъ, примѣривая свой еще прошлогодній костюмъ «Карменъ», который ей передѣлывала тутъ же портниха, она раскапризничалась и рѣшила ѣхать въ обыкновенномъ домино. Пока ей шили домино изъ чернаго шелка съ золотисто-желтой подкладкой и такими же большими пуговицами и капюшономъ, пока она умывалась, пудрилась, душилась, причесывалась, а потомъ искала тѣ черные шелковые чулки, которые ей нужны были, и желтыя сафьяновыя туфельки, пока, наконецъ, она одѣлась и еше разъ взглянула на себя въ зеркало, — пробило уже одиннадцать.

Кромѣ того, у нея вышла непріятная сцена съ отцомъ. Войдя къ нему въ кабинетъ, чтобы попросить у него денегъ на извозчика и цвѣты (за ней обѣщалъ пріѣхать Вася Труновъ, но что-то запоздалъ), она застала его сидящимъ на диванѣ съ

горничной Машей, которая, увидя барышню, кинулась было къ двери, но не успѣла и должна была остановиться, давая ей дорогу.

Произошла опять дикая, некрасивая сцена. Взбѣшенный отецъ кричалъ на дочь за то, что она безъ спросу ходитъ въ кабинетъ, и тутъ же оправдывался, говоря, что горничная массировала ему руку, а Ольга кричала на отца и, возбужденная уже раньше, топала ногами и требовала, чтобы онъ немедленно, сію же минуту выгналъ Машу.

На шумъ прибѣжала Ксенія Игнатьевна, съ которой случился нервный припадокъ, и ее нужно было отнести въ спальню.

Къ счастью, не было въ домѣ Аркадія, исчезнувшаго еще съ прошлаго вечера въ компаніи офицеровъ куда-то въ сосѣднее имѣніе на травлю волковъ. Почти всѣ праздники его не видали дома, такъ какъ онъ боялся встрѣчаться съ Варей.

Всѣ эти непріятности и неожиданныя помѣхи сдѣлали то, что Ольга вошла въ актовый залъ, превращенный на эту ночь въ танцовальный, въ ту минуту, когда занавѣсъ упалъ въ послѣдній разъ, скрывъ живую картину рожденія Новаго года.

Ольга стала искать глазами своихъ подругъ и знакомыхъ.

Къ ней подходили и здоровались съ ней студенты, гимназисты, юнкера и кадеты, которыхъ она едва помнила, но съ которыми, какъ оказывалось, танцовала въ прошломъ и позапрошломъ году. Всѣмъ имъ она привѣтливо кивала головой и обѣщала танцовать.

Эти безусыя, молодыя лица съ восхищеніемъ или съ сочувствіемъ смотрѣли на Ольгу, и ей постепенно становилось все веселѣе. Знакомый воздухъ бала горячей душной волной обнималъ ее и уносилъ. Начинала кружиться голова, весело блестѣли глаза, ноги сами собою двигались.

Шумъ раздвигаемыхъ стульевъ, какъ шумъ лавины, пронесся съ одного конца зала до другого.

Традиціонные маркизы, цыгане, трубочисты, русалки, зимы и весны сливались въ одну пеструю, весело гудящую толпу.

Къ Ольгѣ пробрался запыхавшійся Вася. Впереди себя въ вытянутой рукѣ онъ несъ большой букетъ бѣлыхъ и желтыхъ хризантемъ.

— Вотъ вы гдѣ, — кричалъ онъ, — простите меня, Олечка, что я такъ гнусно запоздалъ. Мы разъѣхались съ вами. Но хорошо, что, наконецъ, мы встрѣтились. Вотъ вамъ обѣщанный букетъ. Берите его и идемте со мною. Здѣсь адски жарко. Вы, конечно, не забыли, что первый вальсъ, мазурку, польку-кокетку и котильонъ мы танцуемъ вмѣстѣ. Не такъ ли? Будьте осторожны — не наступите на шлейфъ этой симпатичной герцогинѣ. Ахъ, Сонечка! Здравствуйте.... Съ вами? Да, да, конечно.

Онъ держалъ за руку Ольгу, пробираясь впередъ, раскланиваясь, извиваясь, какъ ужъ, въ своемъ гимназическомъ мундирчикѣ — тонкій и верткій — и не переставалъ говорить и смѣяться. Его большіе черные глаза искрились неподдѣльнымъ ребяческимъ весельемъ. Онъ уже не пугалъ Ольгу своимъ жуткимъ взглядомъ на блѣдномъ хмельномъ лицѣ.

Онъ былъ попрежнему веселымъ гимназистомъ, славнымъ товарищемъ и восхитительнымъ танцоромъ, танцовать съ которымъ почиталось особой честью.

XX.

Ольга встрѣтила всѣхъ своихъ лучшихъ подругъ — Раису, Маню, Лену, Варю, а съ ними ихъ кавалеровъ — Манинаго Жоржа, политехника Антошу Богуша и барона Диркса,

Они всѣ очень громко смѣялись, кромѣ Вари, сидѣвшей поодаль, молча и съ безпокойствомъ поглядывавшей на двери.

Варя первая кинулась къ Ольгѣ съ застывшимъ на лицѣ вопросомъ.

Ольга участливо пожала ей руку.

— Онъ придетъ?

— Не знаю, право...

Молодежь кричала:

— Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ.

Изъ актоваго зала выплескивались рѣзкіе взвизги настраиваемыхъ инструментовъ.

Лена хохотала непрестанно, охмелѣвшая отъ радости, съ горящими вишневыми глазами, съ растрепанными волосами въ полуфантастическомъ цыганскомъ нарядѣ.

Маня въ костюмѣ тирольки была очень миленькой со своимъ вздернутымъ носикомъ, глупенькими голубыми глазками, пухлымъ чувственнымъ ртомъ и ямочками на щечкахъ.

Подальше среди пальмъ и гротекусовъ сидѣла Раиса съ барономъ.

Ольга всплеснула руками, глянувъ на нее. На ней былъ костюмъ Мефистофеля: кроваво-красное трико на ногахъ и черное перо на красной шапочкѣ, на боку висѣла шпага, лицо можно было узнать сразу.

У ногъ ея сидѣлъ, весь въ бѣломъ, блѣдный Пьерро — баронъ.

— Рая, да что съ тобою, тебя выведутъ!

Рая только улыбнулась.

Баронъ, меланхолично склонивъ набокъ бѣлую въ колпакѣ голову, скандируя, декламировалъ стихи.

— Мнѣ нужно поговорить съ Вами, Оля — шепталъ сзади Вася.

Но Оля плохо слушала. Въ своемъ скромномъ черномъ домино съ большими желтыми пугови-

цами, она молчала, опустивъ вдоль худенькихъ бедеръ руки. Изогнутый ротъ ея мертво улыбался приподнятыми углами. Выпуклые глаза застыли. Алый свѣтъ скользилъ по ея блѣдному лицу. Она силилась что-то понять, а можетъ быть, она уже чуяла что-то, что было темно другимъ.

— Оля, что съ вами? вы слушаете?

— Да, Вася.

Ея голосъ звучалъ издалека. Она не оборачивалась къ Трунову.

Баронъ пѣвуче продолжалъ:

Бѣлыхъ ногъ, предавшихся мечтамъ,
Красоту и нѣгу безъ предѣла,
Отданное стиснутымъ рукамъ,
Судорожно бьющееся тѣло!

— Я все о томъ же, Оля — шепталъ на ухо Вася, и голосъ его дрогнулъ, а лицо стало напряженнымъ и жуткимъ. — Вы обѣщали меня поцѣловать... я помню это хорошо... Оля, Оля!...

Онъ стоялъ совсѣмъ близко, горячо дыша ей въ затылокъ.

Она внезапно обернулась.

— Ахъ, Вася, зачѣмъ это? Ну, я обѣщала, я помню хорошо тоже, что сдѣлала эту глупость. Но для чего вамъ? Посмотрите на себя, на васъ лица нѣтъ, а вы такой славный мальчикъ, когда танцуете... Полно! Слышите, уже играютъ вальсъ. Идемъ танцовать. Мнѣ хочется веселиться. Понимаете, просто веселиться, какъ дѣвочкѣ... и вы глупый. ..

Она схватила его за руку и побѣжала къ дверямъ.

Онъ говорилъ ей на ходу, съ упрекомъ уже притихшій.

— Но вы же цѣлуете другихъ... Зачѣмъ скрывать... Почему меня вы не можете?

Она совсѣмъ искренно разсмѣялась.

— Ахъ, Вася, Вася, дорогой мой другъ... Тѣмъ лучше для васъ, если это такъ!

И, оборотившись къ выходившей вмѣстѣ съ ними Варѣ, звенѣвшей яркими бусами своего хохлацкаго наряда, она ей промолвила:

— Моя славная дѣвочка, ты бѣлая ворона среди насъ... Я люблю тебя, но пойди перемѣни скорѣе свои перья, если не хочешь, чтобы тебя заклевали.

Потомъ, уже отойдя, крикнула:

— Вотъ, Вася, поцѣлуйте ее, разъ вамъ такъ хочется цѣловаться.

Варя, удивленная и непонимающая, смущенно глядѣла ей вслѣдъ. Она пришла сюда, чтобы хоть издали увидать Аркадія. Она вообще какъ-то плохо стала понимать, что происходитъ вокругъ, все упорнѣе прислушиваясь къ самой себѣ.

Вальсъ «Тоска о прошломъ» свѣвалъ, какъ вѣтеръ листья, одну пару за другой, унося ихъ въ сладостномъ водоворотѣ. Шелестъ платьевъ, шарканье ногъ, запахъ пудры, духовъ и тѣла — все напоминало о золотой осени, о виноградномъ сборѣ, о рыжемъ солнцѣ, разметавшемъ свои волосы по ликующему лѣсу и дышащемъ на землю истомой желанія. Безъ воли, безъ мыслей Ольга кружилась въ вихрѣ чернаго и желтаго.

Среди танцевъ ее отвелъ въ сторону Ширвинскій. На немъ былъ фракъ, великолѣпно сшитый; въ манишкѣ бѣлоснѣжной рубашки матово переливали жемчужины.

— Позвольте оторвать васъ на минуту отъ вашего кавалера. Быть можетъ, это опять некстати, но я пользуюсь случаемъ, чтобы вторично выразить мои сожалѣнія по поводу случившагося. Знайте, что я глубоко оскорбленъ вашимъ некрасивымъ подозрѣніемъ, заставившимъ васъ выпрыгнуть изъ саней. Я не звѣрь и не хулиганъ. Насильно данные поцѣлуи для меня не имѣютъ цѣны. Я хочу, чтобы вы сами поняли правоту

моихъ словъ. Если даже мое сумасшедшее, властное чувство къ вамъ и прорывается иногда слишкомъ замѣтно, то все же меня не должно бояться.

— Я не боюсь васъ!

Онъ усмѣхнулся зло и снисходительно, не отводя отъ нея своихъ колющихъ глазъ.

— Чѣмъ вы докажете мнѣ это?

— Чѣмъ угодно!

— Даже если это испытаніе я вамъ предложу сегодня?

— Да!

XXI.

— О, не волнуйтесь, не волнуйтесь, милыя дамы. Здѣсь никто и ничто васъ не обезпокоитъ. Все мною заранѣе предусмотрѣно. Ваши голоса и вашъ смѣхъ не долетятъ ни до чьего нескромнаго уха. Мы прошли задними ходами въ этотъ кабинетъ и такимъ же образомъ уйдемъ. Лакей, который будетъ намъ подавать, вѣренъ мнѣ, тугъ на ухо и нѣмъ, какъ рыба. Кромѣ того, ваши фантастическіе костюмы сдѣлали васъ неузнаваемыми. Забудемъ же на время, что мы въ нашемъ скучномъ грязномъ городкѣ; вообразимъ, что насъ несетъ стройная яхта въ открытомъ морѣ, и далеко вокругъ не видно береговъ, не слышно людей. Мы одни. Не правда ли, при этой мысли какая-то тяжесть сваливается съ плечъ. Четыре дѣвушки и четыре мужчины. И всѣ они молоды! Вокругъ насъ шумятъ волны, которымъ нѣтъ до насъ никакого дѣла... Я васъ спрашиваю, господа, развѣ это не восхитительно?

Ширвинскій съ тонкой улыбкой скользнулъ взглядомъ по дѣвушкамъ, немного дольше остановился на строгомъ лицѣ Ольги и мелькомъ глянулъ на мужчинъ,

— Итакъ, я хотѣлъ бы, чтобы новый годъ далъ намъ новыя настроенія. Сдѣлайте со мною маленькое допущеніе, примите за истину мою красивую ложь, и все остальное приложится вамъ. Насъ восемь — Мефистофель, искушенный въ соблазнахъ и чуждый стыда, мудрый въ тайнахъ порока, какъ женщина; таинственное домино — двуликое, какъ Янусъ — то желтое, какъ безуміе, то черное, какъ безнадежность; цыганка съ беззаботнымъ смѣхомъ и вакхическими глазами; скромная хохлушка, какъ напоминаніе о давнемъ, наивномъ и печальномъ, сладкая капля романтической грусти послѣ оргійныхъ плясокъ. . . Три мужчины во всѣ поры своихъ исканій въ раннюю пору сладкихъ грезъ и «грусти нѣжной»; въ пору сомнѣній и чувственныхъ утѣхъ; въ пору зрѣлости пресытившейся, утонченной, но жадной. Наконецъ, какъ символъ — тоскующій Пьерро. Вотъ изысканное общество нашей увеселительной яхты. А вотъ столъ нашего пиршества — прошу отвѣдать!

Ширвинскій умолкъ, сдѣлавъ широкій жестъ по направленію стола, убраннаго со всею возможною пышностью, доступною провинціальному ресторану.

Среди бокаловъ и винъ расцвѣтали бѣлые, сладко-дышащіе ландыши и лиловыя цинераріи. На двухъ концахъ пылали восьмисвѣчники, мѣшая свой желтый живой огонь съ блѣднымъ мертвымъ свѣтомъ электричества вверху.

Ольга пила, но не пьянѣла. Ясно, какъ никогда, она отдавала себѣ отчетъ во всемъ. И чѣмъ шумнѣе становились ея сосѣди, тѣмъ увѣреннѣе дѣлался ея взглядъ. Какая-то упрямая морщинка залегла между ея бровей.

Ширвинскій не спускалъ съ нея глазъ. Онъ тоже казался совсѣмъ трезвымъ.

Варя печально шептала ей на ухо:

— Ахъ, зачѣмъ ты привела меня сюда? Зачѣмъ сказала, что онъ будетъ тутъ? Развѣ мнѣ весело? развѣ я нужна вамъ? Я уйду отсюда!

Но Ольга удерживала ее.

— Нѣтъ, нѣтъ останься съ нами. Это ничего, это пройдетъ!... Тебѣ нужно жить, вѣдь ты такая хорошенькая. Не будь дурочкой.

И она наливала ей вина и почти насильно заставляла пить. А потомъ, когда Варя начала хмелѣть, Ольга вдругъ забыла совсѣмъ о ней и заслушалась музыкой.

XXII.

Пьерро, весь бѣлый и грустный, игралъ баркароллу Чайковскаго «Іюнь». Вася стоялъ у піанино, безсознательно принявъ легкую изящную позу. Лицо его было блѣдно, какъ всегда, когда онъ много выпьетъ, глаза расширились и безпокойно блуждали.

— Вы очень красивы, Вася, — сказала Ольга, — вотъ ужъ второй разъ я вижу это. Скажите мнѣ, о чемъ вы думаете сейчасъ?

Вася отвѣтилъ тихо, точно ему трудно было говорить.

Голосъ его звучалъ хрипло:

— Я думаю о васъ, Оля...

— Какъ же вы думали обо мнѣ?

— Зачѣмъ вамъ знать это? Вы и такъ смѣетесь надо мною. Но что же я могу сдѣлать, если вы такъ прекрасны!...

Онъ поблѣднѣлъ еще больше, губы его дрожали. Глаза скользили по дѣвушкѣ, ощупывая ее, стыдясь и обнажая.

Ольга нервно засмѣялась, оглядываясь.

— Ну, а вы что, панъ Владекъ? Впрочемъ, васъ не нужно и спрашивать — ваши мысли мнѣ извѣстны. Онѣ тоже направлены на меня, на мое

тѣло... Васъ волнуетъ это черное домино съ желтой подкладкой... Я знаю это! Въ моихъ рукахъ страшная сила, и если я захочу, вы будете всѣ валяться у моихъ ногъ... Захотѣть? Не смотри, Варя, на меня такими испуганными глазами. Учись, да не плачь же, не плачь!

Она подбѣжала къ подругѣ и обняла ее.

— Выпей вина, успокойся!

Но Варя плакала, хватаясь за Ольгино домино. Бусы на груди ея звенѣли, грудь взволнованно билась.

— Уведи, уведи меня отсюда...

Ольга подняла ее и повела къ двери. Ширвинскій подошелъ, желая помочь ей, но она отстранила его.

— Сейчасъ же рядомъ съ нами есть дверь въ сосѣдній номеръ — онъ пустъ. Вы можете повести ее туда, — сказалъ Владекъ, пропуская дѣвушекъ впередъ. — Но не забудьте своего обѣщанія... Захотите!

— «Дай, милый другъ, на счастье руку!..» — пѣла Раиса. Грустный Пьерро ей аккомпанировалъ.

— Я никогда не забываю своихъ обѣщаній, — холодно отвѣчала Ольга, выходя въ коридоръ.

За собою она слышала пѣніе, звонъ бокаловъ.

Красный, большой Богушъ съ разстегнутымъ воротомъ рубахи обнималъ полную смѣющуюся хмельную Лену. Ихъ полныя тѣла сплетались похотливо и жадно. Въ другомъ углу играющій Пьерро, странно алая дѣвушка въ обличьѣ Мефистофеля и соблазненный юноша съ предательской синевою подъ глазами колебались въ волнахъ сигарнаго дыма и звукахъ разухабистой пѣсни, — какъ смутный бредъ, гдѣ все — сплетенье пошлаго и утонченнаго, расцвѣченный фонъ офортовъ Ропса, въ которыхъ не было еще главной фигуры.

И она явилась — тонкая, блѣдная, съ выпуклыми прозрачно-сѣрыми глазами, увеличивающими

все, какъ выпуклыя зеркала до ужаса увеличивають видимый міръ, — жуткая дѣвушка въ наглухо застегнутомъ до самаго подбородка черномъ домино съ желтыми, какъ спѣлые апельсины, пуговицами.

Не мѣняя выраженія блѣднаго лица, гдѣ ротъ одинъ говорилъ о чемъ-то своемъ, — или спрашивалъ или смѣялся загнутыми кверху рогами алаго мѣсяца, она быстрымъ движеніемъ поднялась на стулъ, потомъ на средину стола.

Музыка, пѣніе и смѣхъ замерли мгновенно, точно застыли въ отравленномъ ландышами и сигарами воздухѣ. Всѣ смотрѣли на дѣвушку.

Человѣкъ въ черномъ фракѣ, бѣлой манишкѣ и съ жемчужными запонками на груди вытянулся у стола, какъ деревянная кукла.

Дѣвушка вскинула руки. Черное домино, какъ темныя крылья, распахнулось въ стороны, и въ желтыхъ переливахъ шелка, среди догорающихъ свѣчей, опрокинутыхъ бокаловъ, фруктовъ и вина всѣ увидѣли нагое женское тѣло... Напряженно неподвижное, почти сквозное въ голубой снѣжности своей, оно слегка устремлялось впередъ, поддерживаемое тонкими ногами, обутыми въ черные чулки и желтыя туфли.

И вдругъ нечеловѣческій крикъ, вопль умирающей птицы, заглушенный стѣной, проникъ въ комнату.

Всѣ вздрогнули, черныя крылья мгновеннаго видѣнья сомкнулись. Но, не смотря ни на кого и ничего не слушая, съ отупѣвшими глазами и въ корректномъ фракѣ Ширвинскій почти кричалъ Ольгѣ:

— Понимаешь ли ты, что теперь ты должна быть моей!

А Вася лежалъ у ея ногъ и плакалъ.

Можетъ быть, одна Ольга поняла этотъ вопль за стѣною, но она молчала.

XXIII.

Варя больная лежала на кровати, съ распущенными каштановыми волосами, съ синими глазами, теперь ввалившимися, съ пожелтѣвшимъ маленькимъ лицомъ. Ольга сидѣла надъ нею. Она привезла подругу къ себѣ, потому что знала нищету и грязь ея отчаго дома. Аркадій, провѣдавъ о случившемся, рвалъ на себѣ волосы.

— Чортъ тебя дернулъ везти ее къ намъ.

Ольга спокойно и сухо отвѣтила:

— Если тебѣ это не нравится, можешь уѣзжать отсюда.

И онъ уѣхалъ опять въ деревню. Отецъ махнулъ на все рукой, цѣлыми днями играя въ карты, а мать лежала у себя въ спальнѣ, тоже больная. У нея снова начали пухнуть ноги. Отъ невыносимой боли по ночамъ она кричала безъ памяти.

Ольга пробовала согрѣвать своимъ дыханіемъ и растираніями ея оледенѣвшіе члены.

Иногда ей казалось, что мать умерла, — такъ холодно было ея тѣло и такъ слабо билось сердце. Тогда она плакала холодными скупыми слезами усталости, тупого отчаянія. Всѣ желанія умирали въ ней, все казалось до ужаса омерзительнымъ.

Она останавливалась въ темномъ корридорѣ между двумя комнатами, гдѣ ее ждали двѣ больныя; прятала лицо въ старыя платья, которыя висѣли тамъ; закусывала нижнюю губу и, закрывъ пальцами уши, силилась забыться, отрѣшиться отъ ощущеній бытія.

— Ты опять задумалась, Оля, — прошептала Варя.

— Нѣтъ, нѣтъ, милая, это я такъ...

Подруги перечитывали старенькій гимназическій альбомъ въ зеленомъ бархатномъ переплетѣ — забавное воспоминаніе о первомъ классѣ, когда у всѣхъ были такіе альбомы.

— Вотъ слушай:

Оля — золото съ гранатомъ,
Оля — жемчугъ съ бирюзой,
Оля — дышитъ ароматомъ,
Оля — ангелъ милый мой.
От твоей школьной подруги Л.

— Какова Ленка!

— А вотъ еще:

Ты просишь, чтобы я тебѣ
Въ альбомъ писала.
Но для чего оно?
Альбомъ ты скоро бросишь
И будетъ все равно.

Варя смѣялась тихимъ слабымъ, умиротвореннымъ смѣхомъ. Ольга улыбалась.

— Послушай, Варя, скажи мнѣ, отчего ты это сдѣлала?

Смѣхъ замеръ на губахъ больной. Тревожные глаза остановились на строгихъ глазахъ подруги.

— Ахъ, мнѣ было такъ тяжело!

— Ну?

Ольгины глаза пытали, допрашивали.

— Я чувствовала, что не могу жить безъ нихъ двухъ, а нужно было бросить или одного или другого. Я не умѣю такъ, какъ ты — никого не любить, и такъ, какъ Маня — наслаждаться любовью.. И потомъ я много выпила тогда, мнѣ было очень плохо, а пѣніе сводило меня съ ума. И вотъ, когда я осталась одна, я выпила сѣрной кислоты, что ставятъ между оконъ зимой и которую нѣсколько дней уже носила съ собою, но боль стала адская, я начала искать графинъ въ темнотѣ... горло горѣло, какъ въ огнѣ... когда, наконецъ, я нашла воду и сдѣлала глотокъ — боль сдѣлалась нестерпимой и я закричала...

Оля кивнула головой.

— Я знала, что это ты, но никому не хотѣла говорить...

— Ты не хотѣла?

— Да. Я думала, пускай она сдѣлаетъ то, что ей нужно, но баронъ первый пришелъ въ себя и побѣжалъ къ тебѣ.

— Ты хотѣла, чтобъ я умерла?

Варя, блѣдная, испуганная и трепещущая, смотрѣла на подургу.

— Но развѣ ты сама этого не хотѣла тогда?

Ольга опять улыбалась скупой, почти злой усмѣшкой.

— И тебѣ не было жаль меня? О, я не повѣрю этому. Ты какъ ухаживаешь за мною!

— Мнѣ жаль тебя сейчасъ — это правда, но въ ту ночь я почти завидовала тебѣ. Вѣдь это такъ хорошо не быть, если не умѣешь быть...

— Значитъ, ты тоже страдаешь? Значитъ, тебѣ тоже тяжело?

Варя приподнялась на локоть, пытаясь обнять подругу.

— Нѣтъ, милая, я не страдаю и мнѣ не тяжело... Я просто не знаю, что мнѣ нужно... Повѣрь мнѣ, я не такая счастливая, какъ ты, у которой есть изъ-за чего умирать. И ты ложись и не бойся — со мною врядъ ли когда-нибудь это случится.

Она снова наклонилась надъ альбомомъ съ нелѣпыми стихами далекаго, странно-невиннаго прошлаго:

Сегодня платье, завтра блуза
Отбоя нѣтъ отъ жениховъ,
Ищи себѣ своего союза
И не пиши стиховъ...

— Оля, послушай, Оля, а почему ты тогда раздѣвалась, когда привела меня въ номеръ... Ты дѣлала очень скоро, было темно, но я все видѣла, хотя и лежала на кровати... Скажи мнѣ, Оля, зачѣмъ?

Ольга отвѣтила, не подымая голову отъ альбома:

— Чтобы скорѣе запачкаться. Но ты все равно не поймешь этого и лучше не спрашивай.

XXIV.

Перелистывая альбомъ, Ольга долго молчала. Она смотрѣла на исписанные листы, гдѣ крупный твердый почеркъ переплетался съ мелкимъ, ясный и правдивый — съ крючковатымъ и лживымъ. И столько, сколько было здѣсь различныхъ почерковъ, столько было и различныхъ именъ, а каждое имя носило свое лицо, свою судьбу.

Вотъ имена самыхъ близкихъ подругъ — Мани, Раисы, Лены и Вари. Съ ними Ольга прожила бокъ о бокъ нѣсколько лѣтъ, сидѣла съ ними на одной скамейкѣ, дѣлилась радостями и горемъ. Но, Боже мой, какъ онѣ всѣ различны. И какъ онѣ измѣнились за это время. Развѣ она можетъ сказать, что хорошо знаетъ ихъ? Только одно знаетъ, что всѣ онѣ что-то имѣютъ, ради чего живутъ... Эта курносенькая булочка Маня, которая была такъ забавна и глупа, когда поступила въ гимназію, — что только она не испытала? Ее можно было бы назвать героиней, если бы все то, изъ-за чего она страдала, не было бы такъ пошло. Любовь къ Жоржу, эта всепоглощающая страсть къ мужчинѣ, у котораго только одно сильное тѣло и ничего больше. Но во имя этой страсти Маня убивала свое тѣло и то, что являлось плодомъ этой страсти. Что готовила она себѣ въ будущемъ? Ахъ, Боже, но вѣдь она счастлива.

А Раиса, эта некрасивая дѣвушка съ повадками развращеннаго мальчишки... А Лена — веселая и жадная... Грустная Варя, вотъ эта что лежитъ рядомъ. Да, да... конечно...

Ольга порывисто встала, вытянула впередъ руки, заламывая пальцы. Глаза потемнѣли.

— Что съ тобою? — спросила Варя.

— Ахъ, со мною ничего! Я вотъ только думаю, и меня сводятъ съ ума мои мысли. Навѣрно, глупымъ не слѣдуетъ думать. А можетъ быть, я

слишкомъ умна — и это тоже скверно. Но вотъ, я васъ всѣхъ понимаю — и Маню, и тебя, и Раису, и Лену... Для одной нуженъ самецъ, для другой — мужъ и ребенокъ, для третьей — наслажденія, для четвертой — просто деньги и удовольствія... Да, да, я понимаю, что всѣ вы ради этого можете пострадать, должны пострадать, потому что будете вознаграждены. Ну, а вотъ та, которая никого не любитъ или любитъ то, что, какъ сонъ, прошло мимо — любитъ любовь жгучую, полную, всезахватывающую, гдѣ душа и тѣло не двоятся, слиты, гдѣ нѣтъ — я и ты. Какъ же той страдать и за что? Научите, — потому что сладко такое страданіе...

Ольга говорила громко, неспѣша, проникновенно, вся уйдя въ одно желаніе передать то, чѣмъ болѣла ея душа и для чего были пустой звенящей шелухой человѣческія слова.

Варя напряженно слушала. Потомъ, когда Ольга замолкла, сказала тихо и печально:

— Ты счастливая, вѣдь развѣ этому можно научить? Ну да, ты говоришь такъ потому, что еще дѣвушка..

Ольга вздрогнула. Краски минутнаго оживленія сбѣжали съ ея щекъ. Она пристально посмотрѣла на Варю.

Нѣтъ, она ничего не знаетъ. Она смотритъ на нее просто, какъ всегда, немного съ завистью, но не подозрительно. Она не знаетъ того, о чемъ Ольга сама старалась не думать, забыть, но что было... было...

Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда безъ силъ, безъ воли, безъ желаній она стояла въ темномъ корридорѣ между двухъ комнатъ двухъ больныхъ — подруги и матери, къ ней подошелъ Ширвинскій. Онъ хотѣлъ повидать ея брата, но, не заставъ его, столкнулся съ нею. Она даже не испугалась, когда неожиданно увидала его около. Ей было все равно. Они не поздоровались и стояли молча другъ противъ друга.

Совсѣмъ чужой и безразличный въ эту минуту, онъ обнялъ ее и превлекъ къ себѣ. Она не противилась. Тупое оцѣпенѣніе охватило ее; голова была пуста, почти мертвая. Только тупая, ноющая боль въ груди, боль тоски давала себя чувствовать, и одно желаніе — убить эту тоску, какъ убиваютъ нервъ больного зуба, владѣло мыслями. Ей хотѣлось забыться, уйти отъ давящей безнадежности, отъ стоновъ, отъ запаха трупа, который точно владѣлъ уже этимъ домомъ; ей хотѣлось хотя бы страданій, униженій, забвенія всего и самой себя. Все равно, кто принесетъ это избавленіе; воля не направляла чувствъ, тѣло властно тянуло къ жизни, боролось за жизнь, возмущалось противъ смерти, которая бродила около.

Она возвращала Ширвинскому поцѣлуи, какъ дыханіемъ возвращаютъ вѣтру его взмахи — безучастно, но неизмѣнно. Должно быть, онъ самъ не вѣрилъ, что это можетъ произойти сегодня. И все-таки, она ему принадлежала, какъ можетъ принадлежать любая горничная, — въ темномъ корридорѣ съ коптящей лампой подъ потолкомъ, грубо запрокинутая на старый сундукъ, со взбитыми свѣтлыми волосами, метущими пыль грязнаго пола, — безъ любви, безъ ласки, съ мертвымъ сердцемъ, роздавленная, уничтоженная и равнодушная.

XXV.

Этой ночью Ольгѣ не пришлось уснуть. До полуночи мучилась Ксенія Игнатьевна, стеная отъ боли, переходя то съ кровати на кресло, то съ кресла на диванъ, нигдѣ не находя покоя своему больному сердцу.

Ольга терпѣливо пѣстовала ее, но мысли ея были далеко. Съ того вечера, какъ она стала принадлежать Ширвинскому, съ того часа, какъ тѣло ея бы-

ло отдано въ плѣнъ чужой страсти, Ольга забыла какъ-то о себѣ, и любовь, распускавшаяся дотолѣ въ ея любви къ далекому, увяла, оледенѣла. Иногда ей вспоминался тотъ тихій вечеръ 22-го декабря и бѣлые хлопья снѣга на примолкнувшихъ улицахъ и темные глаза незнакомца, согрѣвшіе ей душу, и тогда ей начинало казаться, что это было давно, слишкомъ давно, чтобы считаться явью. И она гнала эти воспоминанія, боясь касаться ихъ теперь, поддерживая въ себѣ бездумное равнодушіе.

Почти ежедневно она ходила къ Ширвинскому. Она отдавалась ему по первому его требованію и не чувствовала въ себѣ даже отвращенія. Ей казалось, что такъ нужно. Она знала, что придетъ домой и застанетъ больную мать, больную подругу. Ей хотѣлось бы забыться, испытать хоть на мигъ наслажденіе. Уходя, она не знала нужно ли возвращаться, не думала, какъ долго протянется эта связь.

Но она шла на слѣдующій день снова, потому что объ этомъ ее просилъ ея любовникъ. Она такъ не походила на дѣвушку, у которой преступная связь, что никто не могъ догадаться, куда были ея частыя отлучки.

Сегодня впервые она заговорила съ Ширвинскимъ объ ихъ отношеніяхъ. Она все еще была подъ впечатлѣніемъ Вариныхъ страданій и, уже собиралась уходить, вдругъ вспыхнула смертельной тревогой и спросила:

— А если у меня будетъ ребенокъ?

Ширвинскій, принявшій съ нею за эти дни покровительственно-снисходительный тонъ, ее успокоилъ.

И больше они уже объ этомъ не говорили.

Она ушла домой; заглянула къ Варѣ, которая все еще не вставала отъ слабости и боли въ спинѣ; потомъ, снявъ шелковую свою кофточку, надѣла красную распашонку, заплела косичками волосы и пошла къ Ксеніи Игнатьевнѣ.

Больная, наконецъ, уснула. Вздрагивая и слабо стоная во снѣ, она лежала навзничь, съ брошенными поверхъ одѣяла восковыми руками. Лицо тоже было восковое съ заостреннымъ носомъ, но руки при свѣтѣ лампадки пугали больше своею тяжелой неподвижностью.

Одно мгновенiе Ольга подумала, что передъ нею трупъ. Она быстро прикрыла руки матери пледомъ и сѣла въ кресло.

Дѣвушка слушала, какъ кровь, приливая къ ея закинутой кверху головѣ, стучала въ виски. Но мало-по-малу она уплывала въ далекое...

Нагорѣвшiй фитиль лампады передъ старинным кiотомъ затрещалъ и погасъ.

Ольга вздрогнула ,окруженная со всѣхъ сторонъ сплотившимися тѣнями, но сейчасъ же замерла, плѣненная прошлымъ.

Передъ ней прошли давно забытые образы изъ такого, теперь, казалось, далекаго дѣтства. Она увидала ясно, точно во снѣ, болѣе яркомъ, чѣмъ дѣйствительность, и чужой край, поразившiй ее тогда своими тихими озерами и снѣжными высями, и себя и брата Аркадiя, и отца и мать.

Бываютъ таинственые часы въ нашей жизни, которые мы переживаемъ дважды. Такой часъ возврата наступилъ для Ольги .

XXVI.

Она сидѣла со своимъ братомъ въ угловой гостиной, у открытаго окна. Вѣтеръ ласкался къ ея волосамъ и вѣялъ въ лицо запахомъ водяныхъ лилiй.

Надъ озеромъ гасло солнце, и озеро было темнокрасно, а лѣсъ у его берега казался чернымъ. Чайки и стрижи рѣзали воздухъ.

Стоящій на столѣ огарокъ пылалъ то желтымъ, то синимъ огнемъ и плакалъ бѣлыми слезами.

Оба ребенка смотрѣли на свѣчу и, кажется, думали одно и то же.

Тамъ, на другомъ концѣ дома, умирала ихъ мама.

Она давно уже лежала въ кровати, пылающая и обезсиленная, и давно дѣти не слышали ея голоса, потому что ихъ боялись пустить къ ней.

Сначала они плакали, оба рвались къ больной, но потомъ какъ-то притихли. Братъ еще плакалъ тихими слезами по вечерамъ, когда ложился спать; онъ привыкъ, что мама всегда крестила его передъ сномъ и читала съ нимъ молитвы, и воспоминаніе объ этомъ вызывало слезы. А Оля сдѣлалась молчаливой, почти неслышной и часто сидѣла неподвижно, точно о чемъ-то долго и напряженно думала. Глаза ея широко открылись, и она вздаргивала при каждомъ неожиданномъ шумѣ. Въ эти дни къ ней очень привязалась большая черная собака Неро. Темное лохматое животное безшумно подходило къ дѣвочкѣ, клало на ея колѣни свою морду и пристально смотрѣло на нее. А по ночамъ она взбиралась къ Олѣ на кровать и ложилась рядомъ съ ней, какъ человѣкъ, вытянувшись во весь ростъ. И это ничѣмъ необъяснимое поведеніе животнаго, всегда такого флегматичнаго, жуткимъ трепетомъ наполняло душу Оли.

Дѣвочка боялась спрашивать о мамѣ, боялась заговорить о ней, хотя всѣ мысли ея были съ нею, и это казалось непонятнымъ для окружающихъ, а отецъ упрекалъ ее въ черствости. Но она не возражала на упреки, она боялась маминой комнаты, она была вся подъ игомъ какого то непонятнаго, но тяжелаго предчувствія.

И теперь, сидя здѣсь съ братомъ, она знала что тамъ у мамы собрались доктора, что наступилъ кризисъ, который что-то долженъ рѣшить, но ей все это

казалось далекимъ; она была полна своими мыслями, своими представленіями, своей вѣрой въ неизбѣжное... А когда огонь свѣчи, колеблемый вѣтромъ, внезапно потухъ, Оля почувствовала рѣзкій холодъ въ спинѣ и почти невольно проговорила вслухъ сорвавшимся голосомъ:

— Это умерла мама...

И сама ужаснулась своихъ словъ и посмотрѣла на брата.

Въ большихъ синихъ глазахъ мальчика стояли слезы, и онъ отвѣтилъ ей дрожащими губами:

— Я тоже объ этомъ подумалъ...

Потомъ уткнулся лицомъ въ шелковую подушку дивана и заплакалъ. А Оля съежилась, но глаза ея остались сухими.

Теперь все было кончено. Тяжелая крышка, висѣвшая надъ ней, упала. Не было ни надежды, ни вѣры — совершилось неизбѣжное.

Мама умерла.

Оля это чувствовала всѣмъ своимъ существомъ. Мамы не было больше. Кто-то холодно и ясно говорилъ ей это.

Но слезы не шли.

Она смотрѣла на чаекъ, назамерзшую гладь озера, на гряду лѣса, — и все это отражалось въ ея глазахъ, въ ея мысляхъ. Все это она видѣла, слышала и понимала отчетливо, какъ никогда, но во всемъ была пустота, не было связи, все говорило:

— Мамы нѣтъ...

Она не замѣтила, какъ въ комнату вошелъ отецъ блѣдный, утомленный, съ чуть уловимой радостью въ глазахъ. Онъ подошелъ къ сыну и обнялъ его склоненную голову. Казалось, онъ хотѣлъ сказать что-то, но не могъ. Потомъ посмотрѣлъ на каменное, неподвижное лицо дочери, и тѣнь раздраженія упала на его губы.

— Дѣти, — сказалъ онъ, — ваша мама спасена,

Онъ пріостановился, и тотчасъ же повторилъ тверже.

— Да, да... мама скоро поправится... кризисъ миновалъ.

У него появились слезы на рѣсницахъ — слезы утомленія и слабости.

— И я пришелъ за вами... она зоветъ васъ...

Лицо мальчика, помятое отъ жесткой подушки и красное отъ слезъ, мгновенно прояснилось. Глаза вспыхнули вѣрой, счастьемъ, безпечностью. Онъ кинулся на шею отца и лепеталъ порывисто и быстро:

— Мама, мама здорова?... мама жива?... а мы...

Онъ хотѣлъ посмѣяться надъ тѣмъ, что они только что говорили съ сестрой, но, взглянувъ на нее, умолкъ.

Она сидѣла такая же печальная, блѣдная, худенькая и молчаливая, точно радостная вѣсть отца не коснулась ея уха. Узенькая полоска между бровями сдѣлалась глубже, а глаза казались потухшими.

— Что же ты молчишь? — изумленно, почти враждебно, съ эгоизмомъ успокоившагося, счастливаго человѣка, спросилъ отецъ и, взявъ за руку сына, поднялся.

— Идемъ.

Больная лежала на кровати, блѣдная и тонкая, съ распущенными черными волосами, и смотрѣла на вошедшихъ усталымъ, но счастливымъ взглядомъ выздоравливающей. Она чувствовала дыханіе жизни, вернувшееся къ ней, и ничего другого не хотѣла знать, кромѣ радости жизни.

Оля остановилась на порогѣ и въ упоръ смотрѣла на мать. Она не подошла къ ней и почти не узнавала ея. Точно что-то непонятное, нереальное совершалось передъ ней, и она хотѣла проснуться. Она видѣла, но не принимала въ себя видимое, потому что сознаніе ея жило въ другомъ.

И когда она услышала голосъ матери, зовущій ее по имени, когда отецъ взялъ ее за плечи и силой хотѣлъ подвести къ постели, она вырвалась изъ его рукъ, выбѣжала въ темный длинный корридоръ, точно убѣгая отъ кошмара, сѣла на полъ и заплакала.

Оля ощутила теперь всю тяжесть своей утраты, и чего-то до боли мучительно было жаль.

Черный большой Неро пришелъ къ ней, пристально смотрѣлъ на нее и, казалось, хорошо понималъ своей темной и таинственной душой звѣря.

Эта давящая тяжесть утраты владѣла Ольгой и теперь, когда, открывъ глаза, она ослѣпла отъ окружающей тьмы.

Спѣша и натыкаясь на вещи, дѣвушка подбѣжала къ кровати. Мгновеніе... и поднятыя руки замерли, не имѣя силъ опуститься на тѣло, которое чудилось мертвымъ.

Нѣтъ, страхъ обманулъ — Ксенія Игнатьевна дышала. Но почему казалось Ольгѣ, какъ и тогда, въ прошломъ, что предчувствіе ей не солгало.

XXVII.

Въ срединѣ января, когда въ гимназіи уже начались занятія и Ольга, какъ гимназистка, должна была ходить на уроки и кое-какъ готовиться къ нимъ, урывая для этого время отъ ухаживаній за матерью и свиданій съ Ширвинскимъ, которыя, разъ начавшись, такъ и продолжались, все глубже коверкая душу дѣвушки и затягивая въ тихій омутъ просыпающейся чувственности, — въ эту пору бездорожья и безволія Вася Труновъ писалъ Олѣ.

«Оля, Оля, умоляю васъ, выслушайте меня. Вы почему-то никогда этого не хотѣли сдѣлать. Вы всегда смѣялись надо мною, ни разу не могли поцѣловать. Что для васъ одинъ поцѣлуй, когда вы ихъ...

Да, я знаю все! Отъ меня ничего не могло скрыться. Я слѣдилъ за каждымъ вашимъ шагомъ, я читалъ въ вашихъ глазахъ, я ловилъ каждый вашъ жестъ. А тогда, Ольга, когда вы стояли передъ нами, какъ видѣніе, я не знаю, что тогда было со мною. Я плакалъ какъ ребенокъ, нѣтъ, какъ человѣкъ, для котораго вся жизнь въ томъ, что онъ не можетъ взять... Я невиненъ, Ольга. Слышите, до того дня, что я увидалъ ваши глаза, почувствовалъ запахъ вашего тѣла — я былъ невиненъ, я не зналъ, я боялся женщинъ. Я всегда мечталъ о любви чистой и прекрасной, и мнѣ противны были поцѣлуи тѣхъ, въ комъ нѣтъ любви. Я хотѣлъ сохранить свое тѣло для той, которую полюблю. Я мечталъ о ней, о моей возлюбленной, съ тоскою, съ болью. Долгими ночами плакалъ о ней, звалъ ее. Ея не было. Вы не знаете, какъ трудно оставаться дѣвственникомъ, когда кругомъ столько соблазна, когда всѣ въ лицо смѣются надъ тобою, когда, наконецъ, ты слышишь біеніе своей крови, когда тебѣ уже 18 лѣтъ. Но все-таки я былъ счастливѣе тогда. У меня была надежда, я баюкалъ себя въ сладкомъ снѣ. Иногда даже я испытывалъ какую-то особенную радость, острое блаженство, что я дѣвственникъ, что вотъ придетъ та, которую я полюблю, и возьметъ отъ меня все, что можетъ ей дать страсть, молодость, невинность. Понимаете, я любилъ свое тѣло, я холилъ его, я любовался его стройностью, его чистотой. Мнѣ казалось, что его нельзя не любить. Но вотъ я увидѣлъ васъ, которую зналъ раньше, но не видѣлъ. Тогда началась моя пытка. Вы почувствовали сразу, что я въ вашихъ рукахъ, что изъ меня можно вить веревки. И вы заставили меня передавать поклоны актерамъ, носить записки, вы не стѣснялись при мнѣ говорить о своихъ чувствахъ къ другому, вы обѣщали поцѣловать меня, если я мѣсяцъ не буду говорить съ вами. Я покорился. У меня не было силъ бороться. Не знаю даже, любилъ ли я васъ, но вы тянули меня

къ себѣ, я не могъ не думать о васъ, я сталъ принадлежать вамъ.

«О, сколько разъ теперь я проклиналъ свою неумѣлость, свой дѣвственный стыдъ, мѣшающій мнѣ быть такимъ же хитрымъ, сильнымъ и обольстительнымъ, какъ другіе. Тогда бы я сумѣлъ заставить васъ покориться мнѣ, я не молилъ бы о жалкомъ поцѣлуѣ, я не ползалъ бы передъ вами на колѣняхъ, не плакалъ бы. Теперь я понялъ, какъ смѣшонъ былъ въ своемъ романтическомъ желаніи сберечь себя для любимой дѣвушки.

«Вы развратили, исковеркали, растоптали мою душу и тѣло. Да, да — вы! Вы берегли себя для человѣка, которому ваши ласки — только лишнее удовольствіе, случайное препровожденіе времени, который глумится надъ вами, не стѣсняясь по секрету разсказывать о своей связи съ вами всѣмъ и каждому... а мнѣ, мнѣ, для котораго вы все, вы первая, — вы жалѣли бросить, какъ подачку, жалкій поцѣлуй.

«Будьте же вы прокляты и, если можете, смѣйтесь надо мною, надъ любовникомъ своимъ, надъ собою .

«Смѣйтесь, потому что я потерялъ и стыдъ и совѣсть. Я пришелъ къ вашему любовнику и разсказалъ ему все. Но онъ не выгналъ меня. Онъ тоже смѣялся... онъ потиралъ руки... Онъ уступилъ мнѣ васъ. Не спрашивайте — какъ. Вамъ не для чего знать, какими путями люди приходятъ къ подлости. Но я вамъ не лгу. Мнѣ страшно стало самому, что это не ложь.

«Нѣтъ, не проклинаю я васъ, а благословляю. Я опять готовъ цѣловать слѣды вашихъ ногъ. Поймите, что вы для меня все. Только не гоните отъ себя, приласкайте меня, и я, какъ собака, буду лизать ваши руки. Я убью его по первому вашему слову, потому что онъ вашъ врагъ, онъ темная тѣнь на всей вашей жизни. Вѣдь вы же не любите его.

«Отвѣтьте мнѣ. Я буду ждать отвѣта до завтра, и если его не будетъ, то пусть все останется такъ, какъ мы рѣшили съ Ширвинскимъ. Другого выхода у меня нѣтъ.

Вася».

XXVIII.

Ольга смѣялась долго, упорно, точно кто-то посторонній заставлялъ ее смѣяться. Она сидѣла надъ педагогикой и смѣялась такъ, что у нея закапали слезы на желтыя страницы книги. Она не отирала ихъ, не рвала злополучнаго письма. Ея не могъ возмутить тонъ его, но и смѣшного въ немъ она ничего не находила. А однако, смѣхъ все еще рѣзкими толчками подымалъ ея грудь. У нея не было силъ бороться съ нимъ. За послѣднее время она разучилась управлять своей волей. Иногда даже это забавляло ее. Она дѣлала все какъ-то непроизвольно. Ее будили, чтобы она шла въ гимназію, и она покорно вставала и шла; потомъ она обѣдала, потомъ бѣжала къ Ширвинскому, — всегда бѣжала точно боясь опоздать, боясь не пойти. Это былъ запой — тяжелый, болѣзненный, но неизбѣжный. Всегда съ отвращеніемъ вспоминая о подробностяхъ своихъ свиданій съ Ширвинскимъ, Ольга все же не могла бы прекратить ихъ. Она превращалась въ другого человѣка, переступая порогъ комнаты своего любовника. Тамъ она теряла стыдъ, забывала время, утрачивала способность разсуждать. Онъ дѣлалъ съ нею, что хотѣлъ.

Онъ мучилъ и развращалъ ее, съ любопытствомъ слѣдя за тѣмъ, какъ она это воспринимаетъ. Онъ поилъ ее ликеромъ, мараскино, который она такъ любила, и говорилъ ей все, что приходило въ его возбужденную голову. Подмѣчая ея слабыя стороны, ея маленькія дѣвичьи тайны, дорогія для нея,

ея суевѣрныя привычки и наивныя мысли, онъ трунилъ надъ нею, цинично осмѣивалъ ее. Передъ нею постепенно распадался тотъ міръ, которымъ она жила раньше, все принимало уродливыя, пугающія и безсмысленныя формы, все святое меркло и гасло.

И каждый день она шла на эту муку, чтобы еще разъ испить горькую чашу соблазна и униженной наслаждаться своимъ страданіемъ.

Но все это оставляло ее сейчасъ же, какъ только она выходила на улицу и, спѣшно ступая, шла по бѣлому снѣгу. Въ своемъ зимнемъ уборѣ городъ былъ чище и уютнѣе. Онъ шепталъ, шуршалъ, супился въ сизой морозной дымкѣ; согрѣвалъ себя желтыми мерцающими огнями, кутаясь въ паръ и дымъ и розовое зарево.

А дальше вокругъ спали хмурыя поля и застывшій лѣсъ.

«Какъ хорошо, что есть вотъ эти звѣзды, и снѣгъ, и взъерошенныя извозчичьи лошади, и галки на крышахъ, — думала Ольга. — Что такое въ нихъ чудеснаго, что они такъ баюкаютъ всякую печаль? И почему это только иногда все ясно такъ видишь? И какъ только видишь это, — не помнишь самой себя, не кажешься себѣ самымъ важнымъ, самымъ нужнымъ на землѣ...»

Подъ мостомъ, какъ давно когда-то, играли «На сопкахъ Манчжуріи». Ольга останавливалась на мосту, облокачивалась на перила и слушала.

Вотъ только одну эту тайну она сохранила для себя, не выдала Ширвинскому.

Двадцать второе декабря. Скоро мѣсяцъ, какъ это было. Но все, до мельчайшихъ подробностей ей памятно.

— Ты смѣялась, Ольга?

— Да я смѣюсь и теперь.

Варя подошла къ подругѣ и опустилась у ея ногъ на скамеечку.

— Я рада, что ты опять смѣешься...

— Серьезно?

— Да, послѣднее время ты какъ-то ушла отъ насъ. А я такъ счастлива.

— Ты счастлива?

— Ужасно. И я должна благодарить тебя за это. Ты такая добрая. Мы вѣдь опять помирились съ Аркадіемъ...

— Но я-то тутъ при чемъ?

— Ты сблизила насъ. Оставивъ меня у васъ, ты пріучила Аркадія ко мнѣ. Онъ сказалъ, что не подозрѣвалъ о томъ, что можетъ такъ привязаться къ женщинѣ.

— Еще бы, ты каждую ночь ходишь къ нему!

Варя спрятала свое покраснѣвшее лицо въ колѣняхъ Ольги.

— Прости меня... я старалась дѣлать это какъ можно тише... я не знала, — оправдывалась совсѣмъ убитая дѣвушка.

— Полно, за что же тутъ прощать. Не бойся, я не выдамъ тебя. Лишь бы не узналъ объ этомъ отецъ...

— О, нѣтъ, онъ-то не узнаетъ!

Варя схватила Ольгу за руки и заглядывала ей въ глаза .

— Такъ ты не прогонишь меня? Ты оставишь меня тутъ еще немного?

Ольга улыбалась. Взглядъ ея былъ разсѣянный. Она отвѣтила почти равнодушно:

— Ну, конечно же.

Варя, успокоенная, размягченная, полная мысли о любимомъ, говорила проникновеннымъ шопотомъ:

— Да, да, я знала, что ты добрая. Я никогда не забуду этого, никогда... Аркадій обѣщалъ мнѣ, когда онъ выйдетъ въ офицеры, поселить меня недалеко.

— Съ ребенкомъ?

— Я не знаю... мы еще не говорили объ этомъ. Но онъ уступитъ, онъ уступитъ.

— А если нѣтъ?

Ольга насмѣшливо взглянула на Варю.

— Тогда, тогда...

— Ты сдѣлаешь такъ, какъ это дѣлаетъ Маня ради любви своего Жоржа?

Варя умоляюще отвѣтила:

— Ольга, не говори такъ, я не вынесу...

— Тебѣ давно уже казалось, что ты не вынесешь, а однако... Не лги по крайней мѣрѣ себѣ.

— Я не лгу, Оля. Но я знаю, что тебѣ смѣшна моя слабость, потому что ты дѣвушка...

Ольга порывисто встала. Глаза ея, круглые и выпуклые, стали еще больше и горѣли, какъ у кошки.

Варя, испуганная, осталась у пустого стула.

— Не смѣй, не смѣй называть меня дѣвушкой! Слышишь ты, — жалкое исковерканное существо! Я презираю васъ всѣхъ, потому что я такая же, какъ и вы... Понимаешь ты это?

XXIX.

Ширвинскій, улыбающійся и надушенный, открылъ Ольгѣ двери.

— Ты аккуратна, какъ всегда!

Ольга молча, не здороваясь, подала ему письмо Васи.

— Посланіе? Но оно адресовано не мнѣ...

— Прочитай его...

Ширвинскій, пожимая плечами, подошелъ къ лампѣ.

Ольга стояла неподвижно у красной портьеры, за которой была спальня.

Наконецъ, Ширвинскій поднялъ голову, выгибая кверху брови, что онъ дѣлалъ всегда, когда хотѣлъ показать свое недоумѣніе.

— Все это прекрасно, — сказалъ онъ недовольнымъ тономъ, — но какое это имѣетъ отношеніе ко

мнѣ? Зачѣмъ ты мнѣ принесла эту гадость? Я слишкомъ себя уважаю, чтобы оправдываться въ тѣхъ мерзостяхъ, какія здѣсь на меня возводятся; но я надѣюсь, что ты сама не придаешь этому серьезнаго значенія. Не такъ ли?

Ольга молчала.

— Этотъ мальчишка просто влюбленъ въ тебя и пустился во всѣ нелегкія. Онъ немного спятилъ, но письмо его довольно занятно. Ты его спрячь, какъ уникумъ.

Ширвинскій всталъ и, подойдя къ Ольгѣ, пытался ее обнять.

— Ну, раздѣвайся же! Выпьемъ кофе, потолкуемъ. Вѣдь мнѣ какъ ни какъ придется ѣхать въ Петроградъ, начать заниматься. Ты сегодня удивительно интересна. Тебѣ идетъ, когда ты волнуешься... Какъ-то особенно ярко горятъ тогда твои волосы и поминутно мѣняется цвѣтъ глазъ. Вотъ только, что они были сѣрыми, какъ сталь, а теперь уже желтые.

Онъ началъ помогать ей снимать шубку и шляпку. Она не противилась, но все такъ же молчала, смотря куда-то въ сторону.

Ширвинскій подвелъ ее къ дивану за круглымъ столомъ, гдѣ стоялъ кофейникъ со спиртовкой, двѣ чашечки и въ соломенномъ чехлѣ зеленая бутылка мараскино, и посадилъ дѣвушку рядомъ съ собой.

— Итакъ, мы скоро должны съ тобой разстаться, — говорилъ онъ непринужденно. — Ты, конечно, понимаешь, что это не можетъ мнѣ быть пріятнымъ, но что же дѣлать! Будемъ мужественны... Во всякомъ случаѣ мѣсяца черезъ два мы опять свидимся. А тамъ ты пріѣдешь сама въ Петроградъ, не такъ ли?

Онъ опять потянулся къ ней, стараясь привлечь къ себѣ ея голову.

— Ты все еще дуешься?

Сразу возбуждаясь, Ольга заговорила:

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Я не знаю и не хочу ничего знать! Ты говоришь: письмо это — бредъ сумасшедшего. Пусть такъ. Но почему, почему всѣ становятся сумасшедшими, когда говорятъ о любви? Почему все самое темное тогда подымается въ человѣкѣ, и каждый лжетъ съ радостью, съ упоеніемъ, лжетъ, чтобы взять то, что ему нужно? Нѣтъ, я говорю не то! Я говорю вздоръ. Но больше я не могу такъ! Что вы хотите отъ меня? Вонъ, вонъ бѣжать отсюда, переѣзжать изъ города въ городъ, и никого не любить, ни къ кому не привязываться... А смыслъ этой жизни? До того дня, пока я была дѣвушкой ,я скучала, но всегда у меня была какая-то надежда... я во что-то вѣрила! Мнѣ казалось, вотъ-вотъ это сбудется, это свершится. У меня не было никакихъ идей, никакихъ желаній «работать», — я всегда смѣялась надъ этимъ. Я была, какъ большинство у насъ. Я ходила въ гимназію, учила физику, исторію, потому что ихъ нужно было знать для отвѣта, читала очень много, читала все, что ни попадется подъ руку и вездѣ, и въ гимназіи, и дома, не чувствовала себя у себя, и было мнѣ неуютно, и все казалось, что это только такъ, временно, что я на полустанкѣ и скоро поѣду дальше — туда, куда нужно. Боже мой, я не знаю даже, бѣдная я или богатая? У меня все есть и ничего нѣтъ. У меня есть отецъ, мама, которую я люблю, квартира, гдѣ я живу, но ихъ нѣтъ. И мои подруги — всѣ такія. Только очень бѣдныя что-то дѣлаютъ и сторонятся насъ. Къ чему насъ готовятъ, мы не знаемъ, потому что мы ничего не умѣемъ... Насъ балуютъ съ дѣтства, потомъ пошлютъ въ гимназію, чтобы мы получили дипломъ и были, какъ всѣ. Тамъ мы проводимъ все время, отвыкая отъ дома, и ничему не учимся. У насъ занятъ какъ будто бы весь день, а мы все же не знаемъ что съ собою дѣлать. Потомъ насъ выкидываютъ на улицу или стараются выдать замужъ... Замужъ... да у насъ съ

третьяго класса смѣются, когда какая-нибудь мечтаетъ объ этомъ! Мы хорошо знаемъ, что такое семья. И потомъ вотъ мама что-то умѣетъ дѣлать — она очень аккуратная, она знаетъ, какъ приготовить мороженое, она вѣритъ, что жена должна прощать мужу, что женщина должна молиться и страдать. Но я этому не вѣрю, не могу вѣрить, не хочу вѣрить... И вотъ у меня нѣтъ дороги, никогда не было, но я надѣялась! Ну, смѣйся, если хочешь! Конечно, это глупо! Я опять возвращалась къ тому, о чемъ мечтала, можетъ быть, мама, — къ любви... Какъ я о ней мечтала, — не знаю. Я всегда думала, что настоящая любовь что-то очень большое, всезахватывающее и безраздѣльное... О, я не святая. Я понимаю, что можетъ быть страсть и она должна быть. Я хочу ее — такую, отъ которой было бы сладко умереть. Но ея нѣтъ... Я должна сказать тебѣ это. Ты не взялъ меня насильно, я сама отдалась тебѣ, потому что мнѣ было все равно, но я предпочла бы насиліе — нашей любви.

XXX.

Ширвинскій все время сидѣлъ молча. Онъ не возражалъ и не поощрялъ. Онъ сидѣлъ въ удобной позѣ на диванѣ, — подобравъ подъ себя одну ногу, откинувшись на подушки и затягиваясь изъ маленькой американской трубки крѣпкимъ англійскимъ табакомъ. Иногда онъ покручивалъ свой хорошо пахнувшій усъ и съ любопытствомъ, выжидая, поглядывалъ на Ольгу.

Впервые онъ видѣлъ ее такой возбужденной и многословной. Она говорила быстро, перебивая себя, уйдя въ себя своими выпуклыми глазами.

Минутами онъ терялъ нить ея рѣчи и тогда думалъ о томъ, какая она интересная, поглядывалъ

съ безпокойствомъ на красную занавѣсь, за которой была его спальня, и раздражался, что она никакъ не можетъ кончить. Но все же это было лучше того, что могло бы быть съ другою. Онъ все болѣе успокаивался насчетъ своей свободы и безопасности.

— Съ такой далеко можно пойти, — повторялъ онъ себѣ.

Наконецъ, она кончила.

Онъ протянулъ ей руки съ дружескимъ жестомъ, какимъ хотятъ показать, что очень сочувствуютъ, очень понимаютъ человѣка.

Она совсѣмъ спокойно подошла къ нему, усталая, размягченная, почти примиренная съ неизбѣжнымъ. Она разлила кофе въ двѣ маленькія чашечки — себѣ и Ширвинскому, неумѣло справляясь съ обязанностями хозяйки, но видимо забавляясь ими.

— Я, кажется, слишкомъ расфилософствовалась, — сказала она, чуть улыбаясь — это мнѣ не пристало.

Окончательно успокоенный такимъ неожиданнымъ концомъ ея маленькой вспышки, всегда восторгающійся этими рѣзкими переходами въ настроеніи дѣвушки и вмѣстѣ съ тѣмъ ея всегдашнимъ умѣніемъ удержать себя отъ сентиментальности, свойственной женщинамъ въ ея положеніи, — Ширвинскій пришелъ въ великолѣпное настроеніе. Онъ сталъ шутить, смѣяться, разсказывать анекдоты. Онъ старался поддерживать въ Ольгѣ юмористическое отношеніе къ людямъ, къ ихъ чувствамъ, къ ихъ стремленіямъ.

Онъ прихлебывалъ маленькими глотками кофе и ликеръ, подливая Ольгѣ и того и другого съ дружеской усмѣшкой и шутками.

— Въ этомъ болотѣ намъ остается съ тобою только пить. Не находишь ли ты, что, лишь опьяняясь, можно постигать высокое?

Хорошо понявъ больное самолюбіе дѣвушки, переходящее иногда въ упрямство, онъ пользовался этимъ для своихъ цѣлей.

— А все-таки въ тебѣ осталось много отъ мѣщанства, мой другъ, — говорилъ онъ. — Ты часто останавливаешься на полдорогѣ и ни за что не пойдешь дальше. Твои мечты останутся мечтами, вѣдь, слишкомъ многое тебя пугаетъ. Нужно исчерпать всѣ возможности, чтобы сказать, какъ ты: «я ни на что не надѣюсь и ничего не найду».

— Я устала хотѣть, я не хочу хотѣть!

— Ты не можешь, а не не хочешь, — настаивалъ Ширвинскій.

Онъ все больше возбуждался. Что-то болѣе острое, чѣмъ вино, подымало въ немъ желанія.

Онъ прижималъ Ольгу къ себѣ, почти со злобой разрывая на ней ея платье.

Она смотрѣла на него съ удивленіемъ, почти испугомъ. Она не узнавала его, всегда разсудительнаго.

Но онъ заражалъ ее своимъ хмелемъ...

— Почему скрывать, зачѣмъ прятаться? — задыхаясь, бормоталъ онъ, — согласись, согласись...

Обнаженная, истерзанная, Ольга не знала, на что согласиться. Она теряла нить мыслей.

Какая-то жаркая волна безстыдства заливала ея душу.

Она цѣплялась за его плечи и съ остановившимися, ничего не видящими глазами спрашивала:

— Это ты? Это ты?

Точно не Ширвинскаго ловила она своимъ мутнымъ взглядомъ, а кого-то другого, который не могъ ей отвѣтить.

И когда, измученная, вздрагивающая, она стала приходить въ себя и сразу ввалившимися, затосковавшими глазами повела по комнатѣ, — ей показалось, что это бредъ, галлюцинація, — то, что она увидала, и, вскочивъ на колѣни, блѣдная, она за-

билась въ уголъ дивана, вытянувъ впередъ худыя руки.

Совсѣмъ близко отъ нея, тоже блѣдный, съ трясущимися губами и едва держась на ногахъ, такъ же, какъ она, протянувъ руки впередъ, стоялъ Вася.

Онъ, кажется, хотѣлъ говорить, но губы его шевелились, и ни одинъ звукъ не вылеталъ изъ его сдавленнаго горла.

Онъ только тянулся къ ней, а потомъ, упавъ на колѣни, жалкій, съ пѣной у рта, подползалъ къ дивану.

Ширвинскій, стоя поодаль, жадно смотрѣлъ на нихъ обоихъ.

Тогда Ольга встала. Она вытянулась во весь ростъ, сразу похолодѣвшая и непроницаемая, прошла мимо Васи, все еще стоявшаго на колѣняхъ, взяла разбросанныя свои вещи и все такъ же, не глядя ни на одного изъ мужчинъ, замершихъ на мѣстахъ, нагая, но совершенно спокойная, какъ будто никого не было въ комнатѣ, медленно прошла за красную занавѣсь и заперлась на ключъ.

Какъ дорого стоило ей это спокойствіе, какъ напрягала она свои нервы, чтобы они ей не измѣнили въ эти минуты, видно было по тому, какой она вышла недолго спустя изъ спальни — совсѣмъ одѣтая, все такъ же прямая, но съ ввалившимися щеками и скорбью обведенными бѣлыми губами.

Ширвинскій уже исчезъ. Одинъ Вася, уткнувшись головою въ диванъ, все такъ же на колѣняхъ беззвучно плакалъ.

Она прошла черезъ комнату, не останавливаясь. Когда же она была у дверей въ передней, она услышала подавленный стонъ.

Почти дѣтскій голосъ, сорванный и глухой, звалъ ее по имени.

Потомъ раздался сухой хлопокъ, точно лопнулъ воздухъ, и что-то тяжелое упало на полъ.

Ольга сознавала все. Она знала, что тамъ, за дверью, разыгралась послѣдняя сцена этой тяжелой комедіи, что Вася умеръ. Но она не повернулась обратно и не замедлила шага. Она чувствовала, что одно лишнее усиліе — и она упадетъ въ обморокъ.

У нея достало воли спуститься по лѣстницѣ, выйти на снѣжную темную улицу и сѣсть въ сани, и сейчасъ же крутящая сладкая тьма потянула ее въ оглушающій водоворотъ, и на время она перестала быть.

XXXI

Въ глухой часъ ночи, когда всѣ притомившіеся спали по своимъ комнатамъ и только бодрствовали часы — круглые столовые въ дубовомъ чехлѣ, бронзовые — въ гостиной, карманные черные у кровати Аркадія и маленькіе золотые въ спальнѣ Ксеніи Игнатьевны, тоже не находящей покоя, чувствующей приближеніе вѣчнаго сна и въ холодномъ ужасѣ отсчитывающей удары маятника, трепетно загадывающей, которая изъ минутъ на бѣломъ кругѣ часовъ будетъ ея послѣдней, — Ольга видѣла тяжкій необычный сонъ .

Ей снилось ,что она идетъ раннимъ утромъ вдоль узкой городской улицы. По сторонамъ высятся высокіе дома, сѣрые и однообразные, съ темными окнами, за которыми все замерзло.

Она идетъ медленно, но ей трудно дышать, потому что воздухъ насыщенъ гарью и копотью трубъ и виситъ вокругъ желтымъ, тусклымъ туманомъ.

На ней очень дорогое, но скромное синее платье, а голова не прикрыта и ноги въ тоненькихъ туфелькахъ, сквозь кторыя она чувствуетъ сырость асфальта,

И будто она только что возвращается со свиданія съ человѣкомъ, котораго не любитъ, но которому должна принадлежать, а впереди ее ждетъ новое свиданіе, но, кто тотъ другой, она не знаетъ. И вдругъ, неожиданно, какъ это всегда бываетъ во снѣ, въ концѣ улицы она видитъ стоящую и преграждающую ей путь икону Божіей Матери съ темнымъ и строгимъ ликомъ, но безъ Святого Младенца въ серебряныхъ почернѣвшихъ рукахъ и осіянную золотымъ вѣнчикомъ. Какъ держится икона эта посреди улицы — Ольга не видитъ, но она уже не помнитъ, куда шла раньше, а радуется, что нашла икону эту, которую будто бы давно искала.

Она идетъ къ ней и хочетъ помолиться, но на пути попадается ей человѣкъ, потомъ другой, третій, и всѣ они мѣшаютъ ей итти, говорятъ что-то, смѣются, указываютъ другія улицы и, обозленные ея упорствомъ, начинаютъ бросать въ нее каменьями.

И тутъ случается нѣчто такое, что даже во снѣ заставляетъ изумляться Ольгу и наполняетъ ея душу трепетомъ сопричастности чуду.

Обращенные на нее каменья не касаются ея тѣла, а со святотатственнымъ звономъ ударяются о серебряныя ризы Пречистой и, раздирая ихъ, впиваются въ ея святое изображеніе.

Но темный ликъ попрежнему строгъ, а лицо Ольги смертельно блѣднѣетъ, и, пораженная страхомъ, она бѣжитъ...

Стукъ же камней объ икону, отзываясь въ мозгу тупою болью, заставляетъ ее проснуться...

Аркадій въ бѣльѣ, со свѣчой въ дрожащей рукѣ стоялъ надъ сестрой.

Ей не нужно было спрашивать, — она уже знала, что случилось.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Какъ много ты въ немного дней
Прожить, прочувствовать успѣла,
Въ мятежномъ пламени страстей
Какъ страшно ты перегорѣла.
Раба томительной мечты,
Въ тоскѣ душевной пустоты
Чего еще душою хочешь?
Какъ Магдалина, плачешь ты
И, какъ русалка, ты хохочешь.

Баратынскій.

Poi quando l'alma fu rinnigorata,
Chiamava il cor gridando: or sé tu morto
Ch'io non ti santo nel tuo loco stare?
Respond a'l cor, chiavea poco di vita.
Sel, pellegrino e senza al un conforte.
Qu si seemande non potea parlare.
E disse: oh alma, aint mi a levare.

Lape Giama

I.

Джонъ Рескинъ обмолвился гдѣ-то неоспоримой истиной, — что вся задача воспитанія — заставить человѣка не только поступать хорошо, но и наслаждаться хорошимъ; не только работать, но и любить работу...

Ольга ясно чувствовала на себѣ недостатокъ такого именно воспитанія, и это приводило ее минутами въ отчаяніе.

Она не могла найти въ себѣ ничего, что бы тянуло ее къ труду, что бы заполняло ея мысли всецѣло, чтобы, отдавшись чему-либо, она чувствовала себя удовлетворенной. Горькой необходимостью, средствомъ къ жизни, (а жизнь и праздность были для нея синонимами) — вотъ чѣмъ былъ для нея всякій трудъ. Она сознавала, что въ этомъ ея несчастіе, но перевоспитать себя не могла. Ее оберегали отъ труда, пока трудъ не сталъ ей ненавистенъ.

Еще въ пятомъ, въ шестомъ классѣ Ольгу манило на сцену. Ей казалось, что это ея призваніе. Конечно, ни мать, ни отецъ не хотѣли и слушать объ этомъ.

Но тогда это было какое-то повѣтріе. Всѣ подруги Ольги видѣли себя въ своихъ снахъ актрисами. Немногія изъ нихъ считали путь сцены тяжелымъ, полнымъ труда призваніемъ, скорѣе онъ казался имъ бездѣльемъ, которое щедро оплачивается успѣхомъ.

Въ актерахъ, мѣняющихъ каждый день свою личину и квартиру, видѣли олицетвореніе измѣнчиваго счастья, которое такъ плѣняетъ молодость.

И это желаніе быть чѣмъ-нибудь въ жизни, проявить себя, принести кое-что изъ своего, но самымъ легкимъ и, казалось, самымъ блестящимъ путемъ, толкало многихъ на сцену.

Ольга мечтала быть актрисой, но увлеченіе это скоро прошло. Она быстро умѣла находить смѣшную сторону всякаго увлеченія, и потомъ одно дѣло — мечтать, другое дѣло — достигнуть желаемаго.

И единственная цѣль, слабо намѣчавшаяся въ жизни Ольги, разсѣялась, замѣнившись неопредѣленной тоской, смутными надеждами и порой старческимъ разочарованіемъ. Что ждало ее впереди? Она не знала, но отчаяніе еще не овладѣвало ею, и она цѣплялась за жизнь, потому что чувствовала въ себѣ достаточно силъ для борьбы.

Уже второй мѣсяцъ близился къ концу съ тѣхъ поръ, какъ Ольга уѣхала изъ своего родного города въ Петроградъ.

Она бѣжала оттуда, какъ бѣгутъ отъ зачумленнаго, какъ въ тяжкіе дни люди бѣгутъ отъ самихъ себя.

Мать умерла, съ нею умерло все чистое. Ольга даже не плакала надъ ея прахомъ.

Мать должна была умереть, послѣ всего того, что было ею пережито, послѣ того, что она почувствовала себя ненужной, безпомощной, одинокой. Все должно было рушиться, и навсегда.

Почему она не заболѣла, почему не умерла сама, — Ольга не знала. Нѣтъ, она даже держала выпускные экзамены и присутствовала съ другими на торжественномъ актѣ. Ее поздравляли съ окончаніемъ, и она принимала поздравленія съ тихой улыбкой, безъ излишней восторженности, какъ и подобаетъ дочери, вѣрной памяти своей матери.

Ей шелъ трауръ — этотъ черный густой крепъ, надъ которымъ должны струиться нѣмыя слезы. Она знала, что она хороша — поблѣднѣвшая и вытянувшаяся; она ясно это сознавала и чувствовала на себѣ, какъ и раньше, долгіе взгляды мужчинъ; она замѣчала все, что происходило вокругъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ душа ея точно умерла или, нѣтъ, рвалась куда-то, витала въ невѣдомыхъ странахъ и не возвращалась. И такъ она могла бы долго жить, гдѣ жила, съ людьми, ей одновременно близкими и чужими, потому что ей было все равно. Ей казалось, что путь ея жизни конченъ и теперь все дальнѣйшее неважно, незначительно и вовсе ея не касается.

Ширвинскій уѣхалъ и не пріѣзжалъ больше. Ольга получила отъ него однажды письмо, но, не прочитавъ, разорвала. Ей была противна бумага, на которой было написано это письмо, и она долго послѣ мыла руки; человѣкъ же, писавшій ей, казался далекимъ, почти незнакомымъ.

Иногда только она освобождалась отъ своего сна наяву, когда случайно ей на память приходило лицо Васи. Она о немъ не думала, но бывали мгновенія, когда какое-нибудь незначительное слово или скользнувшій по полу лучъ солнца вызывали передъ ней его образъ, и тогда Ольга начинала ощущать въ себѣ душу, которая ныла и болѣла. Въ такія минуты она вновь оживала для новыхъ страданій.

Никто больше не вызывалъ ее къ жизни. Ни отецъ, обрюзгшій и постарѣвшій, ни братъ, ни подруги. У нея не было словъ для нихъ, она просто не находила, о чемъ она могла бы говорить съ ними. Маня, Варя, Лена, Раиса.... Маню уже бросилъ Жоржикъ, она плакала и разсказывала всѣмъ о своемъ горѣ, потомъ такъ же беззавѣтно и слѣпо полюбила другого, такъ же попрежнему смѣялась и душилась Ольгинымъ одеколономъ, а Варя мечтала о

материнствѣ, но изъ боязни потерять любовь Аркадія дѣлала все, что онъ хотѣлъ.

Боже мой, до чего все это было знакомо Ольгѣ, и какъ ясно она видѣла будущее этихъ людей. Передъ ней вся жизнь ихъ проходила, какъ на экранѣ, потому что она уже не жила съ ними, не раздѣляла ихъ интересовъ, не имѣла своей жизни.

Не разъ Ольга брала револьверъ брата и прикладывала его къ виску, желая почувствовать страхъ передъ смертью, тотъ жуткій трепетъ, который невольно испытываетъ каждый человѣкъ, хотя бы онъ былъ связанъ съ жизнью однимъ лишь страданіемъ.

Но страхъ не приходилъ, смутно шевелилось любопытство: а что будетъ дальше? и снова думалось: не все ли равно — жить или не жить. И Ольга откладывала спокойно револьверъ, потому что застрѣлиться можно только тогда, когда очень любишь или очень ненавидишь жизнь.

Что она дѣлала цѣлыми днями? Да ничего... ходила, смотрѣла, слушала... и ни о чемъ не думала. Со стороны она казалась равнодушнымъ, безмятежно лѣнивымъ человѣкомъ.

Подруги не узнавали ея, отецъ бранилъ за безделье и безпорядки въ домѣ. Находили, что она опустилась, поглупѣла... Да не все ли равно? Такъ тянулись часы, дни, недѣли...

И вотъ она снова проснулась, проснулась совсѣмъ, широко открыла глаза, испугалась, затосковала, сдѣлала невѣроятное усиліе — и вернулась къ жизни.

Это случилось съ нею въ одинъ ясный лѣтній вечеръ, въ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда невольно хочется уйти въ разлитую вокругъ тишину и запахи, совсѣмъ забыть себя, свои мысли, хочется раствориться въ этихъ синихъ, зеленыхъ, оранжевыхъ краскахъ заката.

Ольга ѣхала на велосипедѣ, ѣхала долго, устала и прилегла на откосѣ желѣзнодорожной насыпи.

Городъ былъ далеко, шумъ его не доносился въ тишь полей, и не видать было людей вокругъ. Только пространства съ волнующейся рожью, да веселые перелѣски, да пыльный шляхъ, вьющійся вдоль полотна дороги.

Ольга лежала въ травѣ, лицомъ въ небо, закинувъ за голову руки, по обыкновенію ни о чемъ не думала, прислушивалась къ стрекоту кузнечиковъ, техканью перепеловъ, неумолчному гулу телеграфныхъ проводовъ.

Минуты текли за минутами, и уплывали съ ними бѣлыя пухлыя облака въ небѣ, чтобы, уйдя къ закату, вспыхнуть алымъ румянцемъ и растаять.

Ольга могла здѣсь отдаться ненарушимому бездумью и не казалась себѣ столь одинокой, какъ тамъ — съ людьми.

Вечернія тѣни ползли къ ней, подымались по откосу, вытягивались поперекъ рельсовъ и тамъ сливались другъ съ другомъ.

И вотъ что-то загудѣло вдали, дрогнула насыпь. Ольга подняла голову. Гулъ приближался: шелъ еще невидный за поворотомъ поѣздъ. Тогда Ольга взобралась на самый верхъ откоса и стала ждать.

Она любила, стоя на рельсахъ, смотрѣть на надвигающагося желѣзнаго звѣря.

Показались два желтыхъ глаза. Гулъ перешелъ въ равномѣрный стукъ, повторяемый эхомъ.

Ольга гадала, до какой поры она устоитъ на рельсахъ.

Улыбка набѣжала на лицо, грудь подымалась выше, вѣтеръ относилъ въ сторону конецъ юбки и развѣвалъ, какъ знамя, голубыя крылья шарфа. Вспомнилась Анна Каренина, ея лицо, такое почему-то милое и знакомое; почти завистливое чувство проснулось къ ней.

Наконецъ, ноги сами дрогнули не устояли и отнесли торопливо къ краю откоса. Паровозъ ухнулъ и обдалъ паромъ — это было одно мгновеніе; потомъ замелькали вагоны — просвѣтъ, темное пятно и опять просвѣтъ...

Въ открытыя окна высовывались головы, кивали Ольгѣ, махали платками невидныя руки. Безусый студентъ, стоя на уносящейся впереди площадкѣ, посылалъ воздушные поцѣлуи.

Потомъ промелькнулъ послѣдній вагонъ съ бородатымъ кондукторомъ, и засинѣлъ напротивъ знакомый перелѣсокъ.

Но Ольга стояла съ сильно бьющимся сердцемъ, съ глазами, полными слезъ. Она хотѣла кричать отъ боли, отъ ужаса, отъ тоски.

Передъ ней мелькнулъ и исчезъ, какъ тогда, далекій образъ того невѣдомаго, дорогого и близкаго. Его темные глаза смотрѣли на нее. Да гдѣ же онъ, наконецъ, ея свѣтлый богъ, ея любовь?... Какъ неизмѣримо далеко былъ онъ теперь отъ нея.

Вотъ когда ей захотѣлось умереть, уйти, исчезнуть изъ этого міра. Вотъ когда она ненавидѣла жизнь и любила ее, быть можетъ, больше, чѣмъ когда-нибудь раньше.

II

Ранней осенью она уѣхала въ Петроградъ, потому что больше не могла оставаться здѣсь, не могла видѣть этихъ кривыхъ улицъ, облѣзлые дома, вокзалъ, гимназистокъ и гимназистовъ съ ихъ вѣчно однообразной любовной канителью; не могла безъ отвращенія касаться тѣхъ вещей, которыя окружали ее раньше, говорить съ людьми когда-то близкими. Какъ только въ ней проснулась жизнь, она напрягла всѣ усилія, чтобы стряхнуть съ себя прошлое, со всѣхъ сторонъ липнущее къ ней въ

этомъ городѣ — въ воспоминаніяхъ подругъ, въ музыкѣ на бульварѣ, въ каждой мелочи постепенно разваливающагося ея семейнаго очага.

Мать умерла, но комната ея осталась какъ была, покрытая пылью и не прибранная; братъ уѣхалъ, но брошенная на столѣ трубка, трепаная книжка романа, пара сапогъ, печально прислоненная къ углу — все еще живо говорило о немъ. Комнатъ недѣлями не выметали; старикъ Оргъ часто не ночевалъ дома.

Ольга даже не знала, тоскуетъ ли отецъ. Они ни разу послѣ смерти Ксеніи Игнатьевны не говорили о ней. Только разъ какъ-то, проходя мимо дочери, Виталій Августовичъ бросилъ:

— Ты бы посмотрѣла, что осталось послѣ матери, а то вѣдь растащатъ, подлыя. . .

Ольга знала навѣрное, что старикъ сильно играетъ и проигрываетъ, потому что сталъ скупъ на хозяйственные расходы и всегда по вечерамъ бранился съ кухаркой изъ-за счетовъ.

Такъ все и шло вразвалку.

Тогда Ольга рѣшила уѣхать въ Петроградъ. Она уже нашла себѣ попутчицу — Раису, которая, собравъ кое-какія крохи и заручившись двадцатипятирублевой ежемѣсячной помощью родителей, собралась поступить въ консерваторію. Остановка была за согласіемъ отца, потому что надо же было на что-нибудь жить.

Но желаніе Ольги на этотъ разъ было такъ сильно, что ничто не могло остановить ея. Она стала энергичной и настойчивой.

Сначала отецъ и слушать не хотѣлъ, но потомъ представился удобный случай.

Ольга воспользовалась имъ, не задумавшись, хотя раньше никогда не пошла бы на такой компромиссъ. А дѣло очень щекотливое.

У Виталія Августовича, Ольга знала это и раньше, завелась еще задолго до смерти Ксеніи Игнатьевны довольно прочная связь съ одной мѣщаночкой. Женщина эта была красивая, здоровая, настоящая бой-баба и, кажется, держала старика крѣпко, потому что, хотя тотъ и пошаливалъ на сторонѣ, но все же никогда не порывалъ съ нею. Вотъ эту-то женщину Ольга и видала теперь все чаще и чаще въ ихъ домѣ.

Равнодушная ко всему, Ольга и на нее не обращала вниманія. Какъ-то даже спросила ее о чемъ-то, когда та подвернулась ей. Женщина (звали ее Клеопатрой Ивановной) кланялась Ольгѣ очень учтиво и видимо старалась понравиться барышнѣ.

Конечно, она не жила въ домѣ, а такъ только заходила, но по всему видно было, что недалеко и до ея окончательнаго переселенія. Побаивались только Ольги.

Такъ бы оно потихонечку и устроилось, но пришелъ памятный вечеръ, ожила Ольга и стала бороться за жизнь, за свое счастье. Нельзя было ничѣмъ пренебрегать. Она пошла къ отцу и сказала:

— Завтра же ты мнѣ дашь деньги на дорогу и будешь ежемѣсячно присылать мнѣ по пятьдесятъ рублей, а самъ можешь устраиваться, какъ хочешь.

Старикъ сначала притворился непонимающимъ, даже обиженнымъ, но Ольга сразу открыла ему всѣ карты. Она знала, на чемъ играетъ.

— Молчи, папа. Ты прекрасно понимаешь, въ чемъ дѣло. Меня ты отпустишь въ Петроградъ, а себѣ оставишь Клеопатру Ивановну. Тебѣ же это лучше. Иначе ея нога здѣсь не будетъ — слышишь?

Виталій Августовичъ пробовалъ возмутиться.

— Кажется, здѣсь я хозяинъ! Прошу не учить меня и не разсуждать.

Тогда Ольга подошла къ отцу, положила ему на плечо руку и посмотрѣла въ глаза.

Старикъ съежился. Онъ зналъ по опыту, что съ дочерью не такъ-то легко бороться — она всегда дѣлала, что хотѣла, и не остановится передъ скандаломъ. Кромѣ того, онъ чувствовалъ себя за послѣднее время очень слабымъ, очень разбитымъ: онъ смутно сознавалъ, что все идетъ прахомъ и что близится одинокая дряхлая старость; что дѣти уйдутъ отъ него, не любятъ его, что онъ былъ плохимъ отцомъ и ему не ждать отъ нихъ прощенія и участія. Эти мысли заставляли его все крѣпче цѣпляться за Клеопатру Ивановну, женщину расчетливую, хозяйственную, за спиной которой онъ зналъ, что найдетъ если не счастье, то хоть спокойствіе и заботу о себѣ. Дѣти стали ему чужими, непонятными, враждебными; онъ чувствовалъ на себѣ ихъ насмѣшливый взглядъ и боялся ихъ. Вся его жизнь казалась ему какой-то больной, вывихнутой, несуразной, и подъ старость ему захотѣлось пригрѣться у здороваго тѣла. Жена никогда не давала ему этого ощущенія здоровья и крѣпости. Оба изломанные, они пытали другъ друга, и въ дни любви, и въ годы равнодушія. Сынъ мелкаго арендатора, пробравшійся въ университетъ, а оттуда въ судебную бюрократическую среду, женившійся на дѣвушкѣ изъ барской семьи — онъ какъ-то незамѣтно для себя свернулъ съ прямого пути и запутался. Его инстинкты были грубы, просты, незамысловаты, но, сталкиваясь каждый разъ съ болѣе тонкими переживаніями, они принимали еще болѣе отталкивающія, болѣзненныя формы, потому что не могли выливаться такъ, какъ хотѣли. Онъ былъ все время въ положеніи человѣка, привыкшаго къ водкѣ, но въ силу обстоятельствъ опьяняющагося шампанскимъ. Клеопатра Ивановна стала ему необходимой, — онъ зналъ, что безъ нея онъ оконча-

тельно пропадетъ, потому что уже не хватало воли сдерживать свои инстинкты.

Ольга все это учла если не умомъ, то чутьемъ женщины и не ошиблась въ расчетѣ.

Старикъ уступилъ и согласился на все, съ оговоркой только, что помогать будетъ по мѣрѣ возможности. Но Ольгѣ было не до того, чтобы торговаться, она радовалась и этому.

III.

Первые дни въ Петроградѣ какъ-то такъ ужъ очень незамѣтно прошли. То туда, то сюда. Никакихъ достопримѣчательностей не ходили смотрѣть, а такъ просто бродили по городу, обѣ чужія, обѣ любопытныя. Оглушилъ шумъ, трескъ, спѣшная безтолочь занятаго и празднаго люда, прельстили магазинныя витрины, но самъ городъ разочаровалъ на первыхъ порахъ; представлялось все это гораздо роскошнѣе, величественнѣе, а главное, не такъ грязно. Только постепенно, день за днемъ открывалъ Петроградъ Ольгѣ все новыя и новыя чары свои, а впослѣдствіи, она такъ полюбила этотъ зябкій туманный городъ, что и представить себѣ не могла иной жизни, какъ въ немъ. Ужъ есть что-то такое въ болотной призрачности его, что затягиваетъ, какъ тяжкая сладкая болѣзнь, и не пускаетъ, пока не высосетъ послѣднюю каплю живой крови.

Комнату подруги побѣжали искать утромъ прямо съ вокзала, оставивъ тамъ вещи, чтобы не платить зря за гостиничный номеръ, и, набѣгавшись до вечера, нашли, наконецъ, себѣ пристанище на Петроградской сторонѣ — не то гдѣ-то на Газовой, не то на Ординарной улицѣ.

Комната имъ очень понравилась, понравилась и хозяйка, которая, оглядѣвъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ, сразу признала въ нихъ провинціалокъ,

но не воспользовалась этимъ, а назначила цѣну умѣренную. Обстановка комнаты показалась такой нарядной, что обѣ подруги захлопали въ ладоши, а Раиса, раньше чѣмъ уйти, посидѣла по очереди на всѣхъ стульяхъ, обитыхъ оливковой клеенкой «подъ кожу», и посмотрѣлась во всѣ три зеркала, развѣшенныя по стѣнамъ рядомъ съ разными олеографіями и рисуночками, какъ оказалось впослѣдствіи, работы умершаго сына хозяйки.

Похваливъ и размѣръ комнаты, и кабинетную мебель средней руки, и картинки умершаго юноши, воскликнувъ нѣсколько разъ безъ всякой дипломатичности: «ахъ, какъ дешево!» Ольга и Раиса сейчасъ же проѣхались за вещами на вокзалъ и въ десять часовъ вечера уже сидѣли у хозяйки своей за кухоннымъ столомъ и пили съ нею вмѣстѣ, въ видѣ угощенія съ ея стороны, кофе съ цикоріемъ, подкрашенный синеватымъ молокомъ.

Хозяйка, женщина рыхлая, бѣлотѣлая, но безъ румянца на круглыхъ щекахъ и тяжелая на ходу, сразу же отобрала отъ новыхъ жиличекъ своихъ паспорта, толково и обстоятельно разспросила ихъ, кто онѣ и откуда, что думаютъ дѣлать и нѣтъ ли знакомыхъ кавалеровъ, а потомъ и сама почла нужнымъ разсказать кое-что о себѣ.

Указавъ напослѣдокъ дешевую кухмистерскую, надававъ тьму всяческихъ совѣтовъ, она, наконецъ, широко зѣвнула, перекрестила ротъ и погнала новыхъ пріятельницъ своихъ спать.

Такъ, казалось бы, счастливо началась новая жизнь Ольги въ Петроградѣ.

При неумѣніи Ольги разсчитывать, ей казалось, что денегъ у нея слишкомъ даже достаточно и хватитъ надолго. А потому она не очень стѣснялась въ средствахъ и почти не думала о томъ, что надо же найти себѣ какое-нибудь занятіе. Объ этомъ она только вспоминала по вечерамъ, ложась спать, а на утро забывала, увлеченная бѣготной по городу и

тѣмъ, что, наконецъ, она свободна и все вокругъ нея совершенно новое.

Раиса тоже пока была свободна, потому что занятія въ консерваторіи еще не начались, но, пріученная сызмальства стѣснять себя во всемъ, она болѣе чѣмъ скромную получку свою берегла, а потому всѣ расходы по развлеченіямъ и лакомствамъ брала на себя Ольга. Какъ-то сами уплывали деньги по мелочамъ и, видя, какъ тощаетъ кошелекъ, Ольга утѣшала себя тѣмъ, что современемъ она научится быть экономной.

Чаще всего, утомившись дневной бѣготней (а онѣ за недѣлю уже знали весь Петроградъ) и наскучивъ сидѣть дома, дѣвушки отправлялись въ кинематографъ, гдѣ игралъ на скрипкѣ мужъ ихъ хозяйки и гдѣ имъ по знакомству выдали абонементные билеты съ большой скидкой. Народный Домъ былъ для нихъ уже дорогимъ удовольствіемъ, а о Маріинкѣ онѣ только мечтали, съ трепетомъ ожидая дня, когда пріѣдетъ въ Петроградъ двоюродный братъ Раисы, студентъ перваго курса и пойдетъ дежурить у кассы.

Дешевое же удовольствіе — кинематографъ вышелъ вскорѣ тоже недешевымъ, потому что привычка просиживать вечеромъ часа два передъ экраномъ вскорѣ перешла въ какой-то запой, — прямо уже и не сидѣлось дома, казалось что не хватаетъ чего-то, когда не было этого непрестаннаго мельканія передъ глазами.

Даже хозяйка начала удивляться, а подъ конецъ не на шутку приревновала къ мужу. Она въ простотѣ своего любящаго сердца думала, что можетъ и другимъ еще нравиться ея маленькій, щупленькій, лысенькій старикашка.

А Ольга и Раиса, сразу понявъ, въ чемъ дѣло, нѣтъ-нѣтъ да и заговаривали съ бѣднымъ, смѣялись нарочно очень громко, когда онъ что-нибудь говорилъ имъ, и смущенно прятались у себя, когда

выходила обезпокоенная хозяйка. Имъ было любо слышать потомъ за стѣной у себя, какъ отчитывала ни въ чемъ неповиннаго мужа любящая жена.

Ложились спать онѣ усталыми, разсказывали что-нибудь другъ другу и незамѣтно засыпали.

Ольга никогда не чувствовала себя такой бодрой и спокойной, какъ въ эти дни, а между тѣмъ за порогомъ ее стерегли и безденежье и новыя страданія.

IV.

Наконецъ, пріѣхалъ долгожданный студентъ Сережа, двоюродный братъ Раисы. Пріѣздъ его былъ тѣмъ болѣе кстати, что къ тому времени деньги у Ольги всѣ повышли; до новой получки было еще далеко (она вѣдь могла и совсѣмъ не прійти — плоха надежда на отца), а Раиса изъ своихъ пятидесяти копеекъ хоть и дѣлилась коечѣмъ съ подругой, да вѣдь на нихъ сытыми не быть. Дѣвушки похудѣли, поблѣднѣли, но не сдавались.

Заглянулъ Сережа къ подругамъ вечеромъ, невзначай, хотя давно его ждали, привезъ коробъ поклоновъ, а главное — цѣлый узелокъ всякой всячины отъ заботливой Раисиной матушки. Кромѣ того писала она, что отецъ скоро соберется и пришлетъ на шубу, а пока она посылаетъ дочери на «піанино» десять рублей изъ хозяйственныхъ денегъ тайкомъ.

Ольга радовалась, пожалуй, не меньше Раисы — завистливой она никогда не была, а голодъ дѣлалъ свое дѣло, и некогда было раздумывать, когда на столѣ лежало столько соблазнительныхъ вещей.

Раиса сейчасъ же побѣжала заказывать самоваръ, а Ольга начала прибирать столъ.

Сережа сидѣлъ молча, глядя на Ольгу, и курилъ папиросы одну за другой. Онъ то стѣснялся,

чувствуя себя еще мальчикомъ, то вспоминалъ, должно быть, что уже на немъ студенческая тужурка поверхъ синей рубахи, и старался быть развязнымъ. Развязность ему плохо давалась, потому что по природѣ онъ былъ славный, скромный юноша, и все, чѣмъ онъ могъ показать свою развязность, заключалось въ преувеличенно частомъ куреніи и въ закидываніи ноги за ногу. Когда же Ольга взглядывала на него, такъ мгновенно щеки его покрывались яркимъ румянцемъ, и онъ конфузливо начиналъ пощипывать чуть пробивающійся усъ.

Ольгу Сережа почти не зналъ раньше, хотя и жилъ съ нею въ одномъ городѣ, учился въ одной гимназіи съ Васей и былъ родственникомъ Раисы.

Дѣло въ томъ, что Сережа принадлежалъ къ той тѣсной и замкнутой группѣ въ гимназіи, которая, преслѣдуя очень высокія и благія цѣли, весьма подозрительно относилась къ постороннимъ, не входящимъ въ ихъ среду людямъ. Съ ними не знакомились и не заводили никакихъ разговоровъ, если случайно раньше были знакомы съ ними, просто игнорировали ихъ.

Ольга оказалась въ числѣ тѣхъ, которые если и задумывались надъ чѣмъ-нибудь, то, не понуждаемые нуждою, проходили мимо, среди тѣхъ, у которыхъ было больше врожденнаго скептицизма, чѣмъ вѣры.

Все это и сдѣлало то, что Сережа называлъ «принципіальными разногласіями», но что въ сущности было различіемъ интересовъ, просто оба шли разными дорогами, и ничто другое не могло имъ помѣшать когда-нибудь столковаться и понять другъ друга.

Впервые здѣсь въ Петроградѣ пришлось имъ встрѣтиться и подольше поговорить.

Необычность обстановки, въ которой сейчасъ находилась Ольга, удивила Сережу, потому что онъ

все же зналъ положеніе старика Оргъ и даже, какъ водится, преувеличивалъ ихъ благосостояніе.

Ольгу всегда интересовали новыя лица, а Сережа сразу же понравился ей тѣмъ, что хотя и смущался, но смотрѣлъ на нее просто, безъ всякой попытки ухаживать, чего она не замѣчала въ окружавшихъ ее дотолѣ мужчинахъ.

Голодъ сблизилъ ихъ еще больше.

Студентъ хотя и увѣрялъ, что плотно закусилъ во дорогѣ, но, пожавшись немного, ничуть не отставалъ отъ изголодавшихся подругъ, и вскорѣ мало что осталось отъ увѣсистой посылки старухи Андрушкевичъ.

Разстались Ольга и Сережа настоящими друзьями..

Студентъ крѣпко жалъ Ольгѣ руку и, широко улыбаясь, говорилъ:

— Я очень радъ нашему знакомству. Вы далеко не такая, какой мнѣ казались. Вы все-таки можете стать настоящимъ человѣкомъ.

А Ольга весело кивала ему головой, и совсѣмъ ужъ не такими смѣшными казались ей его слова.

V.

Ночью спокойное, радостное, почти счастливое настроеніе Ольги смѣнилось глухой, непонятной тоской, близкой къ отчаянію. Случилось это какъ-то вдругъ и было похоже на внезапный приступъ тяжелой болѣзни.

Сразу стало очень страшно, точно увидала что-то неотвратимое впереди, впервые увидала ясно, куда привела ее жизнь и куда ведетъ дальше. Почувствовала свое безсиліе и невозможность бороться. Не осталось никакихъ надеждъ, никакой вѣры. Вспомнила мать... Не хотѣла вспоминать, а вспомнила и думала о ней. Хотѣла себя успокоить:

«это, должно быть, посылка такъ меня разстроила, вѣдь была бы жива мама, прислала бы и мнѣ»... но тоска не уходила.

Вспомнила, какъ бывало мать смотрѣла ей въ глаза и все выпытывала что-то, точно спрашивала: «скажи, скажи мнѣ, кто ты?» Какъ лежала она уже мертвая на кровати, и худыя руки ненужно кинуты были поверхъ одѣяла.

Какъ уже долго послѣ похоронъ, передъ самымъ своимъ отъѣздомъ въ Петроградъ, пошла Ольга въ комнату матери и стала разбирать ея вещи.

Это было самое страшное. Точно вновь узнавала она свою мать, и совсѣмъ другой оживала та передъ ней. Вспомнила, какъ въ комодѣ увидала она на первый взглядъ ненужные флаконы отъ духовъ и чьи-то локоны (должно быть, дѣтскіе), перевитые ленточкой, и засушенные цвѣты, и альбомы со стихами, вписанными рукой матери, и пожелтѣвшія письма съ подписью подъ ними «Витя», и многое другое. Какъ думала при этомъ: «вотъ эти духи мама любила больше — отъ нея всегда ими пахло, а зовутъ ихъ такъ сентиментально — «fleurs d'amour». Вотъ сушила она цвѣты, когда была барышней и переписывала Фета. Вотъ полюбила своего Витю, скромнаго репетитора, и по ночамъ, должно быть, читала и перечитывала его письма, потому что они очень помяты, очень пожелтѣли. Потомъ она стала матерью и собирала волосы, молочные зубки Аркашеньки и Оленьки. Болѣла сама и няньчилась съ больными дѣтьми — цѣлая батарея бутылочекъ съ цвѣтными ярлыками, полныя коробки рецептовъ...

Впервые тогда Ольга внимательно вглядѣлась въ жизнь матери, какъ въ жизнь посторонняго ей человѣка, и стало страшно. Такъ вотъ она какая была... Для чего же она душилась «fleurs d'amour'омъ», любила своего Витю и рожала дѣтей... Съ дѣтства готовилась, ждала, все устраивала,

опять ждала и опять устраивала и такъ и не устроилась, и не дождалась.

Вспомнила тогда Ольга, какъ, перебираясь на новую квартиру, мать всегда говорила: «ну, вотъ теперь, наконецъ, окончательно и хорошо устроимся», — а потомъ снова переѣзжали на другую и опять то же самое...

Она собирала цвѣты и прятала пустые флаконы отъ духовъ, а послѣ ея смерти ихъ выкинутъ въ помойную яму... И это ещё не такъ страшно, а страшно то, что у каждаго есть это любимое и дорогое, ради котораго приносится столько жертвъ, часто разбивается жизнь, а другой только улыбнется и скажетъ: «пустяки», — такъ спокойно о цѣлой жизни человѣка скажетъ «пустяки», и будетъ правъ.

Нужно вѣрить, ну да, конечно, нужно вѣрить. Тогда можно собирать бутылки, тряпочки, дѣтскіе зубы и чувствовать себя правой, радоваться тому, что вотъ еще немного, и будетъ же достигнута цѣль, можно же будетъ устроиться и начать жизнь, какъ захочется (а то все кажется, что подготовляешься къ жизни, но еще не живешь, что вотъ-вотъ, выростешь большой, созрѣешь, старость придетъ, и тогда ужъ это настанетъ — жатва, собираніе плодовъ, удовлетвореніе...). Такъ оно, это золотое время ,и не приходитъ, конечно, не все же полны были дни заботъ и надежды — была цѣль, сбереженная вѣрой.

Ну, а во что вѣрить? Этому учатъ съ дѣтства — въ Боженьку, въ папу, въ маму, въ то, что есть на землѣ правда и что нужно быть честной, и тогда станешь счастливой, всѣми любимой. Потомъ уже сами себѣ придумываютъ, вотъ какъ этотъ только что ушедшій славный студентъ Сережа...

И это нужно, это не смѣшно, — только какъ этому научиться? Прежняя дѣтская вѣра стала

давно ужъ красивымъ воспоминаніемъ — сіяніе лампадъ и молитвы-пѣсни, и святые папа съ мамой. Все это осталось гдѣ-то глубоко въ душѣ, какъ солнечный день, давно уже угасшій, попрежнему милый, быть можетъ, даже больше, но ненужный для будущаго.

Чужая вѣра не манила, не убѣждала, а своя...

Ширвинскій, Вася — паденіе и грѣхъ, — вотъ что дала ей жизнь взамѣнъ ея мечты. Ахъ, почему у нея такъ слаба вѣра, почему вотъ этого своего не дала ей мать, своего, самаго нужнаго и дорогого, что спасло ее отъ отчаянія, — не дала ей крѣпкой вѣры, такъ, чтобы всегда разочаровываться и всегда вѣрить. Нѣтъ, она не могла такъ...

И, глядя широко открытыми глазами въ душную тьму спящей комнаты, Ольга качала головою и горько думала, что, если бы ей сказали: «вотъ онъ, котораго ты ждала, о комъ мечтала, — вотъ твой свѣтлый богъ», — она не дерзнула бы подойти къ нему, сказать ему о своей любви, потому что боялась бы послѣдняго разочарованія, послѣ котораго ей не нужна была бы жизнь.

Такъ, сметая съ пути своей жизни все свѣтлое, безпощадно и холодно разсѣивая всѣ надежды, за которыя хваталось измученное сердце, Ольга сидѣла на измятой кровати рядомъ со спящей подругой до самаго тусклаго петроградскаго утра.

VI.

Деньги отъ отца пришли, но съ лаконической припиской, что онѣ послѣднія, чтобы Ольга ни на что не разсчитывала, если не хочетъ вернуться домой, потому что жизнь въ Петроградѣ одинъ развратъ, и отецъ этого допустить не можетъ.

Купонъ, на которомъ это было написано Ольга разорвала, а съ деньгами рѣшила быть экономнѣе.

Рѣшеніе ея остаться въ Петроградѣ и, если можно, никогда больше не уѣзжать отсюда, окрѣпло и созрѣло въ ней до полной увѣренности въ невозможности поступить иначе .

И Ольга начала бѣгать по объявленіямъ. Сережа сталъ помогать ей. Онъ въ простотѣ души думалъ, что она такъ только хотѣла заняться дѣломъ, «чтобы не коптить неба», ему и въ голову не приходило, что она нуждается.

Мѣсто, наконецъ, подвернулось.

Случайно разговорившись въ университетѣ съ однимъ дотолѣ мало знакомымъ студентомъ — Скарынинымъ, Сергѣй узналъ, что сестрѣ студента нужна барышня — не то бонна, не то гувернантка къ ея двумъ дѣтямъ. Сестра этого студента артистка и не можетъ какъ то должно было бы, присмотрѣть за малышами. Предпочтительна была бы русская дѣвушка изъ хорошей семьи. Сережа тутъ же назвалъ Ольгу и на радостяхъ, не желая откладывать дѣла въ долгій ящикъ, потащилъ своего новаго пріятеля къ нашимъ подругамъ.

Застали они ихъ однѣхъ дома и въ хорошемъ расположеніи духа. Раисѣ удалось раздобыть гдѣ-то сильно подержанный рояль на прокатъ за пять рублей въ мѣсяцъ, и теперь онѣ вдвоемъ чистили и настраивали его.

Сережа передалъ Ольгѣ, въ чемъ дѣло.

— Такъ вамъ нужна воспитательница къ дѣтямъ вашей сестры? — совсѣмъ серьезно переспросила Ольга, глядя на нѣсколько смущеннаго Скарынина.

— Да, собственно такъ...

Онъ хотѣлъ еще что-то добавить, но умолкъ. Нервное лицо его все время мѣняло выраженіе.

Тогда, обернувшись къ Сергѣю, Ольга дурашливо покачала головой.

— Ай-ай, Сережа, и вамъ не стыдно?

— То-есть, какъ это?

— Да очень просто! Развѣ можно меня рекомендовать вашему товарищу, какъ воспитательницу...

Она не выдержала и разсмѣялась. Раиса послѣдовала за ней.

Студенты недоумѣвали. Сережа взъерошилъ свои волосы и развелъ руками. Скарынинъ, чуть пожимая плечомъ, поднялся съ мѣста, готовый раскланяться.

Но Ольга удержала его.

— Подождите, не уходите. Почему бы вамъ не остаться нашимъ гостемъ. Этотъ Сережа — я его люблю, но онъ всегда все напутаетъ. Садитесь же и поговоримъ.

Скарынинъ покорно усѣлся. Легкая улыбка дрогнула на его губахъ и мгновенно исчезла.

Онъ былъ гладко подстриженъ, высокъ ростомъ, опрятно одѣтъ. Его нельзя было бы назвать красивымъ, но глаза его были сѣры и внимательны, носъ мягокъ, но прямъ, губы слегка припухлы, но по-дѣтски невинны. Онъ былъ простъ и естественъ, но все существо его точно жило какой-то ускоренной, порывистой жизнью, и поэтому казалось иногда, что онъ смущается и дѣлаетъ непроизвольныя движенія, несоотвѣтствующія смыслу его словъ.

Ольга улыбалась, глядя на него.

— Ну вотъ, теперь поговоримте. Начать съ того, что я вообще ненавижу всякій трудъ, т.-е. просто не понимаю, какъ его можно исполнять безъ отвращенія. Это плохо, это гадко, быть можетъ, (не правда ли, Сережа?) но это такъ. Работать нужно, вѣрнѣе зарабатывать, — съ этимъ ничего не подѣлаешь. Но какая же я воспитательница?

Ольга опять засмѣялась, но на этотъ разъ какъ-то тише, и вопросительно посмотрѣла на Скарынина. Тотъ не зналъ еще, что отвѣчать, и молчалъ.

— Такъ чѣмъ же вы хотите быть тогда? — взволнованно крикнулъ Сережа и заходилъ по комнатѣ.

— Ахъ, Боже мой, чѣмъ!... Ну кассиршей, ну лектрисой, ну приказчицей, наконецъ...

Сережа возмущался:

— Стоило кончать гимназію! Нечего сказать! Вы бы въ натурщицы пошли!...

Раиса, все время тихо улыбавшаяся изъ-за рояля, сказала примиряюще:

— Брось, Сережа, не скандаль! Пойди попроси хозяйку ставить самоваръ, и будемъ чай пить...

Такъ изъ всей этой исторіи ничего и не вышло. Только Сережа еще нѣсколько дней дулся на Ольгу, а Скарынинъ сталъ бывать у подругъ и довольно часто.

Онъ какъ-то все приглядывался и прислушивался. Видимо, Ольга сбивала его съ толку. Все было для него темно — и то, что она живетъ здѣсь одна безъ родителей (а отъ Сережи онъ узналъ, кто ея отецъ), и то, что она не хотѣла поступать гувернанткой, а пошла бы въ приказчицы (лучше ужъ тогда ничего не дѣлать), — о безденежьи ея онъ не догадывался и даже зналъ отъ этого же Сережи, что она получаетъ «что-то много» изъ дому. Странны были ему и ея смѣхъ, и ея безпричинная задумчивость, и ея рѣчи, всегда сбивчивыя, всегда противорѣчивыя, всегда такія, будто она и сама не вѣритъ тому, что говоритъ. А главное пугало его и поражало то, что она какъ-то ужъ очень хорошо знала жизнь и людей, знала всю темную сторону ихъ и уже не удивлялась никакой ихъ мерзости.

Самъ онъ былъ очень чутокъ, очень жалостливъ, отчасти сентиментален̌ъ. Жизнь зналъ по книгамъ, воспитывался до университета дома, у отца съ матерью, гдѣ-то въ самарской глуши, а потомъ, когда родители умерли, поселился у старшей сестры-актрисы, давно ушедшей изъ дому, порвавшей съ

семьею и прижившей отъ какого-то актера двухъ дѣтей. Съ тѣхъ поръ началась у него упорная душевная ломка, и ко всему сталъ онъ относиться какъ-то до болѣзненности внимательно, боясь ошибиться и не такъ понять. Вѣдь надо же было примирить какъ-нибудь и тѣ житейскія правила, которыя онъ впиталъ съ молокомъ матери и развилъ тамъ, у себя въ глуши, и то, что онъ увидалъ на примѣрѣ сестры и чего онъ не могъ въ ней по мягкости своей, осудить безповоротно.

Ольга была для него новой загадкой, новымъ мучительнымъ вопросомъ, который онъ хотѣлъ разрѣшить. Не зная жизни, онъ не зналъ и того, что, не понявъ человѣка впервые, уже никогда его не разгадаешь; что, подойдя близко къ человѣку и внимательно разглядывая его, перестаешь быть объективнымъ, и въ концѣ-концовъ или отвернешься отъ него или полюбишь.

Не умѣя осуждать, Скарынинъ искренно и наивно полюбилъ Ольгу.

VII

Нѣсколько дней уже у Ольги не было ни копейки, мѣсяцъ истекъ, а мѣстъ не находилось. Мѣста собственно были, но все такія, отъ которыхъ Ольга отказывалась съ ужасомъ и отвращеніемъ.

Всюду встрѣчали ее преувеличенно любезно, ни въ чемъ не отказывали, обѣщали обязательно все устроить, но тутъ же просили зайти еще разъ для окончательныхъ переговоровъ и лучше всего «вечеркомъ».

Уже переступая порогъ какой-нибудь конторы или квартиры и видя встающаго ей навстрѣчу господина съ баками или безъ бакъ, съ брюшкомъ или безъ брюшка, но всегда охорашивающагося, Ольга съ тоской думала, что сейчасъ же начнется старая, знакомая пѣснь.

— Чѣмъ могу служить?

И потомъ, когда она скажетъ, что ищетъ мѣста, что она пришла по объявленію, ей сейчасъ же предложатъ сѣсть, и заговорятъ о погодѣ и о томъ, что такой, какъ она, грѣхъ служить въ этой конторѣ за какихъ-нибудь несчастныхъ 30 рублей, что вотъ ей могутъ предложить другое мѣсто съ большимъ окладомъ, и т. д., и т. д. въ томъ же родѣ. А на прощаніе будутъ пожимать ей руку, а кто посмѣлѣе, попытается поцѣловать ее и удержать за талію.

Сначала она оскорблялась до слезъ, потомъ научилась выслушивать все это молча, закусивъ губы, потомъ смѣялась прямо въ лицо всѣмъ этимъ животнымъ — старымъ, молодымъ, красивымъ и безобразнымъ, смѣялась, пока ей не предлагали воды или не выпроваживали до дверей, потому что они всѣ боялись скандала.

— Къ несчастію, мы ничего не можемъ для васъ сдѣлать, — говорили они тогда и офиціально расклanивались.

— О, извините, извините... конечно, я понимаю, — отвѣчала она между приступами смѣха; — вѣдь вы такіе занятые люди.

Она все чаще ловила себя на этомъ безпричинномъ смѣхѣ, на этой необычной веселости, вдругъ охватывающей ее въ самыя, казалось бы, тяжелыя минуты. Ее даже немного качало при этомъ, и голова кружилась, и сладко замирало сердце, точно она только что выпила шампанскаго...

А однажды, выйдя изъ одного такого дома, гдѣ, судя по объявленію, требовалась сидѣлка къ престарѣлой женщинѣ, но гдѣ оказалось, что никакой старухи не было, а просто досужіе лицеисты рѣшили позабавиться, Ольга должна была ухватиться за выступъ стѣны — такъ у нея кружилась голова и ослабѣли ноги.

Она стояла, прислонясь къ стѣнѣ, а глаза ея горѣли и смѣялись, Богъ вѣсть чему, на поблѣднѣвшемъ, осунувшемся лицѣ.

Передъ ней топтался одинъ изъ веселыхъ лицеистовъ, только что одурачившихъ ее. Онъ выбѣжалъ за нею въ одномъ мундирчикѣ, хотя было уже очень холодно, и, улыбаясь, смущенно просилъ вернуться и извинить ихъ, бормоталъ, что-то о своей любви и о томъ, что ее не обидятъ.

— Мы выпьемъ съ вами бутылочку Помери — ничего больше, — убѣждалъ онъ и улыбался, недоумѣнно слѣдя за смѣющимися глазами Ольги.

— А если угодно, я могу проводить васъ, и мы столкуемся, право!... Они, дѣйствительно, немного грубы.

Глаза ея продолжали смѣяться, когда она ему отвѣтила:

— Мнѣ хочется ѣсть...

Такъ просто сказала тихимъ голосомъ, какъ говорятъ это, вернувшись домой, кухаркѣ, запоздавшей съ обѣдомъ.

— Мнѣ ѣсть хочется...

— Ѣсть?

— Да, да, ѣсть...

И кивнула два раза головой совсѣмъ по-дѣтски.

Ничего не было страшнаго ни въ словахъ ея, ни въ голосѣ. Просто она подумала вслухъ, но лицеистъ поблѣднѣлъ, почему-то пошарилъ у себя въ карманахъ, немного потоптался на мѣстѣ и исчезъ.

И сейчасъ же подошелъ къ ней швейцаръ, спрашивая:

— Вамъ, барышня, извозчика нужно?

Тогда она поняла, что пора итти домой, взяла себя въ руки, и пошла.

Голова перестала кружиться, мысли прояснились, глаза погасли.

Она шла одной улицей, другой, третьей... Путь былъ далекій.

И странно, какъ-то особенно близкимъ казался ей этотъ городъ — сырой, промозглый, полный зла и соблазна.

Она чувствовала, что онъ уже владѣетъ ею, что она въ его власти. Что стоитъ ей захотѣть, и онъ дастъ ей все за ея жизнь. Почему она борется? Да такъ, она еще не можетъ не бороться, но это скоро, скоро пройдетъ. Одинъ, два, три дня, недѣля... Раньше ей было противно объ этомъ думать, теперь непріятно, потомъ станетъ безразлично...

— О, она далека была отъ сентиментальности! Просто не хотѣлось запачкаться... но, вотъ же она пачкаетъ свои ботинки, треплетъ свои юбки по этой грязи и давно уже равнодушна къ этому...

Она ничуть никого не осуждаетъ, ни на что не ропщетъ... Почему она должна быть исключеніемъ? Петроградъ каждому указываетъ путь. Ну, не смѣшна ли она со своимъ желаніемъ работать? Скажите пожалуйста! Вѣдь она даже не знаетъ о чемъ просить, и по чистой совѣсти не могла бы указать, какой трудъ ей знакомъ... Но зачѣмъ же изъ-за этого портить себѣ нервы... Нѣтъ, конечно, все это глупости, скоропроходящія глупости... Надо было остаться въ провинціи и выходить замужъ, если она хотѣла сохранить свою репутацію... Конечно... А теперь нужно пользоваться случаемъ.

Ольга шла такъ очень быстро и совсѣмъ не чувствовала голода. Мысли ея тоже быстро и легко смѣняли другъ друга. Все казалось очень простымъ и яснымъ, и душа почти перестала болѣть.

VIII

Дома Ольгу ждали Скарынинъ и письмо.

— Это вамъ заходившій безъ васъ господинъ оставилъ, — сказала хозяйка.

Ольга молча протянула руку студенту и разорвала конвертъ.

«Я уже третій разъ захожу къ вамъ и не застаю дома. Быть можетъ, вы нарочно избѣгаете меня, но я не забываю старыхъ друзей и попрежнему настойчивъ въ своихъ желаніяхъ. Ваше положеніе мнѣ извѣстно — увы! оно слишкомъ обыкновенно, но тѣмъ лучше. Надѣюсь, на этотъ разъ вы мнѣ не откажете въ свиданіи. Все же я у васъ единственный».

Далѣе слѣдовалъ адресъ и подпись — «В. Ширвинскій».

Ольга внимательно прочла все до послѣдняго слова, потомъ подняла глаза на Скарынина и устало улыбнулась.

— Не хотите ли полюбопытствовать?

Студентъ прочелъ переданный ему листокъ и пожалъ плечомъ:

— Что за странный тонъ? Отъ кого это?

— Какъ видите, отъ друга...

— Но чему же онъ радуется?

— Тому, что я стану кокоткой...

Скарынинъ нервно потеръ руки, потомъ лобъ. Губы его дергало, когда онъ заговорилъ:

— Я не понимаю, для чего такъ шутить! Вообще я васъ не понимаю. Что вамъ нужно, чего вы ищете? Кто вы такая?

Ольга нервно засмѣялась. Она опять почувствовала приступы смѣха — вотъ-вотъ, что-то подкатываетъ къ горлу и давитъ грудь, и во всемъ тѣлѣ какая-то необыкновенная легкость, такая, какая бываетъ во снѣ, когда летишь и сливаешься съ небомъ.

— Меня называлъ одинъ актеръ «сфинксомъ безъ загадки», — отвѣтила она.

Скарынинъ вздернулъ плечомъ и заходилъ по комнатѣ — отъ рояля къ кушеткѣ, гдѣ сидѣла Ольга, и обратно. Онъ метался почти безшумно въ

этомъ маленькомъ пространствѣ, и Ольгѣ казалось, что передъ ней какой-то нелѣпый призракъ, — бьющаяся о стѣны клѣтки большая черная птица. Ей стало страшно, и она крикнула:

— Да говорите же что-нибудь!

Тогда Скарынинъ остановился передъ нею (лицо его трудно было разобрать, потому что въ комнату уже забрались сумерки) и заговорилъ:

— Вы странная дѣвушка. Я не понимаю васъ и порою мнѣ кажется, что вы сами себя не понимаете. Иногда ваше лицо становится такимъ простымъ, такимъ дѣтскимъ, что, вотъ кажется, видишь всю вашу душу, а потомъ точно тѣнь проходитъ по вашимъ глазамъ, и тогда, сколько ни смотри на васъ, ничего не прочтешь. Вы, должно быть, очень много страдали, очень разувѣрились въ людяхъ, и потому вы такая замкнутая, такая несправедливая. Да, да — несправедливая и къ себѣ и къ другимъ. И потомъ, Петроградъ — не для васъ. Зачѣмъ вы тутъ живете? для чего ищете себѣ какое то мѣсто, утомляете себя, изматываете себѣ нервы... Я, конечно, не могу входить въ подробности вашей семейной жизни, но мнѣ кажется, что дома вамъ было бы лучше... Ну, конечно! Или еще лучше гдѣ-нибудь въ деревнѣ, гдѣ вы могли бы ходить, мечтать, думать свои думы, такія далекія отъ жизни...

Онъ вдругъ замолкъ и спросилъ почти обиженно:

— Вамъ надоѣло меня слушать, должно быть?

Она отвѣтила чуть слышно, потому что въ своей неподвижности не чувствовала такъ сильно приступовъ голода, и сладкая дрема все больше и больше овладѣвала ею.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорите...

Тогда онъ сѣлъ возлѣ нея, совсѣмъ близко, увлеченный своими мыслями, своимъ представленіемъ о ней, какъ о чемъ-то нѣжномъ и чистомъ. Онъ говорилъ тихо, находя въ своемъ голосѣ самыя нѣ-

жныя ноты для выраженія того, что волновало его душу. Онъ счастливъ былъ уже однимъ тѣмъ, что, наконецъ, могъ высказаться и этимъ осуществить созданный имъ образъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, его любовь къ этой странной дѣвушкѣ росла, наполняла все его существо радостной гордостью. Мутныя сумерки загорались передъ нимъ яркимъ, ликующимъ свѣтомъ, и въ немъ видѣлъ онъ свою Ольгу, свою любимую, такую не схожую съ той, что сидѣла рядомъ съ нимъ, почти умирающая отъ слабости.

Ольга почти не слушала его. Или нѣтъ, она слышала звукъ его голоса, ласкающій и любящій, и душа ея баюкалась въ волнахъ этого голоса, уплывала, уносилась куда-то и не нарушала покоя измученнаго тѣла.

Тогда онъ взялъ ея руки и сталъ согрѣвать ихъ своими поцѣлуями, робкими, но жаркими нескончаемыми поцѣлуями.

Она смотрѣла на него, не отрывая своихъ рукъ и постепенно выходя изъ оцѣпенѣнія, вновь возвращаясь къ жизни изъ тихихъ сновъ, въ которые погрузили ее его слова.

Она могла только произнести:

— Милый...

Потому что сердце ея было полно благодарности къ этому юношѣ, но неожиданно судороги прошли по ея тѣлу, и она засмѣялась, сначала тихо, потомъ все громче.

Скарынинъ блѣдный вскочилъ съ кушетки. Онъ испугался, потомъ оскорбился. Ему показалось, что она издѣвается надъ нимъ.

— Прощайте...

Но, собравъ послѣднія силы, Ольга сквозь приступы мучительнаго смѣха, разрывающаго ей грудь, крикнула:

— Нѣтъ, нѣтъ не надо, не уходите... Это пройдетъ!

И когда онъ вернулся къ ней, все еще недоумѣвающій, но замкнутый, она ухватилась за рукавъ его пиджака и уже спокойно сказала:

— Останьтесь. Сейчасъ придетъ и Раиса, и мы поѣдемъ съ вами куда-нибудь въ ресторанъ — хорошо?

Скарынинъ молча опустилъ голову. Ему казалось, что у него отняли что-то самое дорогое. Откуда онъ могъ знать, что только голодъ владѣлъ всѣми мыслями Ольги и заставлялъ говорить такія странныя непонятныя вещи.

IX

Они поѣхали въ кабачокъ, въ который во что бы то ни стало потянулъ ихъ товарищъ Раисы по консерваторіи — Левитовъ. Онъ увѣрялъ, что это самое интересное мѣсто въ Петроградѣ, что тамъ можно встрѣтить всѣхъ знаменитостей въ области искусства. Самъ онъ тоже готовился въ знаменитости и много говорилъ о своемъ голосѣ. Онъ позволялъ Раисѣ ухаживать за собой, и со стороны они производили забавное впечатлѣніе.

Хваленый кабачокъ этотъ устроенъ былъ гдѣ-то въ подвалѣ и внѣшнимъ своимъ обликомъ напоминалъ монмартрскіе кабачки, но далеко не такъ былъ оживленъ, какъ они.

Подъ низкими его сводами, ярко расписанными, можно было увидать нѣсколько молодыхъ писателей, художниковъ и актеровъ съ неизмѣнными ихъ спутницами. Собственно, спутницы эти были занимательнѣе своихъ знаменитыхъ кавалеровъ, потому что въ нихъ еще все было — плохо скрытая игра, въ ихъ платьяхъ, прическахъ, манерѣ говорить чувствовалась желаніе изображать собою что-то, и это-то заставляло ихъ жить лихорадочной

жизнью и часто, дѣлая ихъ смѣшными, вызывало любопытство.

Здѣсь не было легкаго непрерывающагося говора Монмартра, естественно оживленныхъ лицъ, опредѣленно усвоенныхъ кричащихъ костюмовъ и движеній. Здѣсь былъ все тотъ же болотный Петроградъ, желающій во что бы то ни стало походить на Парижъ. И потому все — разговоры, лица, улыбки, самыя стѣны казались нарочитыми, подчеркнутыми, мгновеніями застывали, какъ напряженная натура передъ глазами художника, и вновь оживали, мѣняя маски.

Когда Ольга со своими спутниками входила въ низенькій залъ изъ тѣсной передней и расписывалась въ какой-то книгѣ, — всѣмъ извѣстный актеръ разсказывалъ на эстрадѣ смѣшной анекдотъ, а публика сдержанно смѣялась.

Но донельзя натянутые нервы Ольги заставляли ее особенно остро воспринимать окружающее. Ей сразу же почудилось, что всѣ эти люди дѣлаютъ видъ, что имъ весело, и у нея безнадежно сжалось сердце.

Она жевала сухой бутербродъ, но не чувствовала радости утоленія голоса: ѣла только потому, что нужно ѣсть.

На нее обращали вниманіе. Поражали ея скромное синее платье, ея естественность, ея лицо съ выпуклыми невѣрными глазами. Почему улыбался ея ротъ, а въ изломахъ бровей пряталось страданье.

Скарынинъ пилъ красное вино и молчалъ. Онъ молчалъ упорно, соглашаясь на все съ убитымъ видомъ. Онъ не хотѣлъ думать, разбираться въ происходящемъ. Но почему-то не могъ оставить Ольгу.

Пѣвецъ Левитовъ переходилъ отъ одной группы къ другой. Раису упрашивали пѣть, и уже кто-то бралъ аккорды.

Высоко держа надъ головами подносъ со стаканами, лакей разносилъ чай.

Невидный никому режиссеръ разставлялъ на сценѣ маріонетокъ, и все было почти такъ, какъ въ настоящемъ кабарэ.

Полный мужчина въ сѣромъ просторномъ костюмѣ долго смотрѣлъ на Ольгу внимательными глазами изъ-подъ золотого пенснэ, раньше чѣмъ она уловила его взглядъ, и поняла, что именно на нее смотрятъ.

Онъ медленно подвигался къ ней, точно припоминая что-то и боясь ошибиться.

Потомъ, заслоненный чьей-то спиной, онъ неожиданно выросъ передъ вздрогнувшей Ольгой.

Она глянула на него почти испуганно, — такъ внезапно было его появленіе, такъ потрясена была она смутнымъ, но неодолимымъ воспоминаніемъ. Она поднялась съ мѣста и глаза въ глаза смотрѣла на незнакомца. Было мгновеніе, когда она готова была поднять руки и, схвативъ ими его голову, разглядывать каждую черточку на его лицѣ.

Скарынинъ поднялся вслѣдъ за Ольгой, зараженный ея нервной порывистостью. Онъ стоялъ, склонившись надъ противоположнымъ концомъ круглаго столика, за которымъ они сидѣли до этого, и тоже смотрѣлъ въ лицо незнакомца, готовый на все и почему-то заранѣе предубѣжденный противъ него.

— Неужели вы та самая дѣвушка, которую мы встрѣтили въ прошломъ году на вокзалѣ?...

Она не отвѣчала, она давно знала, кто передъ нею.

— Помните двадцать второе декабря?... Помните этотъ снѣжный вечеръ и нашъ такой необычный разговоръ?

Ну, да, она помнитъ... Что же другое могла она помнить? Она протянула ему руку, быть можетъ, раньше, чѣмъ онъ успѣлъ ей представиться, рань-

ше, чѣмъ самъ вполнѣ увѣрился, что не ошибся. Только потомъ уже услыхала она его имя и фамилію (точно сказанную кѣмъ-то третьимъ) — Николай Герасимовичъ Желтухинъ.

X.

— Скажи мнѣ, что съ тобою, Оля?

Раиса свѣсила голову съ кровати такъ, чтобы лучше было разглядѣть лежащую рядомъ на диванѣ Ольгу.

Передъ образомъ горѣла лампадка (хозяйка зажигала ее всегда подъ праздникъ), и теплыя тѣни ходили по комнатѣ — кругъ за кругомъ. За стѣной давно уже гудѣлъ храпъ счастливыхъ супруговъ.

Ольга лежала, вытянувшись на спинѣ во весь ростъ и закинувъ за голову руки. Она не шевелилась, но и не спала. Раиса видѣла, какъ блестѣли ея глаза.

— Право, ты дѣлаешь глупости, — продолжала Раиса. Она поворачивала голову, и бигуди въ ея волосахъ вытягивались тоненькими рожками. — Глупость за глупостью... Неужели наше недоѣданіе на тебя такъ дѣйствуетъ? Впрочемъ, это понятно — ты еще не привыкла, я крѣпче тебя. Но все-таки надо брать себя въ руки и разсуждать. Вѣдь не хочешь же ты, чтобы такая жизнь тянулась безконечно. На что ты разсчитываешь? На грошовую работу? Но вѣдь это смѣшно! Ты ея не найдешь, да и куда тебѣ работать. Съ отцомъ ты поругалась, со всѣми ты разссорилась, а живешь такъ, точно тебѣ галушки сами въ ротъ посыпятся. Вообще ты никогда не была откровенна со мною, но все же я обо многомъ догадываюсь... Въ гимназіи меня считали сумасшедшенькой, а я больше всѣхъ знаю жизнь. Почему это этакъ, скажу потомъ —

вообще хочу говорить сегодня, стихъ такой напалъ. Но ты слушаешь?

Ольга отвѣчала, не шевелясь:

— Слушаю, слушаю...

— Повторяю, ты слишкомъ задаешься, но Богъ вѣсть чего тебѣ надо! А это вздоръ, — такъ нельзя. То-есть, можетъ быть не вздоръ, а не нужно. Вообще, по моему, любовь — глупая вещь. Только одно мученіе. Нужно смотрѣть на мужчинъ, какъ на развлеченіе, такъ, какъ они на насъ смотрятъ, и упаси Боже привязываться къ нимъ! Но можетъ быть, только я могу такъ, — мнѣ совсѣмъ не нужна ихъ любовь... И знаешь, поэтому у меня не было никакихъ драмъ, съ тѣхъ поръ, какъ я поняла это. Буду пѣвицей, нужны будутъ деньги— пойду на содержаніе, но никогда ни съ кѣмъ не свяжу себя привычкой, нѣжностью. У меня вообще все особое, и тебѣ, пожалуй, такой не быть... Ты и пакостнѣе станешь, а все будешь мучиться. Но понимаешь, я хочу чтобы ты зря не пропадала, чтобы ты себя въ руки взяла.

Ольга спросила почти равнодушно:

— Къ чему ты собственно все это говоришь?

— Къ чему? А вотъ къ чему: тебѣ нужна поддержка — мужъ, любовникъ — все равно кто. Ты не можешь безъ сентиментовъ — такъ пользуйся, пока ты молода. И такъ и этакъ ты будешь недовольной, такъ лучше хоть сытой быть. Тебѣ вѣдь везетъ, а ты зѣваешь. Въ тебя по уши влюбленъ Скарынинъ, а ты заставляешь его ломать надъ тобою голову, мучиться... отталкиваешь отъ себя нелѣпыми выходками. Повѣрь мнѣ, онъ не станетъ несчастнѣе, если ты измѣнишь ему, будучи его женой. А онъ не можетъ тебѣ быть противнымъ.

— Онъ не противенъ мнѣ...

— Вотъ видишь, а надоѣстъ онъ такъ же, какъ и другой, это неизбѣжно... но зато разочарованія не будетъ. Потомъ... что это за выходка въ ресто-

ранѣ? Почему ты не хотѣла говорить съ этимъ Желтухинымъ, почему ты помчалась домой и теперь лежишь, какъ истуканъ. У Скарынина слезы на глазахъ были. Онъ спрашивалъ меня все, что съ тобой. Хотѣла я ему сказать: «накормите вы ее, да и увозите куда-нибудь подальше», и, право, хорошо бы сдѣлала! А то и себя мучишь и другихъ мучишь. На кого ты похожа стала? — кожа да кости!

Раиса помолчала немного и неожиданно спросила:

— А кто это такой, этотъ Желтухинъ?

Ольга отвѣтила чуть слышно:

— Писатель...

— Но откуда ты его знаешь?

Тогда Ольга повернулась лицомъ къ подругѣ и крикнула рѣзко:

— Я не должна объяснять тебѣ!

Раиса свистнула:

— Подумаешь! Да мнѣ безразлично — для тебя же стараюсь. Ты хоть головой объ стѣны бейся...

И потомъ, сразу смягчивъ тонъ, она опять потянулась къ Ольгѣ и, обнявъ ее за плечи, зашептала быстро и вкрадчиво:

— Не злись, Оля, право, не злись. И почему я только люблю тебя? Ты послушайся меня — дѣло говорю — выходи за Скарынина. Онъ очень славный, очень любящій и совсѣмъ не глупый. Я бы могла полюбить такого... Только мнѣ нельзя. Если бы ты пережила все то, что я пережила — ты была бы такая же... — И прижавшись плотнѣе къ подругѣ, Раиса зашептала еще порывистѣе: — понимаешь, хочется хоть для тебя счастья. Это я, вѣдь, врала, что глупо любить. Конечно, — нѣтъ, да только для жизни нужно придумывать, понимаешь, нужно сочинять такъ, чтобы легче жить было. Вѣдь, я некрасивая и денегъ у меня нѣтъ и никто въ меня влюбиться не можетъ, а такъ послу-

шаетъ мое пѣніе и побудетъ со мной изъ любопытства. Было бы несчастье, если бы я влюблялась. А такъ хорошо. И легко, и весело. Кромѣ того, у меня вообще отвращеніе къ близости съ мужчиной. Меня вотъ сумасшедшей называли, а я, вѣдь, правда, чуть съ ума не сошла. Объ этомъ мама только знаетъ, да вотъ тебѣ разскажу. Ты странная — никому ничего про себя не говоришь, а тебѣ такъ и хочется душу открыть. Вотъ мучитъ меня это сегодня.

Раиса оставила плечи Ольги и, спустивъ съ кровати ноги, оперлась ладонями о тюфякъ и смотрѣла на блистающія въ тѣни ризы иконы.

— У насъ въ домѣ денщикъ былъ... Ну, и вотъ... Мнѣ только двѣнадцать лѣтъ тогда было. Больная была потомъ, чуть не помѣшалась. Стала бояться всего, молчала, молчала... А потомъ во мнѣ что-то странное произошло. Боже, мой, сколько грязи, гадости!

Она замолкла, не отводя глазъ отъ иконы. Ольга испуганно смотрѣла на нее.

Тѣни отъ лампады ходили по стѣнамъ — кругъ за кругомъ.

XI.

Пришла на имя Ольги открытка отъ какого то князя Мозовскаго, гдѣ ее очень просили — и убѣдительно и любезно — зайти въ любой часъ для переговоровъ объ очень выгодномъ будто бы мѣстѣ.

Думать долго не приходилось. Скарынинъ не дѣлалъ никакихъ дальнѣйшихъ шаговъ къ примиренію, и нужно было хвататься за все, что приносила судьба.

Ольга приготовилась ко всему. Иногда расшатанные нервы кажутся особенно крѣпкими. Можно все вынести и остаться нечувствительнымъ.

На Сергіевской Ольга остановилась у одного изъ подъѣздовъ. И сейчасъ же, услышавъ имя князя Мозовскаго, толстый швейцаръ съ четвероугольнымъ синимъ подбородкомъ и жесткой сѣрой щетиной остриженныхъ бобрикомъ волосъ, снялъ передъ ней галунную фуражку и далъ знать о ея прибытіи въ бель-этажъ.

Молодой лакей въ черной тужуркѣ, на которой двумя рядами нестерпимо блестѣли огромныя пуговицы съ княжескими коронами, провелъ ее черезъ высокія, краснаго дерева двери въ залъ и попросилъ подождать.

Въ совершенно невозмутимомъ настроеніи (на такой сильной высотѣ напряженія были ея нервы) Ольга видѣла и замѣчала все, во всѣхъ подробностяхъ.

Она замѣтила, что подбородокъ у швейцара былъ плохо выбритъ, сосчитала пуговицы на тужуркѣ молодого лакея и улыбнулась его глупой улыбкѣ, съ какой онъ просилъ ее «подождать».

Она, точно не разъ приходила въ этотъ домъ, давно знала эти комнаты и глубоко равнодушна была къ предстоящей встрѣчѣ.

Она сѣла въ первое попавшееся кресло розоваго полированнаго дерева съ блѣдно-желтой вышитой обивкой и обвела залу внимательнымъ взглядомъ.

Зала была полукруглая той стороной своей, которая выходила зеркальными окнами на улицу: вся бѣлая, съ бѣлыми мраморными подоконниками и такими же у стѣнъ колоннами. На потолкѣ посрединѣ висѣла тяжелая хрустальная люстра съ массой электрическихъ лампочекъ, въ одномъ углу бѣлѣлъ величавый бюстъ Николая I, въ другомъ на мягкомъ розовомъ коврѣ разставлена была немногочисленная мебель въ стилѣ Помпадуръ.

Совсѣмъ одиноко, почти живой, почти дышащій своей матово-блистающей поверхностью, стоялъ рояль.

Ольга машинально приподнялась къ нему навстрѣчу. Ей захотѣлось открыть его черную крышку и найти тамъ застывшую мелодію. Она подошла къ нему и сейчасъ же отпрянула. На кругломъ черномъ стулѣ около рояля лежала, свернувшись пушистымъ кольцомъ, рыжая лисица. Она лежала неподвижно, слегка оскаливъ бѣлые зубы, широко открывъ выпуклые хищные глаза. Она смотрѣла на Ольгу, а можетъ быть, куда-то дальше, и не шевелилась.

Ольга отважилась приблизиться къ ней и дотронуться до нея рукою.

Лисица не дышала, она была холодна, она давно уже не жила.

Тогда, совсѣмъ забывъ, что она не у себя, что она пришла по дѣлу, Ольга опустилась на колѣни передъ стуломъ и, положивъ худыя свои руки на лисій мѣхъ, еще разъ совсѣмъ близко заглянула выпуклыми сѣрыми глазами въ выпуклые стеклянные глаза лисицы. И чему-то своему, дѣтскому улыбнулась углами смѣющагося рта.

Она точно давно знала эту бѣлую полукруглую залу, и этотъ черный живой рояль, и эту неживую лисицу. Она видѣла все это когда-то во снѣ... все это принадлежало ей тогда, и, одинокая, она сидѣла у рояля, а рыжая лисица лежала неподвижно у ея ногъ и слушала.

Гулкіе шаги въ полупустой залѣ прервали ея грезы. Она поднялась и увидала передъ собою Ширвинскаго.

Она была такъ далека отъ мысли увидѣть его здѣсь, что одно время ей почудилось, что это галлюцинація.

Но онъ шелъ къ ней увѣреннымъ шагомъ, какъ всегда, корректный, въ черномъ пиджакѣ и лакированныхъ ботинкахъ, такой же изящный, но возмужавшій.

Онъ шелъ къ Ольгѣ, привѣтливо улыбаясь и еще издали дружески протягивая руки.

— Ольга Виталіевна, Оля!...

XII

Онъ усадилъ ее въ кресло напротивъ себя и началъ говорить вкрадчиво и нѣжно, украдкой слѣдя за производимымъ впечатлѣніемъ:

— Милая, дорогая Оля, вѣдь вы позволите мнѣ такъ называть васъ, вѣдь что-нибудь сохранилось въ вашей памяти обо мнѣ. Я никогда не претендовалъ на вашу ко мнѣ особенную любовь, но все же не пустое любопытство толкнуло васъ ко мнѣ... Нѣтъ, нѣтъ, не уходите, дайте мнѣ высказаться! Я страшно, я ужасно виноватъ передъ вами — моя страсть иногда толкаетъ меня на преступленіе. Но вы дороги мнѣ, и вотъ я опять у вашихъ ногъ, чтобы вымолить себѣ прощеніе. Я уѣхалъ, не простившись съ вами, но я никогда не забывалъ васъ, думалъ о васъ. Я написалъ вамъ и не получилъ отвѣта. Потомъ вы пріѣхали въ Петроградъ, вы попробовали этой «самостоятельной жизни» и все же молчали. Я не оставлялъ васъ, я заходилъ къ вамъ, и меня не принимали. Вы хотѣли вычеркнуть меня изъ своей жизни, но прошлое не сотрешь, а иногда оно возвращается.

Ширвинскій смолкъ и наклонился надъ Ольгой, снова беря ее за руки.

Она устало сидѣла передъ нимъ, и, казалось, ни о чемъ не думала, ничего не слышала.

Въ этой бѣлой залѣ синее платье ея дѣлало ее еще тоньше, еще блѣднѣе. Голубыя тѣни мягко легли ей на обнаженную шею и лобъ, синіе круги обвели глаза, а щеки слабо розовѣли сквозь прозрачную бѣлизну кожи. И странно было видѣть надъ этимъ скорбнымъ лицомъ какъ-то особенно — золотомъ — горящіе волосы.

Впервые за весь разговоръ Ширвинскій воскликнулъ вполнѣ искренно:

— Однако ,какъ это красиво! Вы стали гораздо интереснѣе, Оля!

И, не дождавшись отвѣта, заговорилъ опять убѣдительно и ровно:

— Мы снова съ вами, Ольга, и, я надѣюсь, вы, наконецъ, поймете меня, и мы пойдемъ рука объ руку. Теперь я свободенъ, а вы достаточно хорошо узнали, что такое жизнь... Я хотѣлъ бы видѣть васъ своей помощницей, своимъ другомъ, а я вамъ необходимъ. Заключимъ перемиріе. Вспомните, что я говорилъ вамъ еще тогда, давно, когда мы ѣхали съ вами по снѣжному полю и вы такъ перепугались. Развѣ не прекрасную жизнь рисовалъ я? Имѣть деньги, свободу, жить для красоты и удовольствій! И все это возможно, Ольга, если вы захотите.

Онъ пожалъ ей руку. Отъ этого движенія къ ней точно вернулось сознаніе дѣйствительности, она отвѣтила холодно:

— Все, что я хочу, это видѣть хозяина дома. Я получила отъ него приглашеніе и буду говорить только съ нимъ.

Ширвинскій улыбнулся, откидываясь вглубь кресла.

— А почему бы вамъ не переговорить со мною?

— Потому, что намъ не о чемъ говорить!

— Вы ошибаетесь, вы можете сговориться только со мною. Князя нѣтъ дома, я его замѣняю.

Ольга поспѣшно встала, она силилась быть спокойной, но голосъ ея обрывался, когда она отвѣтила:

— Въ такомъ случаѣ я ухожу. Удивляюсь только, зачѣмъ было все это продѣлывать. Какъ мало у васъ самолюбія!

Ширвинскій поднялся вслѣдъ за нею.

— Вы опять волнуетесь, это нехорошо. Возьмите себя въ руки и не дѣлайте глупостей. Повторяю вамъ, я говорю отъ лица князя, потому что я у него довѣренное лицо. Онъ холостъ, старъ, богатъ, безбожно глупъ, добръ и вѣритъ мнѣ вполнѣ... во всемъ. . . Этотъ домъ можетъ принадлежать вамъ, если вы захотите, его состояніе будетъ вашимъ состояніемъ, и ваша воля будетъ его волей. Все зависитъ отъ нашей съ вами дружбы. . .

Ольга молчала, во всѣ глаза глядя на Ширвинскаго.

Его слова уже больше не оскорбляли ея. Она только смотрѣла на него и спрашивала себя: знала ли она въ дни своей близости къ нему, кто онъ, на что онъ способенъ. Можетъ быть, и знала, можетъ быть, и догадывалась. . .

Ольга оглянулась по сторонамъ — на бѣлыя стѣны залы, на черный рояль, таящій въ себѣ столько знакомыхъ мелодій, на рыжую лисицу...

Почему все точно ждетъ ее, точно уже принадлежитъ ей. . .

Мысли ея покрывались туманомъ, знакомая слабость кружила голову, маленькіе молоточки застучали въ вискахъ.

И, желая побороть свою слабость, она почти крикнула:

— Дайте мнѣ вина, чего-нибудь!. . .

Потомъ почувствовала, какъ кто-то сажаетъ ее въ кресло, подноситъ ей къ губамъ рюмку.

Она жадно ѣла предложенные ей сандвичи, пила густой портвейнъ. Она была похожа на проголодавшагося ребенка и ничего не видѣла, кромѣ ѣды.

Ширвинскій слѣдилъ за нею со снисходительной улыбкой, курилъ сигару и пускалъ кольцами синій дымокъ. Усы его самодовольно топорщились кверху.

Когда она кончила, онъ сказалъ съ подчеркнутой дружеской укоризной:

— Ай-яй, какъ можно было доводить себя до этого? Вы хотите загубить себя, но друзья вамъ этого не позволятъ.

И потомъ самъ принесъ ей ея шубку и помогъ одѣться.

— Сегодня я не настаиваю на окончательномъ рѣшеніи, вы должны успокоиться и прійти въ себя. Я даже не предлагаю вамъ проводить васъ. Но я увѣренъ, что скоро получу положительный отвѣтъ. И вы вернетесь сюда хозяйкой.

А когда Ольга спускалась по лѣстницѣ, онъ стоялъ наверху, склонясь на перило, и посылалъ ей рукой привѣтствіе.

XIII

Когда Ольга шла къ князю Мозовскому, было грязно, по небу волочились бурыя тучи, брызгаясь дождемъ, и казалось, что такъ безъ конца будетъ тянуться нудная осень. А теперь Ольгу встрѣтилъ во всемъ своемъ бѣломъ блескѣ сверкающій зимній день.

Все горѣло, вспыхивало, празднично улыбалось. Глаза невольно жмурились, и тогда тонкія золотыя иглы тянулись во всѣ стороны, а въ ушахъ звенѣла музыка.

По Литейному вышла Ольга на Невскій. Здѣсь точно былъ какой-то невѣдомый праздникъ. Люди, какъ раньше, шли каждый по своему дѣлу, но солнце на время смѣшало всѣ ходы, заварило какую-то безтолочь и, радуясь, блистало еще великолѣпнѣе.

Въ гулѣ, звонѣ, трескѣ и говорѣ шла Ольга все дальше, точно подхваченная холодной шипящей волной. Щеки горѣли, движенія стали бодрѣе.

Какъ часто Невскій врачевалъ ея душу. Въ его соблазнахъ она находила разсѣяніе. Съ каждымъ шагомъ она мѣняла свой обликъ. Каждый шагъ давалъ ей новое. Никто не зналъ, что подчасъ она готова упасть отъ усталости и голода — ей стоило улыбнуться, и многія лица улыбались ей въ отвѣтъ, какъ счастливѣйшей принцессѣ. Самыя занятныя знакомства случались здѣсь — отъ круглыхъ часовъ Николаевскаго вокзала до остраго шпиля Адмиралтейства.

И языкъ, и мысли лгали, лгали лица, лгали глаза на этомъ шумливомъ и страшно оторванномъ отъ повседневности пути.

Ольга радовалась, что некогда было раздумывать, что можно было итти такъ просто — впередъ и смотрѣть по сторонамъ.

Потомъ уже за Адмиралтействомъ, за Невой придутъ къ ней мысли, соображенія, Раиса, хозяйка, Скарынинъ... И тоска, тоска...

— Ольга Витальевна, а вѣдь это судьба!

Она остановилась, пораженная.

И такъ же, какъ тогда, въ кабачкѣ, неожиданно выплывъ изъ-за спинъ, остановилась передъ ней полная добродушная фигура Желтухина.

Большой, тяжеловатый, въ мѣховомъ пальто и старомодномъ цилиндрѣ, онъ ласково смотрѣлъ на Ольгу изъ-подъ золотого пенснэ сверху внизъ, какъ смотрятъ на шаловливыхъ дѣтей степенные пожилые люди.

— Вѣдь это судьба, — повторялъ онъ, пожимая ей руку. — Мы сталкиваемся такъ, точно ищемъ другъ друга, а встрѣтившись, забываемъ, для чего нужна была намъ наша встрѣча... Но теперь вы не уйдете отъ меня такъ скоро... не правда ли?

Онъ взялъ ее подъ руку и медленно пошелъ впередъ.

Ольга не противилась, не возражала. Она начинала вѣрить въ судьбу. Такимъ роднымъ казался

ей этотъ Желтухинъ, такимъ нужнымъ. Все въ немъ было такъ уютно, и самъ онъ былъ такой вѣрный. Конечно, онъ долженъ былъ встрѣтиться ей еще разъ, послѣ того, что она увидала Ширвинскаго, какъ должно было засіять солнце послѣ дождя и тумана. Тотъ разъ, въ кабачкѣ, она почти убѣжала отъ этого человѣка, такъ живо напоминавшаго ей того другого, а теперь она рада была его присутствію, какъ радуются близкимъ къ дорогому покойнику. Вѣдь тотъ казался ей ушедшимъ изъ жизни. О немъ осталась одна мечта.

Ольга смотрѣла на своего спутника, и одна мысль, какъ тогда въ кабачкѣ, буравила ея мозгъ. Ей хотѣлось спросить Желтухина о его другѣ, но она знала, что не сумѣетъ спросить о немъ. О, какъ она боялась новыхъ разочарованій, какъ она боялась остаться одной...

— Вы простили меня за мое бѣгство, Николай Герасимовичъ?

Онъ улыбнулся, искоса слѣдя за выраженіемъ ея лица.

— Я и не думалъ обижаться на васъ. Съ чего вы взяли?

— Я не хотѣла больше говорить съ вами...

— Знаю, это бываетъ со всякимъ. Охота вамъ такъ нервничать... Посмотрите вокругъ себя — сколько безтолочи, сколько забавнаго. Вы вѣдь свободны сейчасъ?

— Свободна!

— Ну, вотъ и отлично. Давайте проведемъ этотъ день вмѣстѣ! Поболтаемъ, посмотримъ... По рукамъ?

Ольга улыбнулась, протянула ему руку.

— Великолѣпно! Итакъ, сначала мы отправимся на выставку — тутъ неподалеку, а оттуда пойдемъ пообѣдать... И рѣшимъ, что дѣлать дальше. Согласны?

Ольга, все такъ же продолжая улыбаться, отвѣтила радостно :

— Конечно, да!...

XIV

— Ахъ, знаете, я не сказалъ бы, что очень хорошо разбираюсь въ живописи, но я люблю вотъ эти краски, эти изумительныя сочетанія свѣта и тѣни, какія намъ даетъ видимое, — говорилъ Желтухинъ, вводя Ольгу по широкой лѣстницѣ въ помѣщеніе выставки. — Вѣдь живопись, что бы тамъ ни говорили, всякій разъ поетъ намъ о жизни, о радости жизни: по существу своему она оптимистична. Вѣдь какъ бы ни былъ грустенъ сюжетъ, все же онъ живетъ своими красками, все же онъ говоритъ о красотѣ, объ изобиліи въ жизни. Краски — вѣдь это солнце, бытіе, — безъ того и другого нѣтъ красокъ. А какъ хорошо видѣть солнце, какъ хорошо жить!...

Желтухинъ шелъ впередъ, Ольга за нимъ. Писатель размахивалъ руками, говорилъ громко, никого не стѣсняясь. Немногочисленные посѣтители оглядывались на этого большого добродушнаго человѣка въ длинномъ сюртукѣ и на его спутницу — такую маленькую рядомъ съ нимъ.

Ольга улыбалась. Улыбка ея была спокойна; ей казалось, что все ею испытанное такъ недавно уже никогда не повторится, что она перешла въ какую-то тихую покойную жизнь — безъ тревогъ, безъ бурь.

Солнце било въ окна и разсыпалось по заламъ радостнымъ блескомъ.

Желтухинъ волновался. Онъ перебѣгалъ отъ одного полотна къ другому, ерошилъ волосы, снималъ и надѣвалъ пенснэ, хваталъ Ольгу за руку,

совершенно забывая, что съ нимъ не старый другъ, а молодая, почти незнакомая дѣвушка.

Но Ольгу это ничуть не смущало. Постепенно она переходила въ чуждый ей дотолѣ, такой необычный міръ красокъ.

Смутно, ощупью, съ недовѣріемъ отдавалась она новымъ впечатлѣніямъ. Быть можетъ, натянутые нервы ея помогали ей впитывать въ себя то, что раньше показалось бы далекимъ.

— Да у васъ есть вкусъ, право, есть вкусъ, — восторгался Желтухинъ и бѣжалъ дальше.

Потомъ неожиданно остановился и, лукаво улыбаясь, посмотрѣлъ на Ольгу.

— А, вѣдь, сейчасъ я вамъ покажу кое-что... Собственно за этимъ я и пришелъ сюда, и вы попались мнѣ очень кстати... Идемъ...

Онъ взялъ Ольгу за руку.

— Если не ошибаюсь, это въ третьей залѣ... ну да... смотрите...

Они остановились передъ большимъ холстомъ въ дальнемъ углу круглой залы.

Выпустивъ руку дѣвушки, Желтухинъ какъ-то особенно любовно смотрѣлъ на картину, радостно кивая головою...

— Вотъ и она... очень удачно ее помѣстили, очень удачно... Здѣсь такъ мало картинъ и такъ уютно. На нее надо смотрѣть тихо одному, задумчиво...

Ольга не отвѣчала. Широко раскрытыми глазами смотрѣла она передъ собою.

Если весь этотъ день — только сонъ, то почему онъ такъ долго снится? Почему часъ за часомъ сегодня ее испытываетъ судьба?

— Николай Герасимовичъ!

Ласковый голосъ отвѣтилъ ей изъ-за спины:

— Что, голубушка?... Хорошо вѣдь!

Но это было страшно, или сладко, или нѣтъ — просто этого не было.

На опаловомъ небѣ бѣлой ночи въ рамкѣ застывшихъ озеръ и смутныхъ призрачныхъ деревьевъ на переднемъ планѣ въ коляскѣ сидѣла женщина. Лошадей и кучера не было на картинѣ — темнѣлъ только кузовъ коляски, а на мягкой скамьѣ, опустивъ голову, сидѣла женщина — въ большой шляпѣ съ черной плерезой, съ алыми розами на колѣняхъ.

Лицо ея не было грустно, но было задумчиво, почти холодны были ея глаза, и улыбались чему-то рогами перевернутаго мѣсяца тонкія губы. Безмѣрная усталость смотрѣла съ картины — усталость и горькое равнодушіе.

Передъ Ольгой была она сама.

— Николай Герасимовичъ, да что же это?

Ольга силилась понять, очнуться. Какъ могло случиться, что съ этой картины смотрѣла она сама, такая, какая она теперь, до ужаса похожая, до ужаса близкая.

Желтухинъ, довольный, потиралъ руки.

— Я зналъ, что васъ поразитъ это. Какое сходство! Вѣдь онъ видѣлъ васъ годъ назадъ — только однажды... Но и тогда его захватилъ вашъ образъ. Тогда же, въ вагонѣ, онъ сдѣлалъ нѣсколько эскизовъ, и тогда же зародилась у него идея этой картины. Теперь онъ въ Парижѣ, но на-дняхъ долженъ пріѣхать сюда. Онъ очень интересовался вами и радъ былъ бы познакомиться.... Но что съ вами? Почему вы такъ поблѣднѣли? Садитесь сюда, вотъ сюда... Ахъ, ты, Господи, я и не подумалъ, что можно устать отъ такой уймы картинъ!...

Желтухинъ теребилъ ея руки, заглядывалъ ей въ глаза. У него былъ виноватый, растерянный видъ, какъ у человѣка, не привыкшаго обращаться съ женщинами.

Ольга отвѣтила почти спокойно:

— Нѣтъ, нѣтъ, Николай Герасимовичъ, это пустяки. Но на сегодня, дѣйствительно, довольно картинъ. Дайте мнѣ руку и идемте отсюда. Картина вашего друга мнѣ нравится: она счастливѣе меня, несмотря на свой тоскливый видъ, но я прошу васъ больше никогда не говорить мнѣ о ней и о... немъ, если хотите быть моимъ другомъ.

Выходя изъ маленькой залы, Ольга не выдержала и оглянулась.

Все такъ же на фонѣ мерцающаго опаловаго неба, дремлющихъ купъ деревьевъ и стальныхъ озеръ, ѣхала въ своей странной коляскѣ безъ кучера и лошадей, усталая, равнодушная «незнакомка» съ алыми, увядающими розами на колѣняхъ, Ольга Оргъ.

XV.

Поистинѣ этотъ день былъ днемъ неожиданностей для Ольги. Такіе дни выпадаютъ въ жизни, когда судьба точно хочетъ испытывать человѣка, точно хочетъ вознаградить себя и его за однообразіе прожитого.

Послѣ осмотра выставки Ольга съ Желтухинымъ поѣхали въ ресторанъ, гдѣ скромно по товарищески пообѣдали въ общей залѣ. Говорили о постороннихъ вещахъ, мало касающихъ ихъ лично, посмѣивались надъ сосѣдями, надъ собою; еще болѣе сдружились и сблизились.

Добродушный Желтухинъ ни разу больше не помянулъ своего друга-художника, ни словомъ не намекая о своемъ недоумѣніи по поводу такого запрещенія со стороны своей новой пріятельницы. Слегка меланхоликъ, добродушный острякъ и резонеръ, лѣнивый, но увлекающійся, съ душой умнаго ребенка, онъ мало походилъ на свои изысканныя новеллы и мастерскіе стихи. Скорѣе его можно было принять за разорившагося барина, пріѣхавшаго въ столицу

проживать съ легкой безпечностью послѣднія крохи. Кто не видѣлъ его за работой, со строгостью и любовью выбирающаго каждое слово, какъ драгоцѣнный жемчугъ въ ожерелье, тотъ могъ бы подумать, что этотъ человѣкъ никогда ни надъ чѣмъ серьезно не задумывался, не зналъ, что такое трудъ.

Его можно было бы принять за очень разсѣяннаго, мало наблюдательнаго — такъ, казалось, равнодушно, однимъ глазомъ, приглядывался онъ къ окружающему. И ни разу не заговорилъ онъ съ Ольгой о литературѣ, о своихъ вещахъ. Онъ точно стѣснялся назвать себя писателемъ.

Даже неразговорчивая Ольга, не стѣсняясь, говорила при немъ о тысячѣ мелочей, какія ей приходили въ голову. Ей напомнило это былые дни ея гимназической поры, когда сравнительно такъ безпечна была ея жизнь.

— Вотъ увидите, мы еще пригодимся другъ другу, — шутя говорилъ Желтухинъ, помогая Ольгѣ выйти изъ саней у подъѣзда ея дома, — я это чувствую... Не спроста мы съ вами уже третій разъ сталкиваемся. Припрячьте-ка вотъ эту карточку — она можетъ вамъ пригодиться — здѣсь мой адресъ. Ну, давай вамъ Богъ!...

Ольга запрятала въ муфту поданный ей картонъ и долго еще кивала вслѣдъ удаляющихся саней, съ которыхъ ей махалъ цилиндромъ Николай Герасимовичъ.

А на поротѣ своей комнаты столкнулась лицомъ къ лицу съ братомъ. Она даже какъ-то не удивилась этой новой неожиданности, только сдвинула брови и плотнѣе сомкнула тонкія губы.

Аркадій даже не потрудился поздороваться.

Онъ подскочилъ къ сестрѣ, сразу начавъ съ повышеннаго тона:

— Кто это съ тобой пріѣхалъ?

Ольга молча прошла мимо него, сняла шубку и начала откалывать шляпку. Потомъ сказала:

— Ты бы поздоровался со мной раньше. Сколько уже не видались?...

Аркадій фыркнулъ, но все же подошелъ къ сестрѣ и небрежно поцѣловалъ ее въ високъ, не вынимая рукъ изъ кармановъ своей кожаной тужурки.

— Пустыя нѣжности, мой другъ! Я пріѣхалъ не цѣловаться, а о дѣлѣ говорить...

И, сѣвъ въ кресло, закинувъ ногу за ногу и закуривъ трубку, продолжалъ:

— Всѣ твои шашни намъ извѣстны. Не думай, пожалуйста, что отецъ и я будемъ смотрѣть на все сквозь пальцы. Достаточно ты насъ срамила!... Говори, кто твой любовникъ?

Отколовъ шляпку, Ольга медленно повернула свое лицо къ брату потомъ посмотрѣла на смятую кровать и брошенный рядомъ растрепанный чемоданъ.

— Эта кровать Раисы. Зачѣмъ ты валялся на ней?

Аркадій вспылилъ еще больше.

— Скажите, пожалуйста! Кровать Раисы! Гдѣ же мнѣ было тебя ждать, пока ты тамъ по гостиницамъ шаталась...

— Аркадій!

— Что Аркадій? Я давно знаю, что меня зовутъ Аркадіемъ... нечего тѣнь наводить! Повторяю, мы все знаемъ. И я пріѣхалъ сюда сказать тебѣ, что отецъ больше не намѣренъ давать тебѣ денегъ, и требуетъ, чтобы ты возвращалась домой. Довольно! Я тоже не позволю, чтобы ты пачкала наше имя... Это чортъ знаетъ, что такое! У насъ только и разговору о тебѣ! Не могу же я всѣмъ рты зажимать...

Медленно поправляя измятую кровать, Ольга откликнулась:

— А что говорятъ о тебѣ съ Варей, о томъ, какъ ты ее бросилъ съ ребенкомъ?

— Это къ чему?

— Да такъ, я спрашиваю... Что говорятъ о папѣ и Клеопатрѣ Ивановнѣ?

Сбитый съ толку, Аркадій простодушно отвѣтилъ:

— Ея не будетъ у насъ, если ты вернешься...

Ольга усмѣхнулась. Она сама удивлялась своему спокойствію. Все еще она чувствовала себя подъ защитой Желтухина.

— Великолѣпно. Значитъ, честь нашей семьи въ моихъ рукахъ?

— Не говори вздора... ты, кажется, забываешь разницу между нами! Кѣмъ ты думаешь стать?

— Кокоткой!

Взбѣшенный Аркадій вскочилъ съ мѣста. Трубка полетѣла въ сторону.

— Ты хуже кокотки! хуже... Ты позоришь старика отца... изъ-за тебя мнѣ совѣстно показаться на улицу. Я экзамена офицерскаго не держалъ изъ-за этого — ни въ какой полкъ меня не примутъ!... Чего ты торчишь здѣсь? Почему ты скрываешь своего любовника?... Кто онъ?... Я заставлю его жениться на тебѣ...

XVI

Отойдя отъ кровати, Ольга перешла въ другой конецъ комнаты къ окну и заглянула на улицу. Въ ея голосѣ чувствовалась рѣшимость, когда она сказала:

— Тише, не кричи, тамъ... за стѣной сидятъ наши хозяева, и ты лишній разъ можешь себя скомпрометировать. Успокойся, вспомни, что когда-то мы были друзьями и умѣли говорить другъ съ другомъ.

Немного охладѣвшій Аркадій отвѣчалъ съ обиженнымъ видомъ:

— Это было давно, — много воды утекло. Все пошло шиворотъ-навыворотъ съ тѣхъ поръ, какъ умерла мама...

Ольга подошла къ брату и положила ему на плечо руку.

— Не вспоминай маму, не надо... Скажи лучше, что вы отъ меня хотите?

— Мы хотимъ, чтобы ты вернулась къ намъ, и назвала бы того мерзавца, который...

— Зачѣмъ такъ сильно? Когда-то такихъ людей ты называлъ молодцами и самъ принадлежалъ къ ихъ числу...

— Вздоръ!

— Нѣтъ, не вздоръ, но не въ этомъ дѣло. Ты назвалъ меня кокоткой, хуже кокотки... Я еще не кокотка; но могла бы ею уже быть по вашей милости... Надо же жить на что-нибудь!

— Папа не можетъ тебѣ высылать денегъ...

— А я не могу жить съ нимъ. Что дѣлать?

— Выходи замужъ!

— За кого?

— За своего любовника. Скажи, — кто онъ?...

— У меня нѣтъ любовника.

— Онъ тебя бросилъ?

Аркадій снова готовъ былъ вскочить. Ольга удержала его:

— Ни онъ меня, ни я его не бросали... Мы разошлись такъ же случайно, какъ и сошлись.... Я охотно назову его тебѣ, но замужъ я за него не пойду, такъ и знай. Но я назову его, чтобы ты хоть разъ немного подумалъ...

— Да ну же, ну...

— Его зовутъ Владиславомъ Ширвинскимъ.

Аркадій схватился за голову.

— Ширвинскій?... Да ты врешь, этого быть не можетъ!... Вѣдь это онъ написалъ мнѣ, что у тебя любовникъ, чтобы я подѣйствовалъ на тебя... Что за чепуха!...

Ольга смѣялась, глядя на бѣснующагося брата. Аркадій выходилъ изъ себя.

— Не ври, Ольга! — кричалъ онъ: — слышишь, не ври! Довольно ты смѣялась надъ всѣми нами Но дудки! если сейчасъ ты не вернешься со мною домой, — отецъ проклянетъ тебя и чтобы мы духу твоего не чуяли! Будетъ! Скажи сейчасъ правду, ты наврала на Ширвинскаго, да?

Ольга, все такъ же смѣясь, отвѣтила:

— Конечно, да!... Я просто пошутила; развѣ могъ Ширвинскій, твой другъ, сдѣлать такую гадость? И притомъ онъ такъ хорошо умѣетъ стрѣлять изъ пистолета... Съ товарищами не дерутся!

— Ольга, молчи!

— Нѣтъ, ты молчи. Я хочу теперь говорить. Передай отцу, что я останусь здѣсь и никуда не поѣду. Что у меня есть любовникъ, но я его не назвала, и ты не могъ спасти незапятнанную честь вашего имени. Скажи ему, что мой любовникъ — мерзавецъ и трусъ, и непорядочный человѣкъ, потому что бросилъ меня и не хочетъ на мнѣ жениться, а я теперь хуже кокотки, потому что не хочу итти за него замужъ и не хочу жить съ любящимъ папашей, съ милымъ братцемъ и уважаемой Клеопатрой Ивановной. Скажи ему, что его воспитаніе и примѣръ не пошли мнѣ въ прокъ, что я испорченная дѣвчонка, не умѣющая быть порядочной женщиной. Скажи ему, что я цѣлую его и прошу меня забыть, какъ онъ забывалъ раньше о томъ, что мнѣ нужно ѣсть, что у меня есть душа. Скажи ему, что я погибла только потому, что была строптива, зла, распущенна, потому что не слушала его добрыхъ совѣтовъ. А теперь можешь уходить. Слышишь, бери свой чемоданъ и уходи, уходи скорѣе!

Ольга почти кричала. Глаза ея вспыхивали, руки дрожали, лицо казалось бѣлѣе оконной рамы. На время смущенный, Аркадій пришелъ въ себя.

— Молчи!

Онъ подошелъ къ сестрѣ совсѣмъ близко. Пѣна выступила у него на губахъ.

— Я убью тебя, если ты еще что-нибудь скажешь!

Въ рукѣ у него появился револьверъ.

Мгновеннымъ движеніемъ Ольга вырвала его.

— Оставь эти фокусы. Вѣдь я тебя знаю. Ты и папа любите это. Не въ первый разъ. Меня не напугаешь, а шуму надѣлаешь и въ тюрьму попадешь. Бери свой чемоданъ и уходи. . .

Она тяжело дышала отъ напряженія, въ которомъ все время находилась. Знакомая слабость охватывала ее. Въ вискахъ стучало.

Аркадій не пытался отобрать свой револьверъ. Онъ не смотрѣлъ въ глаза сестрѣ.

Молча увязалъ чемоданъ и надѣлъ пальто.

Молча, не подымая глазъ, вышелъ изъ комнаты. Съ трескомъ хлопнули за нимъ двери.

XVII

Раиса застала Ольгу сидящей за письменнымъ столомъ и разсматривающей револьверъ. Дѣвушка испугалась. Она подбѣжала къ подругѣ и обняла ее за шею.

— Олечка, Господь съ тобою, что ты дѣлаешь! Откуда это?

Ольга улыбнулась.

— Не бойся. Я только разсматриваю эту вещь... ее оставилъ мнѣ мой братъ, должно быть, какъ выходъ. . .

— Аркадій въ Петроградѣ?

— Да, онъ былъ здѣсь. Просилъ тебѣ кланяться и передать, что твоя кровать ему очень понравилась. Онъ пріѣхалъ спасать мою честь! ты только подумай!

Ольга засмѣялась, глядя на подругу.

— Что же онъ хотѣлъ отъ тебя?

— Чтобы я уѣхала отсюда и вышла бы замужъ.

— А деньги привезъ?...

— Разумѣется, нѣтъ. Достаточно съ меня добрыхъ совѣтовъ... Я прогнала его...

Потягиваясь и протирая глаза, Раиса отвѣтила:

— И хорошо сдѣлала, все равно на нихъ плоха надежда. Давай лучше чай пить, я булокъ отъ Филиппова принесла, совсѣмъ свѣжія. Да убери подальше эту штуку, смерть боюсь разнаго оружія...

Она зажгла лампу, вывалила на тарелку изъ мѣшка булки и пошла заказывать самоваръ.

Ольга все время смотрѣла на нее съ улыбкой. Въ эти минуты ей особенно мила была Раиса. И хорошо, что она такъ просто взглянула на все, что она не стала допытываться, не стала утѣшать. Повѣрила ея словамъ о револьверѣ! Конечно, это было бы глупо. Но иногда приходятъ такія минуты, когда готова сдѣлать такую глупость. Когда кажется, что нѣтъ иного выхода.

Жизнь стала слишкомъ случайной, безсмысленной. Какъ-то даже трудно было желать чего-нибудь. Только быть сытой — вотъ и все. Не ощущать этой постоянной легкости въ желудкѣ и круженія въ головѣ.

Ольга пила чай, говорила съ Раисой, потомъ легла спать и спала тихо, безъ сновидѣній.

На утро, когда хозяйка принесла ей кофе и, поднявъ шторы, пустила въ комнату свѣтъ солнечнаго морознаго дня, Ольгѣ показалось даже, что она вполнѣ счастлива .

Она лежала на кровати, любовалась морозными узорами на окнахъ, медленно пила горячій кофе и мечтала.

Она вспомнила Желтухина, его мѣховое пальто, его старомодный цилиндръ, его добрые глаза изъ-подъ золотого пенснэ, вспоминала отрывки изъ его

разговора и думала, что вотъ теперь у нея есть хорошій другъ, который можетъ помочь въ трудную минуту, и что помощь его легко и не стыдно принять. Думала она и о Скарынинѣ. Онъ тоже казался ей хорошимъ и добрымъ. Онъ любилъ ее, и пріятно было сознавать на себѣ его любовь. Почему его долго не было у нихъ? Надо будетъ позвать его. Не хотѣла думать, но думала она и о той «незнакомкѣ», что ѣхала въ своей коляскѣ на фонѣ озеръ и лѣса съ алыми цвѣтами на колѣняхъ. Особенно ярко горѣли передъ ней эти цвѣты. Какъ странно было видѣть себя и не себя тамъ, на полотнѣ, неподвижную и удаляющуюся... Свое будущее, свое настоящее или только фантазію художника...

Художника... нѣтъ, о немъ она не должна думать. А то, быть можетъ, она захочетъ познакомиться съ нимъ и... Что она ему тогда скажетъ? Что любитъ его, что ждала его долго, что отдалась другому безъ любви, ожидая его, что вотъ живетъ теперь, не зная, зачѣмъ живетъ... Да полно! Его ли ждала, его ли любитъ? А вдругъ не тотъ, не онъ; онъ, но не онъ, какъ она не она на той картинѣ... Слишкомъ много пройдено, много выстрадано, страшно прійти къ цѣли. Пусть она не знаетъ ни его имени, ни того, какой онъ теперь и гдѣ живетъ. Пусть только взглядъ его останется въ памяти.

А она выйдетъ за Скарынина или пойдетъ къ Мозовскому, къ Ширвинскому. Если нѣтъ труда, обезпечивающаго существованіе нужно какъ-нибудь устроиться, пойти на компромиссъ, а потомъ любить, пока любится, пока молода, красива, пока есть силы...

Тотъ пусть останется, какъ мечта, какъ ладанка, которую носятъ на груди... Потому что, какъ жить, когда любишь по-настоящему? Этого никто

не знаетъ... какъ не загубить свою любовь, какъ *вѣрить* до конца своей любви?...

Но почему страшно прямо стать звѣремъ, брать и отдавать, и забывать о прошломъ?...

Почему страшно не страхомъ передъ людьми, а передъ собою?

XVIII

Какъ-то вечеромъ зашелъ къ подругамъ Скарынинъ.

Пришелъ онъ блѣдный, осунувшійся, видно много продумавшій за это время. Съ тревогой и вопросомъ взглянулъ онъ на Ольгу и сейчасъ же просіялъ, засуетился, когда увидѣлъ ея отвѣтный ободряющій взглядъ.

Ольга тоже недаромъ прожила эти дни. Она все яснѣе и яснѣе видѣла передъ собой единственный выходъ изъ этой жизни.

Все рѣшительнѣе приходила она къ выводу, что впустую хотѣла устраивать свою жизнь по-своему, что, видно, итти ей по пути своей матери и бабки — нужно становиться женой и хозяйкой. Лишь бы была охота, а научиться этому не трудно.

Пусть у нея нѣтъ вѣры въ то, что такъ должно, что иначе быть не можетъ, что это — единственно достойное призваніе женщины, но развѣ нужны оправданія, когда просто человѣкъ усталъ и будетъ радъ тихой пристани.

Достаточно взять себя въ руки и исполнять роль жены и хозяйки безъ вѣры, но съ чувствомъ необходимости, какъ исполняешь свое дѣло на службѣ. Право, это не такъ трудно, хуже итти на содержаніе, гдѣ нѣтъ уже ничего кромѣ купли и продажи, гдѣ слишкомъ явно выпираетъ отовсюду грязь, только животное.

И потомъ она можетъ выполнить эту задачу, потому что Скарынинъ далеко не противенъ ей. Она стосковалась по немъ за эти дни. Стосковалась по его взволнованному голосу, по его любящему взгляду, по его маленькой, круглой стриженой головѣ... въ которой бродитъ столько мыслей о ней.

Когда она увидала его на порогѣ своей комнаты, она не могла даже удержать себя отъ радостнаго вскрика и поспѣшно поднялась ему навстрѣчу.

Она протянула ему обѣ руки и заглядывала участливо въ глаза съ правомъ женщины, знающей твердо свою власть надъ человѣкомъ.

Раиса вскорѣ ушла, улыбающаяся и догадливая, и они остались вдвоемъ.

Они сѣли рядомъ на диванъ, и первая заговорила Ольга, вызывая Скарынина на откровенность, заставляя его безъ обиняковъ сознаться въ своемъ недовольствѣ.

Радостный и смущенный, давно простившій онъ смотрѣлъ на нее сіяющими глазами. Онъ еще не говорилъ послѣдняго слова, но Ольга чувствовала, что это слово дрожитъ на его губахъ, что только его хотѣлъ бы онъ повторять тысячу разъ.

И, полная нѣжности къ этому мальчику (она казалась въ эти мгновенія гораздо старше его), захваченная его чувствомъ, его восторгомъ, Ольга приподнялась и, схвативъ его голову въ руки, прижала ее къ своимъ губамъ.

— Хорошій мой, дорогой...

Потомъ упала на подушки дивана и заплакала.

Она сама не знала, откуда пришли эти слезы, но противиться имъ не могла.

Они смочили ей все лицо, руки, кожаную подушку дивана, — такъ были обильны, съ такой силой хлынули изъ глазъ.

Скарынинъ склонился надъ ней, взволнованный до глубины души ея горемъ. Онъ шепталъ испуганно:

— Ольга Виталіевна, Оля, что съ вами, что съ тобой? Не надо плакать, успокойся... Ты вѣдь согласна, ты любишь меня, ты будешь моей женой, мы уѣдемъ отсюда... Боже, какъ я люблю тебя!

Онъ бормоталъ безсвязанныя слова, приходя въ отчаяніе отъ ея слезъ и торжествуя.

Наконецъ, она смогла приподняться. Онъ обнялъ ее и, не выпуская изъ рукъ, сталъ цѣловать ея мокрое лицо, глаза, волосы.

Она прошептала чуть слышно:

— Оставь меня одну... не сердись, до завтра...

Онъ хотѣлъ возражать. Но она смотрѣла на него съ нѣмой просьбой.

Тогда онъ тихо всталъ, поцѣловалъ ее въ лобъ и поспѣшно вышелъ.

Она лежала неподвижно до тѣхъ поръ, пока не захлопнулись парадныя двери. Глаза ея высохли, скользя по потолку.

Потомъ она вскочила съ дивана, наколола шляпку, надѣла шубку, взяла муфту и выбѣжала на улицу.

Безвѣтрянная морозная ночь трескала серебрянымъ снѣгомъ по крышамъ далекихъ домовъ и пустыннымъ улицамъ. Особенно чистое, бодрое небо куталось въ розовой паръ. По матовому неподвижному свѣту, льющемуся откуда-то сверху, можно было догадываться о лунѣ.

Ольга на минуту пріостановилась у подъѣзда, потомъ уже, не оглядываясь, пошла впередъ.

Ей хотѣлось остаться одной, понять свое настроеніе, объяснить свои слезы. Такъ недавно еще она была покойна, почти счастлива. Что встревожило ее? Только нервы или что-нибудь еще? Она прислушивалась къ себѣ: сердце непонятно ныло. Но что, что? Что его тревожило.

Она — невѣста Скарынина. Она, наконецъ, у тихой пристани. Она должна будетъ исполнять свои обязанности и найдетъ покой и любовь.

Ну, да вотъ это... Конечно, она не скроетъ отъ жениха своего прошлаго, но не въ этомъ печаль. Онъ любитъ, онъ проститъ... Но какъ она будетъ скрывать долгіе годы, всю жизнь, что она не настоящая жена, не настоящая мать? Какъ выдержитъ она это, безъ вѣры, безъ чувства непреложности существующаго? Какъ она воспитаетъ своихъ дѣтей, что скажетъ имъ, на какой путь направитъ, если она не знаетъ, гдѣ путь, гдѣ должное? Не быть матерью, будучи женой?... Ради чего притворяться, варить обѣдъ, устраивать квартиру, вить гнѣздо...

О, Боже мой, какъ невыносимо все это!

Ольга остановилась, не зная, что́ съ собой дѣлать. Къ ней приближались какіе-то люди. Она побѣжала снова. Ее пытались нагнать, что-то кричали, смѣялись.

Замороженный, скованный снѣгомъ и льдомъ Петроградъ хотѣлъ быть страстнымъ. Въ ресторанахъ играла музыка, по улицамъ маялись проститутки.

Конечно, легче итти на содержаніе. Если здѣсь грязь, то нѣтъ ежедневнаго безконечнаго ужаса обмана.

Какъ нужно любить, какъ нужно вѣрить въ необходимость семьи, чтобы имѣть силы создать ее и жить въ ней. Не достаточно желанія, не достаточно любви къ мужу...

Мама знала что-то, мама вѣрила, мама могла страдать...

Мама, мамочка...

Опять слезы застали глаза. Больно стало рѣсницамъ, — слезы замерзали на нихъ.

Мама, научи, куда итти, чему вѣрить?

— Сударыня, я готовъ къ вашимъ услугамъ...

Ольга вздрогнула. Предъ ней стоялъ какой-то господинъ. Она хотѣла бѣжать, крикнуть. Но неожиданно пришло спокойствіе. Нащупала въ муфтѣ карточку Желтухина и, подойдя къ фонарю, прочла адресъ.

— Вы проводите меня на Каменноостровскій...

Незнакомецъ молча поклонился. Какъ видно, онъ не ожидалъ такого оборота дѣла, но голосъ Ольги звучалъ такъ сухо, такъ рѣшительно, что онъ не могъ отказаться.

И все время, пока Ольга шла съ этимъ человѣкомъ, она молчала и о чемъ-то упорно думала.

XIX

Желтухинъ сидѣлъ въ кабинетѣ своей маленькой холостой квартиры. По ночамъ онъ не работалъ, но любилъ сидѣть за интересной книгой или править свои старые стихи, или рыться у себя въ библіотекѣ и среди рукописей. Такъ онъ, бывало, короталъ всю ночь.

Иногда онъ отпивалъ маленькими глотками мадеру и заѣдалъ бисквитомъ. Онъ очень любилъ мадеру и бисквиты, это была его слабость . Кромѣ того, любилъ онъ живые цвѣты, книги и старинную мебель. Маленькій, очень маленькій кабинетъ его былъ весь заставленъ столиками, стульями, диванами, по стѣнамъ тянулся сплошной шкапъ съ книгами, висѣли гравюры, а на столахъ среди старинныхъ табакерокъ, ящичковъ, часовъ, расцвѣтали ландыши, орхидеи, азаліи...

Начисто выбритый, со строго расчесаннымъ боковымъ проборомъ густыхъ длинныхъ, въ скобку стриженныхъ каштановыхъ волосъ, пахнущій какими-то нѣжными дѣвическими духами, въ мягкомъ полосатомъ «пижамо» и лакированныхъ туф-

ляхъ, Желтухинъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ и читалъ Готье, когда услыхалъ звонокъ.

Удивленно онъ взглянулъ на фарфоровые часы, стоящіе на выступѣ камина. Шелъ уже второй часъ ночи.

Тогда онъ поднялся и, отложивъ книгу, прошелъ темными комнатами въ переднюю. Лакей спалъ, и хозяинъ рѣшилъ не будить его.

Вспыхнулъ матовый свѣтъ электрической лампочки, звякнула цѣпочка, и въ распахнутой двери Желтухинъ увидѣлъ Ольгу.

— Можно къ вамъ?

— Пожалуйста...

Онъ не разспрашивалъ ея, не удивлялся, но по ея лицу онъ понялъ, что она взволнована. Сѣрые глаза его ласково смотрѣли на нее.

Онъ помогъ ей скинуть шубку и провелъ въ кабинетъ, гдѣ горѣла только маленькая переносная лампа подъ зеленымъ абажуромъ у его кресла.

Матовымъ золотомъ блестѣли переплеты книгъ со стѣнъ и стекло рюмки съ недопитой мадерой.

Онъ усадилъ Ольгу въ кресло, а самъ сѣлъ рядомъ на стулъ съ любезнымъ видомъ хозяина, встрѣчающаго званаго гостя.

— Мои окна расписалъ морозъ, должно быть, холодно на улицѣ. Хотите выпить мадеры, чтобы согрѣться?

Нѣтъ, она отказалась отъ мадеры и сидѣла тихо вся уйдя въ глубину кресла, согрѣтая уютомъ комнаты, слегка опьяненная запахомъ цвѣтовъ.

Ей не хотѣлось говорить, и она чувствовала, что не нужно оправдываться за свой поздній визитъ передъ этимъ добродушнымъ человѣкомъ.

Все тише становилось на душѣ отъ полумрака, отъ теплоты, отъ мирно развернутой на столѣ книги.

— Хотите, я вамъ почитаю что-нибудь?

— Ахъ, да, да, пожалуйста... Вотъ эту книгу...

— Это Готье, французскій поэтъ, вы понимаете по-французски?

— Нѣтъ, немного, но все равно, читайте...

Онъ открылъ наудачу первое стихотвореніе и сталъ читать медленно, пѣвуче:

«Adieu, puisqu'il le faut, adieu belle nuit blanche...»

Она не разбиралась въ словахъ, слышала только ихъ музыку, и отъ этого хотѣлось уйти какъ можно глубже въ уголъ кресла, свернуться клубочкомъ, какъ бывало въ дѣтствѣ, не шелохнуться и грезить.

Когда онъ замолкъ и посмотрѣлъ на нее сквозь свое золотое пенснэ, она улыбнулась ему, какъ старому-старому другу, и, протянувъ руки, удержала его большую, теплую ладонь.

— Какой вы славный. И какъ хорошо вы дѣлаете, что ни о чемъ не спрашиваете меня. Я ворвалась къ вамъ ночью, а вы посадили меня въ кресло и читаете мнѣ стихи... Это, можетъ быть, даже смѣшно немножко, но это хорошо, право, хорошо... И хорошо то, что я для васъ не женщина, а вы для меня не мужчина... Съ братомъ я не могла бы такъ говорить, какъ съ вами... А вамъ я скажу... Мнѣ было очень тяжело, я запуталась, а вотъ пришла къ вамъ — и стало легче... Знаете, вѣдь я невѣста?

— Невѣста?

— Да, я выхожу замужъ за хорошаго, добраго человѣка, любящаго меня... Онъ тоже нравится мнѣ...

Она замолкла, выжидая, молчалъ и Желтухинъ, но по лицу его она догадалась, что онъ удивленъ.

— Вамъ кажется страннымъ, почему же я запуталась, почему мнѣ тяжело... Да?...

— И да, и нѣтъ — я почти не знаю васъ...

Тогда она стала говорить. Она передала ему всѣ свои думы, всѣ сомнѣнія, передала ему все, что волновало ее такъ долго. Она разсказала ему про

мать свою, отца, брата, про свою гимназическую жизнь, по подругъ своихъ: она точно впервые сама себѣ открывала книгу своего прошлаго и спѣшила перелистывать страницу за страницей. Она только молчала о немъ, о томъ, чей портретъ, быть можетъ, хранился въ этой комнатѣ, чей голосъ еще недавно — какъ знать? — звучалъ здѣсь. Она не скрыла и своего паденія и смерть Васи. Она съ ожесточеніемъ обнажала свою душу, ища чего-то и въ себѣ и въ другихъ, не находя, и снова пытаясь найти.

Точно птица, бьющаяся о желѣзные прутья клѣтки, — чѣмъ больнѣе, тѣмъ упорнѣй.

XX

Ровно — не убывая, не разгораясь — разливала вокругъ зеленоватый свѣтъ электрическая лампа; мирно лежала раскрытая книга съ алмазными строками Готье; матовымъ золотомъ сверкала мадера въ граненой рюмкѣ; истомно дышали цвѣты и вслѣдъ за шагами морозной ночи за стекломъ отсчитывали время золотыя стрѣлки фарфоровыхъ часовъ на каминѣ.

Теперь говорилъ Желтухинъ, а Ольга молчала, съ шелковой подушкой на колѣняхъ, съ тонкими руками, вытянутыми на ней.

— Такъ, такъ... да, да... Все, что вы мнѣ сейчасъ говорили, знакомо мнѣ... Я не зналъ только, что уже пришелъ часъ, когда объ этомъ заговорятъ дѣти... Конечно, это нужно было ожидать, иначе быть не могло. Мы въ тупикѣ, нужно какъ-нибудь иначе устраивать свою жизнь. Старое умерло, умерла сущность его; развалилась и его оболочка. Семьи у насъ нѣтъ, нѣтъ даже сознанія необходимости ея, несмотря ни на что... Не изъ-за чего страдать... Да, я понимаю васъ... **не изъ-за чего страдать...** Еще ваша мать могла это, она не лома-

ла себя, она покорялась неизбѣжному, она не понимала иначе любви, но разумнаго въ семьѣ ея уже не могло быть, логика ушла, остались одни лишь завѣты. Завѣты дороги лишь тѣмъ, кто выросъ на нихъ. Для васъ они не нужны. Казалось бы, какъ легко жить — нѣтъ долга, нѣтъ обязанностей, освященныхъ традиціями семьи, общественнымъ мнѣніемъ, все дозволено, лишь бы дать женщинѣ ту же возможность существованія, что и мужчинѣ... И вотъ пришло самое страшное... Какъ уберечь любовь, какъ любить?... Раньше были оправданія пошлости — семья, бракъ — теперь нѣтъ оправданія, нѣтъ прощенія убивающимъ любовь, забывающимъ душу. Все можно и ничего нельзя... Напрасно радовались, напрасно упивались виномъ... Мы стали банкротами... Нѣтъ ничего, что съ насъ не взыщется. Свободная любовь — какъ пошло звучитъ теперь это... Увы, мы не звѣри, и горько похмелье страсти... Бѣдная дѣвочка — вы не единственная, но какъ тяжело вамъ... Что посовѣтовать? Чему научить?... Я бы сказалъ: не любите, живите для себя... Но вы молоды, красивы, вамъ нужно жить, и каждый разъ ваша страсть будетъ вамъ мукой, новой болью... А выйдя замужъ, вы замучите мужа, замучите себя, исковеркаете своихъ дѣтей... Дѣти... Какъ больно это, но мы, русскіе, меньше другихъ народовъ любимъ своихъ дѣтей... Меньше всего мы думаемъ о нихъ — они растутъ у насъ, какъ сорная трава при дорогѣ, поэтому и горько намъ, русскимъ, и мечемся мы, и строимъ свою жизнь съ перваго шага каждый по-своему. Поэтому больнѣе бьетъ насъ жизнь по открытымъ ранамъ. Сколько силъ уходитъ на это...

Желтухинъ снова подошелъ къ Ольгѣ и взялъ ея руки.

— Простите меня, я зафилософствовался... проклятая привычка... А вы сидите тутъ и слушаете

меня... и лицо у васъ такое тихое, точно наяву вы видите сны...

— Нѣтъ, я думаю о той «незнакомкѣ» на выставкѣ — она тоже такая...

— Но вѣдь это — вы... Художникъ лучше понялъ васъ, чѣмъ я...

И вдругъ, конфузясь и робѣя, онъ спросилъ:

— Скажите, вы вѣдь любите кого-нибудь, не жениха вашего, а другого...

Точно ожидая этотъ вопросъ, Ольга отвѣтила:

— Да, я люблю вашего друга...

Она впервые громко произнесла свою тайну, и такими странными показались ей эти слова. Точно впервые она навсегда закрѣпляла за собою право говорить это. И сидѣла съ широко раскрытыми глазами, отражающими холодный свѣтъ лампы, съ усталымъ-усталымъ лицомъ, съ руками, безпомощно закинутыми на подушку.

Желтухинъ растерянно повторялъ за нею:

— Моего друга... кого же?

И сейчасъ же, точно озаренный какою-то мыслью, почти крикнулъ:

— Художника? Но почему же вы ни разу не спросили о немъ? Точно бѣжали отъ него? Нѣтъ, не то... конечно, конечно... Боже мой, какъ жестока любовь... Но все же зачѣмъ такъ себя мучить... Если бы я зналъ — вѣдь онъ сегодня еще былъ у меня... Мы говорили съ нимъ о его картинѣ, говорили о васъ...

Ольга вскрикнула. Она все шире и шире раскрывала свои глаза въ то время, какъ говорилъ писатель, и теперь вытянулась, приподнявшись въ креслѣ, и вскрикнула...

Потомъ безпомощно опустилась головою внизъ.

XXI

Ольгинъ обморокъ былъ дологъ и мучителенъ. Сначала она стонала, точно уплывая куда-то и желая остановиться, удержаться на мѣстѣ, хваталась за ручки кресла. Потомъ затихла, окоченѣла, перестала дышать.

Растерянный Желтухинъ не могъ нащупать пульсъ, расплескивалъ воду, подносилъ ей къ носу вмѣсто нашатыря — духи. Наконецъ, выбившись изъ силъ, перенесъ Ольгу къ себѣ въ спальню на кровать и, разбудивъ лакея, послалъ за докторомъ.

Волнуясь, онъ ходилъ по комнатамъ и то тушилъ, то зажигалъ электричество.

Заслышавъ шаги, кинулся въ переднюю, умоляя доктора поторопиться.

Наконецъ, гостья его пришла въ себя. На щекахъ проступилъ румянецъ, губы первыми улыбнулись жизни. Докторъ долго осматривалъ и отстукивалъ больную. Озабоченный, пошелъ въ кабинетъ къ Николаю Герасимовичу; удивленно разводилъ руками.

— Кто она?

— Барышня, изъ интеллигентной семьи, окончила гимназію...

Но все говорило за то, что эта барышня давно уже голодаетъ — весь организмъ изнуренъ, нервная система надорвана, сильное малокровіе — явные признаки недоѣданія, частыхъ голодовокъ.

Эскулапъ пожималъ плечами — это было выше его пониманія.

Писатель кивалъ головой. Его сводили съ ума нахлынувшія на него со всѣхъ сторонъ мысли объ Ольгѣ.

Она заснула въ нимбѣ своихъ каштановыхъ волосъ на его подушкѣ, на которой никогда не покоилась женщина, а онъ сидѣлъ надъ нею, не смыкая глазъ, весь остатокъ ночи.

Только въ два часа дня Ольга проснулась. Сонъ укрѣпилъ ее, она чувствовала себя бодрой.

Желтухинъ спалъ, склонившись на спинку стула.

Ей жаль было будить его, и она лежала неподвижно, полная благодарности къ этому человѣку.

Сквозь желтыя занавѣси свѣтъ проникалъ едва въ спальню.

Широкая орѣховаго дерева старинная кровать, такая же шифоньерка съ наклоненнымъ движущимся зеркаломъ, два стула, коврикъ и орѣховая же овальная рама на стѣнѣ съ портретомъ самого хозяина — юношей, въ бѣлыхъ откидныхъ воротничкахъ и съ пухлымъ ртомъ.

На ципочкахъ подошелъ къ дверямъ лакей. Скрипнула половица. Желтухинъ задвигался и открылъ глаза. Безъ пенснэ онъ плохо видѣлъ и смѣшно щурился. Потомъ поднялся со стула, боясь взглянуть въ сторону Ольги.

— Доброе утро, Николай Герасимовичъ!

— Доброе утро, доброе утро... только лежите и не шевелитесь... вамъ нуженъ полный покой. Я уйду кое-зачѣмъ, а вы почитайте...

Онъ поднялся открывать занавѣсъ, но она воспротивилась.

Ей хотѣлось встать и во что бы то ни стало ѣхать домой. Что думаетъ Раиса! Какъ безпокоится...

Напрасно онъ уговаривалъ ее, — она стояла на своемъ.

Черезъ полчаса они уже ѣхали на извозчикѣ къ дому, гдѣ жила Ольга. Молчали или говорили о пустякахъ. Ни одинъ изъ нихъ не вспоминалъ прошедшей ночи — точно ея и не было, точно они только что встрѣтились.

Дома ихъ ждали обезпокоенные Раиса и Скарынинъ.

Скарынинъ пришелъ сегодня очень рано. Онъ не могъ оставаться одинъ. Онъ не спалъ всю ночь, думая объ Ольгѣ; не давалъ спать Сережѣ, котораго, такъ же, какъ Ольга Желтухина, встревожилъ вчера очень поздно. Ему хотѣлось поскорѣе увидѣть свою невѣсту, чтобы еще разъ сказать ей о любви. Теперь она казалась ему недосягаемой и высокой. Ея страданія, которыя онъ чувствовалъ, дѣлали ее святою.

Раиса очень удивилась, не заставъ Ольгу дома. Заснувъ усталая, на утро она еще болѣе забезпокоилась. Спрашивала хозяйку, что случилось. Но та не слыхала даже, когда Ольга ушла.

У старухи явились подозрѣнія, не ушла ли Ольга со Скарынинымъ... Вѣдь эти дѣвчонки — шалыя головы!

Но когда Скарынинъ пришелъ и началъ разспрашивать объ Ольгѣ, сказавъ, что она его невѣста, — хозяйка сразу перемѣнила свое мнѣніе и стала рисовать всякіе ужасы.

Раиса скрыла отъ жениха ночное исчезновеніе Ольги. Сказала только, что она недавно ушла и вотъ — пропала.

Такъ они сидѣли, перебрасываясь отрывочными фразами, и ждали. Наконецъ, Ольга и Желтухинъ позвонили у двери. Желтухинъ попросилъ позволенія войти въ квартиру.

Ему хотѣлось познакомиться съ Ольгиной хозяйкой и Раисой.

Кстати онъ познакомился и со Скарынинымъ, котораго видалъ въ кабачкѣ, но не былъ представленъ.

Писатель нашелъ комнату очень удобной и сдѣлалъ нѣсколько лестныхъ замѣчаній тающей хозяйкѣ.

— Я хорошій знакомый Ольги Виталіевны — мы съ ней старые друзья, — сказалъ онъ.

Его цилиндръ и мѣховое пальто произвели впечатлѣніе на старуху. Она кланялась и благодарила.

Посидѣвъ немного, Ольга попросила оставить ее вдвоемъ со Скарынинымъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ нимъ, — заявила она, — и я хотѣла бы сдѣлать это сейчасъ... Анна Ивановна не откажетъ вамъ, Николай Герасимовичъ, и Раисѣ посидѣть пока у нея...

Хозяйка, конечно, ничего не имѣла противъ, но Желтухинъ предложилъ Раисѣ пройтись:

— Сегодня очень мягкая славная погода. Нужно пользоваться, — увѣрялъ онъ.

XXII

Когда Раиса вернулась, Скарынина уже не было.

Ольга сидѣла за столомъ и перебирала какія-то бумаги.

Лицо у нея было блѣдное, какъ и утромъ (обморокъ все-таки чего-нибудь стоилъ), но спокойное и рѣшительное.

— Гдѣ же Скарынинъ? — спросила она, сваливая на столъ цѣлый ворохъ разныхъ пакетовъ.

— Онъ ушелъ...

— Скоро вернется?

Раиса во всѣ глаза смотрѣла на подругу.

— Ахъ, да не спрашивай ты! Ну, придетъ, не придетъ, почемъ я знаю!... Ты лучше скажи, откуда у тебя все это?

Раиса замялась, потомъ, хитро прищурившись, отвѣтила:

— Богатой стала, вотъ и купила. Здѣсь лѣкарство тебѣ, масло, булки, ветчина, кефиръ, цѣлая уйма вкусныхъ вещей...

Уже догадываясь, въ чемъ дѣло, Ольга прикрикнула:

— Не дури, Райка... говори толкомъ!

Тогда обинякам Раиса разсказала, что говорилъ ей Желтухинъ, какъ онъ узналъ объ ихъ голодовкахъ, какъ самъ до всего додумался и вмѣстѣ съ нею пошелъ покупать все это. Право, она ничего не говорила ему, потому что онъ все зналъ безъ нея. И не нужно сердиться... Не нужно пренебрегать такими людьми. Надо же что-нибудь дѣлать, чтобы не умереть съ голоду. У Ольги слишкомъ много фантазій, а съ ними далеко не уѣдешь.

Раиса еще долго заступалась за Желтухина, а Ольга слушала ее и улыбалась.

— Да я и не думаю злиться, — наконецъ, сказала она, — откуда ты взяла?... Онъ очень славный. Его помощь только пріятна.

Раиса чуть не прыгала отъ радости.

— Ну вотъ молодецъ, Ольга, вотъ люблю!...

Хозяйка принесла яичницу. Старуха была очень внимательна. Она присѣла на стулъ рядомъ съ дѣвушками, красная отъ жара плиты, долго говорила о томъ, какъ полезно кушать яйца, и можно было подумать, что она такъ всегда заботливо относилась къ своимъ жиличкамъ.

Когда, наконецъ, она ушла, Раиса спросила Ольгу:

— Нѣтъ, ты мнѣ все-таки скажи, что со Скарынинымъ. Я чувствую, у васъ съ нимъ опять неладно...

Ольга отвѣтила спокойно:

— Я отказала ему. Я сказала, что не гожусь въ жены.

Раиса всплеснула руками:

— Ахъ, Боже мой! А онъ что же?...

Ольга молчала. Потомъ, отойдя къ окну и глядя на морозные узоры, отвѣтила:

— Онъ казался такимъ несчастнымъ, когда уходилъ...

— Ну, я думаю. Это чортъ знаетъ, что такое!... Это безсовѣстно, безчеловѣчно!... Такъ нельзя играть съ людьми... О чемъ ты думаешь, Ольга?

Не поворачиваясь, Ольга прошептала:

— Если бы ты знала, о чемъ я думаю...

И больше не прибавила ни слова.

Смотрѣла на искристые цвѣты въ окнѣ и молчала. Раиса тоже принуждена была замолчать и, разстроенная, раздосадованная, легла на кровать.

Вечеромъ опять заглянулъ Желтухинъ.

Онъ принесъ мадеру и бисквиты, и объявилъ, что останется у барышень весь вечеръ — такъ понравилась ему ихъ комната. Онъ старался быть веселымъ и оживить всѣхъ. Заставилъ хозяйку приготовить ему ужинъ «по его вкусу», самъ помогалъ ей, а хозяина упросилъ играть на віолончели и восторгался его игрой.

Раиса смѣялась до-упаду. Ольга улыбалась.

Потомъ писатель отвелъ Ольгу въ сторону и просилъ серьезно его выслушать.

Она крѣпко пожала ему руку, безъ словъ благодаря за его заботы о ней.

Онъ смутился, покраснѣлъ, сталъ поправлять пенснэ и, наконецъ, сказалъ, что все это глупости. Что нужно устроиться иначе и надолго. Разсказалъ, что нашелъ ей другую комнату — съ пансіономъ, гдѣ она будетъ пользоваться всѣми нужными удобствами, и не станетъ забывать ѣсть, какъ она это дѣлала здѣсь. — Барышни готовы питаться однимъ хлѣбомъ, чтобы имѣть возможность купить лишнюю ленту, — добавилъ онъ, смущенно посмѣиваясь: — и ихъ нужно лишать этой возможности. — Кромѣ того, пусть не думаетъ Ольга, что онъ старается даромъ, — нѣтъ, она будетъ служить въ одной редакціи, гдѣ ей дадутъ мѣсто, и, кромѣ

того, онъ бы попросилъ ее пока вести корректуру его книги, выходящей на этихъ дняхъ.

— Я думаю, вашъ женихъ ничего не будетъ имѣть противъ этого? — нерѣшительно спросилъ онъ.

— У меня уже нѣтъ жениха, — я отказала ему!

У Желтухина вырвалось почти радостно:

— Ахъ да, тѣмъ лучше!... — и сейчасъ же онъ добавилъ, извиняясь: — у васъ теперь будетъ больше времени — вотъ что я хотѣлъ сказать... Хотя вообще все бываетъ къ лучшему...

Ольга печально отвѣтила:

— Богъ вѣсть!... Я вспугнула бѣднаго мальчика, а какъ знать, могу ли я жить одна... могу ли работать...

Тогда, точно набравшись рѣшимости, быстро заговорилъ Желтухинъ:

— Конечно, можете; конечно, будете счастливы; конечно, туманъ разсѣется и выглянетъ солнце!... Зачѣмъ унывать, зачѣмъ пугать себя химерами... Не бойтесь и только вѣрьте; не бойтесь разочарованій... надо только вѣрить, вѣрить и вѣрить, и жизнь будетъ имѣть смыслъ. Я познакомлю васъ съ моимъ другомъ. Нѣтъ, не возражайте. Онъ дѣйствительно хорошій, удивительный человѣкъ и знаетъ васъ, хотя и не знакомъ съ вами.

И, цѣлуя ей руки, онъ добавилъ, точно молилъ о любви:

— Такъ вы согласны? — скажите...

Съ сильно бьющимся сердцемъ, съ пылающими щеками Ольга отвѣтила едва слышно, какъ возлюбленному:

— Да, да, согласна... Только не сейчасъ... я напишу вамъ, мнѣ слишкомъ страшно...

XXIII

Дни шли за днями и вытягивались въ длинную непрерывную нить жизни. Собственно не такъ ужъ много дней уплыло, но тѣ измѣненія, которыя произошли вокругъ Ольги и въ ней самой, дѣлали представленіе о времени болѣе длительнымъ. Человѣкъ никогда не вѣритъ календарю.

Ольга переѣхала въ другую комнату, тоже на Петроградской сторонѣ.

Комната эта была значительно больше, и мебель была здѣсь новѣе. Подавала обѣдъ молодая горничная въ бѣлой наколкѣ и кружевномъ передникѣ; хозяева, мужъ и жена, — оба молодые.

По вечерамъ и мужъ, и жена любили играть. Онъ — на скрипкѣ, она — на піанино, и это у нихъ выходило недурно.

Въ первый день у Ольги отпраздновали что-то въ родѣ новоселья.

Опять, извиняясь, краснѣя и поправляя въ смущеніи пенснэ, притащилъ Желтухинъ всякой всячины; пришла Раиса съ Левитовымъ.

Желтухинъ уже раньше былъ знакомъ съ хозяиномъ. Тотъ познакомилъ всѣхъ со своею женой. И сейчасъ же устроилось что-то въ родѣ вечеринки. Молодые хозяева играли, Левитовъ пѣлъ; вслѣдъ затѣмъ упросили пѣть и Раису. Желтухинъ пришелъ въ восторгъ отъ ея голоса и за это долженъ былъ прочесть свои стихи...

Ольга опять стала веселой и оживленной. Она даже протанцовала вальсъ съ Левитовымъ. Но больше всѣхъ все-таки радовался Желтухинъ.

Такъ свѣтло началась новая жизнь Ольги въ новой квартирѣ.

Ольга быстро поправлялась; исчезла слабость, не кружилась больше голова, только румянецъ еще проступалъ едва замѣтно, ночами она не могла подолгу заснуть.

Мѣста въ редакціи еще не нашлось, но на столѣ у Ольги лежала корректура новой книги Желтухина.

Работа эта была легкая, почти излишняя, такъ какъ писатель самъ просматривалъ листы, но Ольга исполняла ее съ удовольствіемъ.

О художникѣ ни она, ни Желтухинъ больше не заговаривали. Ольга молчала, молчалъ изъ скромности и Николай Герасимовичъ.

Думала о немъ Ольга ночами, когда приходила безсонница. Днемъ она даже не могла бы объяснить, что это были за думы. Днемъ ее снова охватывалъ страхъ, и она откладывала рѣшительный отвѣтъ на послѣ.

Но все же въ глубинѣ души она знала, что рано или поздно свиданіе ея состоится, что она не сможетъ отказаться отъ него. Все-таки она была женщиной; любопытство брало верхъ надъ страхомъ. Она чувствовала, что это была ея послѣдняя ставка, и сердце ея бѣшено билось. Она закрывала глаза на будущее, чтобы острѣе чувствовать соблазнъ, — онъ вѣдь замѣнялъ ей всѣ радости...

О Скарынинѣ она ни разу не вспомнила, — такъ эгоистична была ея жажда жить.

Разъ только, увидавъ револьверъ брата, подумала она о томъ, какъ далеки ей теперь всѣ когда-то близкіе...

Но судьба точно хотѣла испытывать ее. Мы всегда приходимъ въ тѣ мѣста, откуда вышли; рѣдко мы навсегда теряемъ тѣхъ, кого знали раньше, — свѣтъ такъ малъ, такъ ограничена наша жизнь.

Какъ-то вечеромъ пришла къ Ольгѣ Раиса со своимъ неизмѣннымъ Левитовымъ. А съ ними еще трое. Ихъ даже Ольга и не узнала въ сумеркахъ. Двѣ женщины и мужчина. Они всѣ смѣялись и кланялись и никто ничего не говорилъ. Хотѣли устроить сюрпризъ.

— Да вѣдь это ты, Ленка!

Одна изъ женщинъ кинулась Ольгѣ въ объятія.

— Ну да, конечно, дурочка. Ну да, это я!

Вслѣдъ за нею бросилась другая.

— Олечка, милая, ненаглядная моя...

— Маня? вотъ удивили!...

Онѣ стояли всѣ трое вмѣстѣ въ полутемной передней, держась за руки, — три школьныхъ подруги, — и смотрѣли другъ на друга.

Какъ недавно были онѣ еще дѣвочками, жили въ провинціальномъ городѣ и влюблялись въ однихъ и тѣхъ же актеровъ. Какъ много воды утекло съ тѣхъ поръ.

— А что же ты не здороваешься еще съ однимъ старымъ другомъ, — говоритъ Раиса.

— Ахъ, да, да, простите... но вѣдь это баронъ?... Ну, конечно, — баронъ Дирксъ! Вотъ неожиданность!...

И всѣ они, какъ въ былое время, гурьбой пошли въ Ольгину комнату.

Тутъ наперебой Ольгѣ разсказали, какъ случилось, что всѣ они здѣсь.

— Дѣло въ томъ, что уже скоро Рождество, и баронъ рѣшилъ повеселиться въ Петроградѣ — онъ, вѣдь, живетъ теперь въ провинціи, открылъ контору и сталъ нотаріусомъ. Ну, вотъ, а тутъ онъ въ кафэ встрѣтился съ Леной. Они разговорились. Вспомнили старые дни. А потомъ баронъ предложилъ заѣхать къ Раисѣ. Вѣдь, это его былая страсть, ха-ха! Ну, вотъ. Пріѣхали къ Раисѣ, а тамъ уже сидитъ эта толстая Манька. Вы только посмотрите на нее, что изъ нея стало — настоящая купчиха...

— Положимъ, на купчиху она вовсе не похожа. А что же изъ того, если она немного и растолстѣла — вѣдь теперь она замужемъ, да — мужъ ея почтовый чиновникъ, и у нихъ есть уже ребенокъ — хорошенькій мальчикъ!...

— Какъ! такъ скоро?

— Почему скоро? ничуть не скоро, — какъ разъ во-время. И теперь она пріѣхала хлопотать за мужа коѐ у кого. Знаете, дядя Жоржа — вліятельный человѣкъ, а она давно уже хороша съ нимъ...

— Славу Богу, слава Богу! Значитъ, всѣ вы счастливы и довольны.

Такъ они сидѣли и разговаривали, перебирали знакомыхъ, вспоминали старину. Больше всѣхъ смѣялась и кричала Лена. У нея немного огрубѣлъ голосъ, но она безусловно похорошѣла, — если, конечно, не обращать вниманія на то, что лицо ея искусно разрисовано. Костюмъ у нея тоже самый модный, нѣсколько яркій только.

Маня остепенилась — сразу можно сказать, что она мать семейства. Все время вспоминала своего сына и даже какъ будто гордилась имъ передъ бездѣтными подругами.

Баронъ Дирксъ остался такимъ же. Только еще ниже висла его бѣлокурая голова на тонкой шеѣ, и нельзя было себѣ представить, какъ онъ — меланхоличный и томный — могъ справляться тамъ съ разными купчими, закладными и другой сухой матеріей.

И вдругъ, точно камень въ затихшій прудъ, въ комнату ворвался Сережа.

Онъ былъ взволнованъ, растерянъ, его нельзя было узнать.

Взглянувъ на незнакомыя лица, онъ сейчасъ же подошелъ къ Ольгѣ и отвелъ ее въ сторону.

XXIV

Всѣ сидѣли въ напряженномъ ожиданіи. Почему-то взволновались и не находили темы для разговора, — такъ поразилъ всѣхъ неожиданный приходъ студента. Сидѣли и ждали Ольгу, которую увелъ Сережа въ переднюю.

Прошло нѣсколько минутъ, но молчаніе казалось очень долгимъ.

И вдругъ услышали тихій вскрикъ — совсѣмъ тихій. Въ другое время его бы и не замѣтили, но теперь его ясно услыхали всѣ, а Раиса уже кинулась къ двери.

Въ передней было совсѣмъ темно, хоть глазъ выколи.

Протянувъ руки, Раиса шла впередъ.

— Да где же вы? что это такое?

Сережа молчалъ.

Ольга стояла у вѣшалки, уткнувшись лицомъ въ чье-то пальто и всхлипывала. Плечи ея, которыхъ коснулась Раиса, вздрагивали. Все тѣло дрожало мелкой, нервной дрожью.

— Да что съ тобой? Скажи мнѣ, объясни.

Ей отвѣтилъ сдавленный голосъ, совсѣмъ непохожій на Сережинъ, хотя говорилъ онъ:

— Молчи. Я пришелъ сказать, что Скарынинъ умеръ.

— Что?

Раиса испуганно кинулась въ сторону.

— Что ты врешь тутъ?

И сейчасъ же плачущимъ голосомъ стала звать подругъ:

— Маня, Лена, да идите сюда! Что это, право, такое! Они тутъ всѣ съ ума посходили, а мнѣ страшно, я кричать начну!...

Въ двери появились остальные. Баронъ Дирксъ зажегъ спичку и высоко держалъ ее надъ головами.

Мутный дрожащій огонь съ легкимъ потрескиваніемъ разливалъ желтые круги свѣта.

Видна была только Ленина шляпка и рука барона, все вокругъ стало еще чернѣе и гуще.

Ольга не переставала плакать. Всѣ старались увидать ее и ширили глаза.

— Скарынинъ умеръ... почему умеръ? — проговорила Раиса.

— Умеръ? кто умеръ? — повторили за ней испуганные голоса.

— Человѣкъ умеръ, мой товарищъ, — съ раздраженіемъ сказалъ Сережа. — Застрѣлился. Наскучился вашимъ милымъ обществомъ.

И, найдя въ темнотѣ выходную дверь, ушелъ, громко хлопнувъ ею.

Маня крестилась. Раиса вытирала мокрые глаза. Нервный баронъ быстро ушелъ изъ передней.

Ольга замолкла. Ея не было слышно, — такъ тихо она стояла тамъ, въ своемъ углу. Потомъ, оттолкнувъ утѣшавшую ее Лену, она прошла къ себѣ въ комнату и остановилась у стола.

Черезъ сколько мукъ прошла она сейчасъ: мукъ стыда, раскаянія, жалости, покорности и возмущенія.

Скорбная тѣнь не отступала. Не было мѣста печали — нужно было или отречься отъ себя, или порвать съ прошлымъ.

Для Ольги самоубійство Скарынина не было просто тяжкой утратой. Что-то въ ней самой точно умерло съ нимъ, и почти безсознательно Ольга понимала, что нужно было оторвать отъ себя эту мертвую часть своего я, чтобы остаться жить. А она хотѣла жить, она еще не сдалась. Вася, Скарынинъ — оба они искали любовь тамъ, гдѣ ея не было, требовали у любви то, что она не хотѣла имъ дать. И оба умерли.

А Ольга хотѣла жить, она вѣрила въ послѣднее усиліе, не могла не проявить его, и самоубійство Скарынина готово было убить эту вѣру. Попеременно овладѣвали ею быстро смѣняемыя ощущенія, и она отдавалась имъ какъ будто бы помимо воли, внезапно.

Что-то толкало ее порвать все разомъ, сжечь корабли, сію минуту очутиться на другомъ берегу. У нея захватило духъ; почти радость, жуткая радость ширила сердце, какъ бываетъ это съ человѣкомъ, кидающимся изъ окна горящаго зданія на мостовую, бѣгущимъ отъ предвидимой смерти къ нежданной.

Глаза ея были сухи и блестѣли. На вискѣ билась синяя жилка. Весь обликъ ея выражалъ непоколебимую рѣшимость.

Пальцы на рукахъ ея хрустнули, — такъ сильно она ихъ сдавила. Голосъ сдѣлался стальнымъ, рѣзкимъ. Всѣ съ напряженіемъ смотрѣли на нее.

Она сказала:

— Я ѣду сейчасъ ужинать въ ресторанъ. Кто хочетъ со мною?

Никто не отвѣчалъ. Всѣ чувствовали себя неловко, не знали, какъ отнестись къ ея словамъ.

Раиса отвернулась и стала поспѣшно собираться домой.

Ольга повторила такъ же твердо. Въ голосѣ ея теперь звучала даже насмѣшка:

— Что же, никто не поддержитъ мою затѣю? Тогда я ѣду одна — меня будутъ ждать тамъ.

Она порылась у себя въ бюварѣ и начала писать что-то на клочкѣ бумаги. Быстро-быстро забѣгала ея рука.

— Нѣтъ, почему же, мы ничего не имѣемъ противъ, — въ одинъ голосъ смущенно заговорили баронъ и Левитовъ.

Ихъ сейчасъ же поддержала Лена. Черные круглые глаза ея зажглись, ноздри раздулись.

— Конечно, это очень хорошо! Намъ нужно развлечься... Нельзя тутъ сидѣть и киснуть! Ольга молодецъ, какъ всегда. Ну застрѣлился человѣкъ, надоѣло ему жить — не слѣдуетъ изъ-за этого и намъ вѣшать носы.

Ольга выпрямилась, держа въ рукахъ запечатанный конвертъ.

— Такъ, значитъ, ѣдемъ?...

— Ѣдемъ, ѣдемъ...

Уже въ передней Раиса отвела Ольгу въ сторону, участливо заглядывая ей въ глаза.

Ольга сухо спросила:

— Что тебѣ?

— Нѣтъ, такъ... Ничего... Я хотѣла только спросить, не лучше ли тебѣ остаться дома... Нервы могутъ не выдержать...

Рѣзко, какъ никогда еще, Ольга оборвала ее:

— Прошу обо мнѣ не безпокоиться... Я сама знаю, что дѣлаю!...

XXV

Петроградъ видѣлъ свой послѣднiй больной сонъ. Уже въ морозной мглѣ ранняго утра слышались голоса и чьи-то шаги.

Кухарки шли за провизiей. Когда просыпаются люди, они вспоминаютъ о своемъ тѣлѣ.

Еще рѣялъ ночной звонъ телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ, этой эоловой арфы города.

Съ розовѣющей выси сыпался иней. Онъ наполнялъ весь воздухъ серебряной дрожащей паутиной.

По-новому скрипѣлъ снѣгъ подъ полозьями. Шире становились улицы.

Тотъ, кто не спалъ ночью, не вѣритъ, что наступающiй день опять вернетъ его къ прежней жизни.

Тотъ, кто проснулся въ такой раннiй часъ, хочетъ вспомнить скорѣе вчерашнее, чтобы забыть сонъ.

Раннимъ зимнимъ утромъ дома — эти каменные ящики, за которыми прячутся люди — разска-

зываютъ другъ другу свои тайны, и горе тому, кто подслушаетъ ихъ: онъ станетъ пугливымъ, какъ занавѣшанныя окна, боящіяся ночью глянуть на улицу и берегущія безстыдство жилищъ.

Въ раннее зимнее утро, когда Петроградъ пытается улыбнуться новому дню, когда дворники выходятъ дѣлать видъ, что чистятъ улицы, проститутки сонныя возвращаются домой, воры становятся честными людьми, а солнце, самый большой шутникъ въ этомъ городѣ, рѣшаетъ полюбопытствовать и посмотрѣть на землю, — Ольга подъѣхала на тройкѣ къ подъѣзду своего дома.

Она сидѣла рядомъ съ барономъ, Лена рядомъ съ Ширвинскимъ, Раиса — съ Левитовымъ. Припухшія лица горѣли отъ мороза, голоса рѣзко рвали воздухъ.

Пряничная тройка коней фыркала и топталась на мѣстѣ, звеня бубенцами.

Слишкомъ быстро принесла она сюда съ острововъ ширококрылыя сани. Мелькнули пудренныя сосны, бѣлая лента рѣки, гулкій Каменноостровскій.

Нужно прощаться. Что тамъ было — такъ нелѣпо. Цѣлая длинная ночь — ужинъ въ ресторанѣ, вызовъ туда Ширвинскаго, «Акваріумъ», шампанское, много шампанскаго, и смѣхъ, и анекдоты и рѣзкій высокій голосъ и поцѣлуи.

Баронъ Дирксъ, этотъ вновь испеченный нотаріусъ, рѣшившій повеселиться въ Петроградѣ, былъ очень смѣшонъ. Онъ декламировалъ стихи и цѣловалъ ей руки. Корректный Ширвинскій въ смокингѣ, съ огромнымъ опаломъ на пальцѣ. Онъ тоже увлекся ,и глаза его блестѣли .

— Прощайте...

— Наша богиня, наше солнце, прощайте, — кричитъ баронъ.

Всѣ смѣются. Въ розовомъ инеѣ смѣхъ рвется и мгновенно гаснетъ.

Ширвинскій вылѣзъ изъ саней, чтобы помочь Ольгѣ.

Онъ держалъ ее подъ локоть и говорилъ шопотомъ:

— Такъ сегодня утромъ мы будемъ у тебя съ княземъ... Жди насъ...

— Да, да, конечно...

Заспанный швейцаръ открылъ дверь. Сѣрая, мутная лѣстница, звонокъ, полуодѣтая горничная и, наконецъ, своя комната.

Ольга остановилась и провела кистями рукъ по замерзшимъ щекамъ и лбу. Что-то шумѣло въ головѣ, но мысли были, какъ никогда, ясными. Ни печали, ни раскаянія; казалось, все давно рѣшено и обдумано, давно оборвано съ прошлымъ.

Она прошлась по комнатѣ, передвинула стулъ, поправила шторы. На мгновеніе замерла у окна, сплошь разрисованнаго морозомъ, льющаго въ комнату розовый утренній свѣтъ. Морозные узоры сплетались въ загадочные цвѣты, разсыпались лучистыми звѣздами, медленно двигались сверху внизъ, перемѣшивались, опять сверкали новымъ рисункомъ.

Или это кружилась голова и слипались глаза?...

Ольга отошла отъ окна и легла на кровать. Сейчасъ же невѣроятная слабость овладѣла ею.

Розовый свѣтъ померкъ, и стало темно, какъ ночью.

Когда Ольга очнулась, былъ уже день.

Въ окнѣ стаяли серебряные узоры, и виденъ былъ желтый домъ напротивъ. Уже въ квартирѣ хлопали дверями и звенѣли чашками.

Ольга поднялась и присѣла къ зеркалу. Она всматривалась въ свое лицо, котораго давно уже не видала. Нѣжный румянецъ проступалъ сквозь бѣлизну кожи, спутанные во снѣ золотистыя пряди волосъ падали на лобъ и придавали ей видъ маленькой дѣвочки, выпуклые глаза стали глубо-

кими и свѣтлыми, поблѣднѣвшія послѣднее время губы теперь отъ вина заалѣли.

— Да, я красива, — сказала Ольга, и вдругъ лицо ея стало вни мательнымъ и серьезнымъ, глаза ушли въ глубь зеркала. Тамъ, въ зеркалѣ, за нею отражался столъ, на немъ лампа, стаканъ молока, не выпитаго съ вечера, и чье-то письмо.

Да, около стакана лежало письмо съ городской маркой.

Ольга быстро поднялась. Сердце ея шибко билось. Пальцы дрожали, когда она взяла конвертъ съ незнакомымъ мужскимъ почеркомъ и разорвала его.

Нѣкоторое время она даже ничего не понимала, что написано въ письмѣ, — такое волненіе охватило ее. Потомъ упала на стулъ и заплакала. Кусала губы и беззвучно плакала, безъ рыданій, безъ стоновъ. Просто капля за каплей лились изъ глазъ слезы, какъ будто-бы туда попало что-то и щекотало вѣки. Она сидѣла, закусивъ губу, а слезы лились сами собою и въ рукахъ лежало забытое письмо.

Вотъ оно, наконецъ, это большое, огромное счастье! Боже мой, какъ долго она ждала его, боялась его и не вѣрила, что это можетъ притти.

Ну да, вотъ оно, наконецъ, пришло къ ней въ это утро. Какъ она измучилась, какъ устала... Да... очень, очень устала... Хорошо, если бы кто-нибудь пришелъ и тихо-тихо погладилъ ее по головѣ и поцѣловалъ бы въ лобъ, какъ мама.

Какое оно простое, ясное — это счастье. Оно ничѣмъ не поразило, оно пришло и разлилось вокругъ бѣлымъ облакомъ. И надо сидѣть и молчать, чтобы оно не разсѣялось, какъ облако.

Только слезы... глупыя слезы — льются и льются изъ глазъ и падаютъ на колѣни, на письмо.

Такъ она никогда еще не плакала.

XXVI

И вдругъ буйная радость наполнила ея сердце и быстро подняла ее со стула.

Шубку, шляпку, муфту — скорѣе, скорѣе.

Ольга бѣжала по лѣстницѣ, бѣжала по улицѣ, никого не замѣчая, ничего не видя. Вошла въ цвѣточный магазинъ. Звякнула стеклянная дверь, обдало душистое парное облако.

— Цвѣтовъ!

— Какихъ угодно, сударыня?...

— Всякихъ... ландыши, гвоздики, розъ, хризантемъ... все, что можно... только скорѣе, скорѣе... и вотъ вамъ деньги... все что у меня есть — это я получила вчера, а сегодня мнѣ ничего не надо, кромѣ цвѣтовъ...

Высыпала на прилавокъ всѣ полученныя наканунѣ деньги — десять золотыхъ... Желтые кружочки разсыпались со звономъ по стеклу. Смотрѣла на изумленнаго приказчика и улыбалась ему совсѣмъ по-дѣтски.

— Не удивляйтесь... я не сумасшедшая... но я очень счастлива и очень люблю цвѣты... Для меня ничего не стоитъ отдать вамъ такъ много золота — вѣдь, ко мнѣ сегодня пріѣдетъ мой женихъ!...

И такой радостью сіяетъ ея лицо, что приказчикъ тоже начинаетъ улыбаться и уже не удивляется ей.

Онъ быстро и ловко завертываетъ въ папиросную бумагу горшки съ цвѣтами.

— Прикажете отослать?

— Нѣтъ, пусть мальчикъ везетъ ихъ вмѣстѣ со мною. Только скорѣе.

И вотъ она у себя въ комнатѣ, а вокругъ нея стоятъ горшки съ цвѣтами, цвѣты лежатъ на кровати, на полу, на подоконникѣ. И она точно сказочная принцесса среди всей этой роскоши, право, словно мамина маленькая принцесса.

За окномъ морозъ и снѣгъ, а у нея зацвѣлъ садъ для ея жениха.

Вѣдь вотъ его письмо. Онъ самъ написалъ ей, что рѣшилъ притти къ ней сегодня, не ожидая ея отвѣта. Что онъ готовъ полюбить ее, еще не знакомую. Онъ мысленно цѣловалъ ея волосы.

Это письмо передъ нею, и она не спитъ. Она дѣйствительно сидитъ тутъ, у себя въ комнатѣ, послѣ безсонной ночи, а кругомъ нея дышатъ цвѣты. . . .

Ольга опять подошла къ зеркалу. Взглянула на себя и засмѣялась отъ счастя. Она никогда не видала себя такой красивой. И какъ хорошо, что на ней простое синее платье и волосы спущены на уши, какъ у дѣвочки. . .

Она стояла и улыбалась, но внезапно тѣнь прошла по ея лицу. Глаза остановились, руки упали внизъ. Ольга чувствовала, что радость, счастье, бѣлое облако, спустившееся къ ней, уплыветъ, таетъ, покидаетъ ее.

Она сдѣлала невѣроятныя усилія, чтобы удержать его, вытянулась даже вся, напряглась, сжала холодѣющими пальцами виски, пробовала улыбаться. Но душевныя силы, вернувшіяся къ ней съ надеждой и цвѣтами, покидали ее, безъ всякой видимой причины ускользали, безостановочно и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе, какъ падаютъ силы физическія передъ обморокомъ. Издерганные нервы, слабѣющая воля не въ силахъ уже были поддерживать ея радостный подъемъ, и гдѣ-то одинокое, потерянное стучало и ныло сердце, просило покоя у измученной души и не находило отклика.

Безконечное равнодушіе, холодъ небытія, душевный обморокъ сковали Ольгу. Она чувствовала себя такъ, какъ чувствуетъ себя человѣкъ, когда, желая поднять только что парализованную руку, онъ съ недоумѣніемъ, покорнымъ отчаяніемъ видитъ ее недвижимой, неповинующейся его волѣ.

Даже на время мысли всѣ ушли куда-то, и не приходило возмущеніе. Сонная одурь заволакивала какъ туманомъ, все существо Ольги.

Наконецъ, ослабѣвшая чуть проснувшаяся мысль пошла — покорная — за чувствомъ, и родился страхъ, страхъ передъ наступающей минутой.

Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Но страхъ росъ, переходилъ въ ужасъ! Да что это съ ней, наконецъ?

Нѣтъ, такъ больше нельзя, нельзя. Вѣчный страхъ.

Нѣтъ, нѣтъ, этого не должно быть, этого не будетъ. Какъ она смѣла только думать объ этомъ? Она такъ устала.

Пусть онъ найдетъ только ея тѣло, такое же красивое, какъ и тогда, когда впервые они увидались, а душу, душу онъ не увидитъ, онъ не ужаснется передъ ея мракомъ, не разгадаетъ ея. Она навсегда останется для него желанной и чистой, чистой. . . .

И неожиданно вспомнила. Вѣдь сегодня двадцать второе декабря. . . Да, да. . . ровно годъ прошло съ тѣхъ поръ, съ того снѣжнаго дня, съ того мгновенія, когда къ ней пришла любовь. Какъ круто тогда повернуло колесо ея жизни, какъ быстро оно привело ее къ концу. . .

Но почему, почему не жить дальше, не бороться? Да просто не стоитъ. . . Не нужно, пора все это кончить. . . Вотъ придетъ къ ней возлюбленный, и умретъ несбереженная ея любовь. Она не умѣетъ строить, а какъ жить на развалинахъ? И почему то вспомнила свой сонъ, тотъ вѣщій сонъ, что приснился ей въ часъ, когда умерла мать.

Положила руки на столъ, склонила голову на мигъ, закрыла глаза и увидала скорбный ликъ иконы, и вслѣдъ за этимъ мелькнуло въ сознаніи: «вотъ иду за вами слѣдомъ, блѣдный мальчикъ Вася, нѣжный, любящій Скарынинъ». И улыбну-

лась, такъ кротко, примиряюще, будто во снѣ. Спокойно и уготовано стало на душѣ, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда шла къ причастію.

Забылась, уплыла куда-то далеко, на мгновеніе почувствовала себя легкой, безплотной и маленькой и увидала песокъ золотой подъ солнцемъ, и ласковое небо и услышала, точно близко гдѣ-то попискиваютъ, чирикаютъ птички, воробьи. Такъ сладко было слушать ихъ быстрый говоръ. Но рѣзко вернулъ къ жизни раздавшійся стукъ въ дверь.

Невольно вскочила Ольга со стула, держась за сердце, вдругъ нестерпимо забившееся, вытянулась — вся тревога и вниманіе. Безсознательно потянулась похолодѣвшей рукой за револьверомъ и быстро запрятала его на груди подъ кофточкой. Глаза пристально впились въ бѣлое пятно дверей.

— Можно войти?

Улыбаясь сладко, нарочито почтительно изгибая станъ, вошелъ въ комнату Ширвинскій, а за нимъ слѣдомъ, сѣменя короткими ножками, выдвинулся — съ сѣыми баками старикашка, бережно несущій передъ собою букетъ цвѣтовъ.

— Позвольте вамъ представить князя... — началъ Ширвинскій.

У обоихъ были лица торжественныя, чуть-чуть изумленныя. Смотрѣли на Ольгу, на цвѣты. Ошеломилъ пряный, густой запахъ...

Напряженно всматривалась Ольга въ ихъ лица. На время захватило духъ, синіе круги пошли передъ глазами. Но поборола себя, осилила обволакивающую тѣло, крутящую слабость и тотчасъ же оледенѣла — зимнимъ холодомъ сковало сердце. Еще одно усиліе — и уже спокойно Ольга протянула вошедшимъ руку, съ достоинствомъ дала ее поцѣловать князю.

Ширвинскій улыбался. Радовался Ольгиной выдержкѣ. Уже готовъ былъ примириться съ этой массой цвѣтовъ, наполняющей комнату.

Когда Ольга заговорила, онъ благосклонно закивалъ головой. Ему нравилось, что голосъ ея хотя и глухъ немного, но тихъ и ровенъ.

Она сказала:

— Вы какъ разъ во-время. Я ждала васъ...

И потомъ, точно вспомнивъ что-то, прислушиваясь къ далекому, ей одной слышному шуму, она добавила:

— Такъ я сейчасъ приду, подождите минуту — не долго... я переодѣнусь...

И ровнымъ шагомъ, какъ будто озабоченная чѣмъ-то незначительнымъ, обычнымъ, она прошла мимо Ширвинскаго и князя изъ комнаты своей, въ темный конецъ корридора.

Князь, восхищенный, разглаживалъ баки. Ширвинскій шепталъ значительно:

— Вотъ видите, я же говорилъ вамъ!...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Бѣлые мягкіе хлопья снѣга тайно, неслышно и быстро устилали землю. Легкіе мотыльки кружились въ блѣдномъ свѣтѣ зимняго дня.

Люди шли, улыбаясь самимъ себѣ и зажмурившись. Бубенцы звякали тоньше. У дѣвушекъ стыдливо алѣли щеки изъ-подъ напудренныхъ инеемъ прядей волосъ, а у мужчинъ добродушно обвисли усы.

Въ этотъ день, когда къ спящей царевнѣ приходитъ влюбленный принцъ, когда въ поляхъ расцвѣтаютъ голубые ночевѣи, чьи очи — очи любимой, гдѣ сказывается ея сердце; когда души утопшихъ молятся и плачутъ о грѣхѣ своемъ, отчего и синѣетъ въ эту пору ледъ и слышенъ по рѣкѣ тихій шумъ, — въ этотъ день два человѣка — одинъ вы-

сокій, полный, въ старомодномъ цилиндрѣ, другой меньше, тоньше, въ носатой мѣховой шапкѣ — шли по одной изъ тихинъ улицъ Петроградской Стороны.

Дойдя до одного подъѣзда, они молча поднялись по лѣстницѣ.

Дверь, передъ которой они остановились, была распахнута настежь и чьи-то растерянныя лица мелькали въ передней.

Тогда господинъ въ цилиндрѣ быстро вошелъ въ квартиру и спросилъ:

— Барышня Оргъ дома?

Но ему не отвѣтили занятые чѣмъ-то швейцаръ и дворникъ, а горничная испуганно пробѣжала мимо, махнувъ рукою.

Въ комнатѣ Ольги было пусто, и вяли, сладко дыша, забытые цвѣты.

Полный господинъ въ растерянности остановился. Слишкомъ много было цвѣтовъ и слишкомъ беззвучной казалась покинутая комната.

Его окликнули. Онъ оглянулся.

Въ дверяхъ стоялъ его спутникъ.

— Иди скорѣе... да иди же!...

Въ концѣ корридора за платянымъ шкафомъ, тамъ, гдѣ хозяйственной рукой была повѣшена пестренькая занавѣсочка, отдѣляющая темный уголъ со всякимъ скарбомъ, толклись при свѣтѣ колеблемой свѣчи нѣсколько людей, безтолково и ненужно о чемъ-то споря и ахая.

Молодой господинъ со свѣтлыми усами и сѣрыми холодными, несмотря на волненіе, глазами, сказалъ раздраженно:

— Надо же отнести ее въ комнату... что за безобразіе!

А равнодушный голосъ дворника отвѣчалъ дѣловито:

— Никакъ невозможно. Приказано дожидаться полицію.

Полный высокій господинъ, протолкавшись впередъ, растерянно озираясь и спрашивая: «что это, что?» — нежданно тяжело упалъ на колѣни и жалобно всхлипнулъ. Pince-nez его отъ слезъ померкло, но онъ не снималъ его.

Онъ шепталъ, подавленный, раскачивая головой, повторяя одно и то же, точно баюкая:

— Какъ жестока жизнь!.. Боже, какъ жестока!..

А другъ его, остановившись за нимъ, замеръ и, не отрываясь, смотрѣлъ передъ собою.

У ногъ ихъ, на полу, прислонившись неловко къ сундуку, лежала неподвижно дѣвушка съ блѣднымъ продолговатымъ лицомъ, съ углами посинѣвшихъ губъ, поднятыми вверхъ, и съ застывшими полузакрытыми глазами.

Тонкія руки раскинуты были въ стороны, а волосы, при паденіи дѣвушки проведшіе темный слѣдъ по нетронутому слою пыли, устилавшему крышку сундука, сбились въ жалкій, нелѣпый комокъ.

На синемъ платьѣ темнѣли влажныя пятна крови.

РУИ